

www.tezauriliturgic.ro

СВЯТИТЕЛЬ
ФИЛОФЕЙ
ПАТРИАРХ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

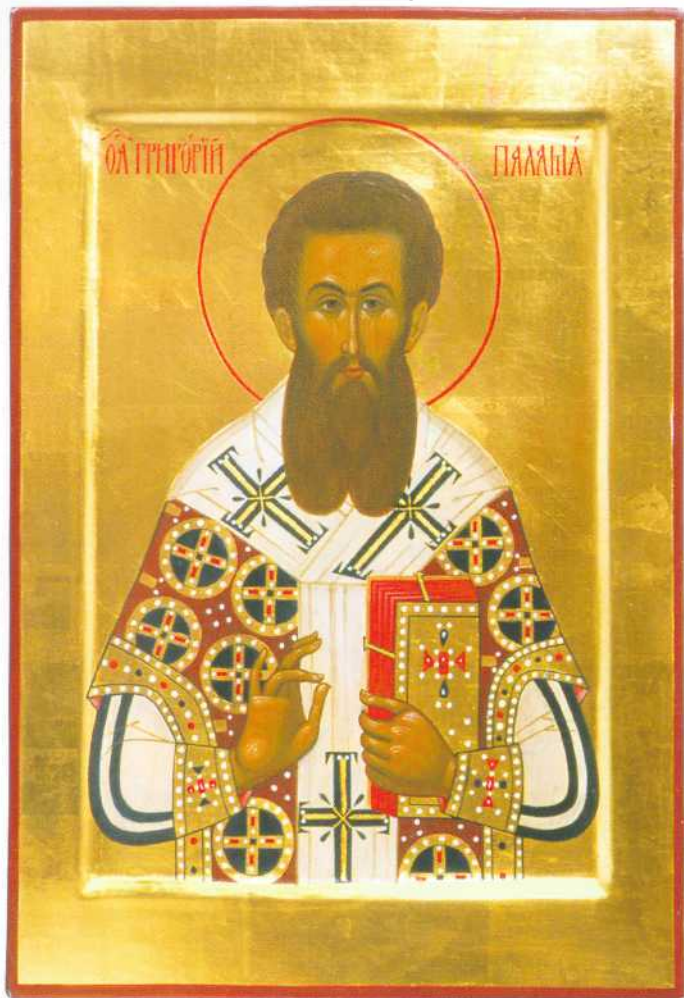
ЖИТИЕ

СВЯТИТЕЛЯ

ГРИГОРИЯ

ПАЛАМЫ

www.tezauriliturgic.ro

ЖИТИЕ

И ПОДВИГИ СВЯТИТЕЛЯ

ГРИГОРИЯ

ПАЛАМЫ,

АРХИЕПИСКОПА

ФЕССАЛОНИКИЙСКОГО

СОЧИНЕНИЕ

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

ФИЛОФЕЯ

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

2005

Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Перевод с греческого

Труд патриарха Филофея (†1379) печатается с небольшими исправлениями по изданию: Житие и подвиги свт. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, поборника веры и благочестия Православной Восточной Церкви в борьбе ее с папизмом и чудотворца. Сочинение Святейшего Патриарха Константинопольского Филофея. Перевод с греческого. Издание иеромонаха Антония. Одесса, 1889.

В приложении опубликована (в церковнославянском переводе) упоминаемая в «Житии» молитва ко Пресвятой Богородице святителя Григория, которая, как пишет агиограф, «получила начало от преподобной Марии Египетской».

К ЧИТАТЕЛЮ

Сочинение святейшего патриарха Константинопольского Филофея, которое мы издаем в переводе как житие святого Григория Паламы, собственно, озаглавивается так: «Святейшего и мудрейшего архиепископа Константинопольского, Нового Рима и вселенского патриарха кир Филофея похвальное слово иже во святых отцу нашему Григорию, архиепископу Фессалоникийскому, Паламе»¹. Это похвальное слово, вместе с похвальным словом тому же святителю Григорию патриарха Константинопольского Нила, издано в Иерусалиме в 1857 году как введение с прекрасным предисловием к беседам святителя Григория². Раньше это

¹ «Τοῦ Ἁγιωτάτου καὶ Σοφωτάτου Ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου Κύρ Φιλοθέου Λόγος ἐγκωμιαστικὸς εἰς τὸν ἐν Ἁγίοις πατέρα ἡμῶν Γρηγόριον, Ἀρχιεπίσκοπον Θεσσαλονίκης τὸν Πалаμᾶ, ἐν ᾧ καὶ τιῶν ἀπὸ μέρους Ἱστορίας Ζαιμάτων αὐτοῦ».

² Иерусалимское издание озаглавлено так: «Τοῦ ἐν Ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου, Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης, τοῦ Πалаμᾶ, Ὁμιλίαι τεσσαράκοντα καὶ μία, ὧν προηγούνται δύο ἐγκωμιαστικοὶ Λόγοι Φιλοθέου καὶ Νείλου, Πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως, νῦν τὸ πρῶτον ἐνδιδόμεναι κελεύσει τοῦ Μακαριοτάτου καὶ Θειοτάτου Πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων Κυρίου Κυρίλλου ἐν Ἱεροσολύμοις ἐκ τοῦ τυπογραφείου τοῦ Π. Τάφου. ΑΩΝΖ'».

же самое похвальное слово патриарха Филофея под заглавием «Житие и подвиги иже во святых отца нашего Григория, архиепископа Фессалоникийского, Паламы» было издано в Вене в 1784 году в переводе на разговорный греческий язык, сделанном иеромонахом Афанасием Парийским, иждивением «покровителя наук и ревнителя благочестия» Иоанна Гута Кафтанджола, в приложении к службе святителю Григорию, написанной также патриархом Филофеем, двум молебнам ему же и к молебну святому мученику Мироточивому Димитрию. Кроме того, в книге Афанасия Парийского напечатаны и следующие сочинения святителя Григория: «Десятословие», «Исповедание православной веры», а также и «Похвальное слово святителю Григорию патриарха Константинопольского Нила»¹.

Святой Григорий Палама — один из великих подвижников благочестия Греческой церкви в борьбе ее с папизмом за православие и свою самостоятельность. Во все время своего тринадцатилетнего святительства он был правилом веры и образ-

¹ Труд иеромонаха Афанасия Парийского в венском издании носит такое название: «Ὁ Παλαμᾶς ἁγίος, ἦτοι βίος ἀξιοθαύμαστος τοῦ ἐν Ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου, Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης, τοῦ Θαυματουργοῦ. Ἐν Βιέννῃ τῆς Αὐστρίας, 1784».

цом святой жизни; его письменная деятельность была многосложна и многообразна. К сожалению, сочинения этого великого защитника православия большей частью еще не изданы в свет и хранятся в рукописях по разным библиотекам — Королевской в Париже, Императорской в Вене и других. Ибо паписты, наиболее, правда, умеренные и более осторожные, заметив в творениях святителя Григория Паламы неопровержимые улики против заблуждений западной церкви, утаили большую часть рукописных творений святителя Григория в своих библиотеках, чтобы обнаружение их не посрамило многочисленных врагов его. Ни один, можно сказать, поборник веры и благочестия Греческой православной церкви не испытал столько клевет и несправедливых обвинений в отступлении от православия и правил подвижничества, как святитель Григорий Палама. Не только современные ему западные, но и восточные богословы и историки усиливались затмить высоту подвигов этого святого мужа, старались находить в его творениях много ересей как следствие отделения Восточной церкви от единства с Западною. Кроме пресловутого калабрийского монаха Варлаама, который был главным виновником церковного соблазна, и его преемника-наперсника Акиндина, сильнейшими про-

тивниками святителя Григория Паламы были: Никифор Григора, знаменитый историк и богослов времен Андроника Палеолога, патриарх Константинопольский Иоанн Калека († 1347) и другие. Были также и защитники святителя Григория Паламы, которых, впрочем, сравнительно с его противниками наберется очень мало; эти благомыслящие греческие писатели немало писали в защиту святителя Паламы против неблагоприятных о нем отзывов защитников папства, так: Филофей, Константинопольский патриарх, написал двенадцать защитительных речей против Григория, приводимое здесь житие святителя Григория и службу ему же; Марк, монах, написал три книги против противника святителя Паламы — Варлаама; Николай Кавасила, архиепископ Фессалоникийский, в защиту святителя Паламы написал шесть книг «О жизни во Христе»; Афанасий Парийский, патриархи Нил Константинопольский и Досифей Иерусалимский; преподобный Григорий Синаит, Каллист и Игнатий Ксанфопулы, Каллист Катафигиот (см. «Добротолюбие», изд. 1822 г., части I, II и IV). В защиту святителя Григория Паламы были даже целые соборы: четыре при жизни святителя Григория (1-й в июне 1341 г., 2-й в августе 1341 г., 3-й в феврале 1347 г., 4-й в мае и июне 1351 г.), а 5-й после его

смерти, в апрелѣ 1368 г. На первых четырех соборах святитель Григорий Палама защищался самолично. Смиренно и просто, но так сильно и убедительно он каждый раз опровергал все умствования своих обвинителей, что последние были преданы анафеме; 5-й же собор, бывший в 1368 году, шесть лет спустя по честном преставлении святителя Григория, торжественно причислил его к лику святых и определил ежегодно во вторую неделю Великого поста совершать память его, как «великого подвижника, защитника веры и благочестия, непоколебимого столпа Православной Церкви и соревнователя святых апостолов и святых отцев вселенских».

Два слова о нашем переводе. Принимая во внимание, что как сочинения самого святителя Григория, так и сочинения, написанные в XIV и XV столетиях в защиту его, большей частью еще не изданы и находятся в рукописях, между тем как сочинения врагов его изданы в свет во множестве и почти каждое из них переполнено клеветами на святого отца, — необходимо будет признать, что даже неполные сведения (каков настоящий труд) о жизни и творениях сего великого отца Церкви не могут не иметь некоторого, хотя относительно, достоинства и значения.

Одесса, 22 октября 1887 г.

ЖИТИЕ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ

Григорий, великий пастырь фессалоникийцев, издавна составляет в Церкви Христовой предмет всеобщего торжества и умственных состязаний. Но до сих пор никто еще не осмеливался поднять на себя трудный подвиг этого состязания: ораторы и витии, весь, так сказать, золотой сонм мудрецов, стоят в нерешимости, медлят со своим словом выступить на состязание по причине великости и величия самого предмета борьбы, предоставляют друг другу честь сплетения ему похвальных слов, принимая в соображение его изумительное красноречие, ясность и необыкновенную силу его слов, короче сказать: все чествуют великого мужа одним благоговейным молчанием. Оно и естественно и вполне понятно, ибо если бы возможно было и если бы природа допускала каждому усвоить себе образ мыслей и силу слова сего божественного мужа, то все тотчас бы в самом же начале принялись бы за дело и ни один из витающих в музах и сильных в

красноречии не побоялся бы выступить со своим словом в похвалу святого, потому что только таким образом, только при этом непременном условии словесное состязание могло бы считаться и стать достойным своего предмета и вполне достигнуть намеченной цели. Но так как ни оно великого мужа нет уже между нами, да и обстоятельства и известные условия не позволяют, — я сказал ведь, что все сильные в слове одинаково уклоняются от словесного состязания, якобы не имея для этого достаточных сил, — то необходимо, чтобы и в данном случае взяла верх дружба и рискнула на столь великий подвиг, по слову блаженного Павла: *«Любовь... не ищет своего... не радуется неправде, а сорадуется истине»*¹.

Итак, я, наименьший, правда, среди современных нам витий, но не желающий уступать никому из многочисленных друзей почившего святителя первенства в любви и преданности к нему, обязан прежде всех и преимущественно пред всеми другими взять на себя этот подвиг, чтобы исполнить, насколько возможно, свой священный долг, оставив совершенно в стороне всякие соображения, что речь моя может оказаться

¹ 1 Кор. 13, 4–6.

слабою и далеко ниже самого предмета прославления. Да если бы даже мой посильный труд в этом отношении и оказался таковым, то есть не мог бы сплести достойных похвал великому мужу, то во всяком случае останется другая, не менее важная, сторона дела — наша беззаветная любовь к святому: мы докажем, что предприняли этот труд не из-за тщеславия блеснуть красноречием, но единственно ради дружбы и любви, ради самого друга нашего.

Однако да не подумает кто-нибудь, что дружба-де как дружба, захочет употребить в дело какие-нибудь преувеличения, не сохранит подобающей истины в слове. Ибо, во-первых, подобный образ действий не свойствен ни нам, ни тому; во-вторых, речь наша ведется к таким слушателям, которые почти все знакомы с обстоятельствами раскрываемого предмета и являются, таким образом, судьями говоримого, совершенно компетентными сравнить дело со словом, которые потребуют от нашей речи фактической истины во всем ее совершенстве. Поэтому мы более боимся не преувеличения и многословия, а как бы не впасть в другую невольную крайность — в ослабление и уменьшение истины, то есть что не сможем представить все так, как оно

есть на самом деле. Посему-то, по справедливости, мы просим доброхотных слушателей прежде всего не требовать от нашего слова, чтобы оно заключало в себе все то, что совершено святым владыкою, ни того, чтобы мы изложили все последовательно, факт за фактом, ибо это невозможно сколько по множеству фактов, столько же и по их величию и важности. Итак, приведем здесь на память только самое необходимое и наиболее заслуживающее внимания из истории жизни святого мужа — жизни, возбуждающей всеобщее удивление, — одинаково избегая и чрезмерности и краткословия, в подражание примеру самого же святого.

Родители сего великого Григория были благородного происхождения, из *сущих от восток солнца*, как сказано в Писании о праведном Иове¹. С Востока они переселились в этот величайший царствующий град — я разумею град дивного Константина — и тут сделались отцами детей мужского и женского пола. Из них дивный Григорий первым вступил в жизнь и первым же сделался и во всем остальном, не только в слове и в мирской мудрости, но гораздо более

¹ Иов. 1, 3.

оказался он первым в вышних и надмирных, так что в этом отношении решительно никому не уступил сколько-нибудь первенства. Итак, что касается отечества святого и того положения, которое оно занимает, лишне, я думаю, будет распространяться; довлеет для него и того, что оно издавна устами всех называется и есть царствующий град всех градов, имея под своею властью все другие города и превосходя их всех во всем — и обширностью, и величием, и красотой местоположения, и благорастворением стихий, и пригодностью воздушных; ему благоприятствует и земля, и море, посредством которых все роды людей — и греки и варвары — отовсюду обогащают его своими дарами. Но самое главное и самое важное его преимущество состоит в том, что оно с самого начала стало неиссякаемым источником красноречия и мудрости, обиталищем эллинов, совместившим в себе в одно и то же время и все три оные знаменитые школы афинян: стоическую, перипатетическую и Академию¹, и благоче-

¹ Философские школы в древней Греции: стоическая, основанная за 300 лет до Р. Х. Зеноном, получила название от портика (Στοά) — галереи с колоннами в Афинах, где собирались ученики Зенона; перипатетики — ученики Аристотеля, слушавшие поучения на прогулках (περίπατος); Академия — местность с садом близ Афин, где учил Платон.

стие христианства, отринувшим безбожие, мифы и весь пространный вздор, вместе с ложью и прочими заблуждениями, а наоборот, приукрасившим оную мирскую мудрость истинною верою во единого Триипостасного и всемогущего Бога Вседержителя, проповеданием креста и евангельскою простотою, и сделавшим эту мудрость признательною рабою и служительницею истинной и первой Премудрости.

Такое вот всеми прославляемое отечество получил в удел дивный Григорий; столь же славные достались ему и родители, каких именно и должен был иметь виновниками своего рождения подобный муж. Подвиги, добродетели и благочестие были главными их занятиями, как это будет указано в своем месте. При императоре Андронике II Палеологе, именуемом Старшим, тотчас по вступлении его на престол, мудрый отец мудрого Григория был одним из высших сановников правительствующего синклита и отличался пред всеми такими высокими качествами, что император избрал его в руководители и наставники для своего внука, Андроника III Младшего, чтобы он поучал его добродетели и направлял его нрав словом и примером. Да и сам царь, мудрый вообще, одаренный необыкновенными природ-

ными способностями и в особенности отличавшийся пронизательностью, не стыдился иметь этого доблестного сановника своим добрым советником, наставником и руководителем в добродетели. Иной раз царь поддавался сильному гневу на своих царедворцев, прибегал к ругательствам и изрыгал страшные угрозы, и те все, как бы по предварительному взаимному соглашению, уступали, преклоняя свои головы пред гневом царя, пред его могуществом, дрожа, по Писанию, львиного рыкания¹. Отец же Григория даже и в момент такого возбужденного состояния царя не раболепствовал перед ним: он с необычайным дерзновением, но в то же время и с подобающим достоинством являлся пред разгневанным повелителем и своею кротостью и благоумным словом увещания заставляла царя усмирить и прекратить свой гнев, спокойно напоминая ему о ничтожестве и убожестве человеческого естества, «каковым, без сомнения, — говорил он, — и ты, царь, наделен, несмотря на то, что Бог поставил тебя на высоте власти над подобными же тебе по естеству людьми». Такими евангельскими и отеческими внушениями и подобными

¹ Ср: Притч. 19, 12.

мудрыми наставлениями от себя он врачевал душу своего повелителя и скоро возвращал его помышления в прежнее, от природы тяготеющее к добродетели, здоровое состояние. И царь не только никогда не проявлял никакого знака ненависти к нему, но, напротив, оказывал ему еще больше благоволения за эту чистую любовь и душе-спасительную пользу, похвалял его удивительное дерзновение, его высокий, божественный образ мыслей и тотчас с готовностью удостоивал его более высоких почестей, предпочитая его не только всем прочим сановникам, но и самим кровным своим, за чистоту души и за стремление к прекрасному и к Богу, за то, что его усердие и забота о царе не были одними только словами или притворным выставлением добродетели, как это обыкновенно делали другие. Его слово было делом, плодом бескорыстного отношения ко всему — к деньгам и к почестям: он никогда ни подарков не принимал, ни тщеславием не уязвлялся; все слова его, беседы и увещания были плодом его удивительной, неподражаемой любви к ближнему.

Столь же велика была в нем и умственная трезвенность души и так называемая, на языке подвижников, собранность духа, как в отноше-

нии самого себя, так и по отношению к Богу, несмотря на то, что вращался он в кругу людей светских. Живя во дворце и состоя высшим савновником синклита, он ежедневно должен был вести беседы о делах государственных и с царем и в заседаниях синклита. Несмотря, однако ж, говорю, на такую невыгодную для жизни духовной обстановку, отец Григория столь усовершенствовал в себе эти подвижнические добродетели — трезвенность души и собранность духа, или, сказать иначе, умное делание, что с этой стороны он скоро стал известен не только тем, среди которых вращался, но и посторонним, в особенности людям высокого ума и пронизательным. Не раз, бывало, сам царь, беседуя с ним по обыкновению о делах государства, когда замечал, что он забывал сказанное царем и вновь переспрашивал его о том же (что, разумеется, для других всех не прошло бы даром, как оскорбительная невнимательность и невежество), говаривал: «Нет, Палама сегодня забывчив, но не от легкомыслия и недостатка серьезности, а более вследствие стремления и напряжения углубиться в самого себя, от умственного делания, от напряжения приковать, так сказать, свой ум к молитве и к Богу». За это он для всех был предметом особенного почитания и ува-

жения, и этим он привязал к себе решительно всех — и архонтов, и судей, и наиболее влиятельных вельмож. Он непременно всегда являлся заступником всех обидимых, как мужчин, так и женщин, и каждый раз избавлял их от бед и напастей. Так, например: Константин, второй из сыновей царя и облеченный поэтому второстепенною властью в управлении государством, употребил во зло предоставленную ему власть в отношении одной бедной вдовы, взявши с нее ни за что, вопреки всякой справедливости, триста золотых. Сведавши об этом, отец Григория пошел к царевичу и, в беседе с ним напомнивши ему о Божеских законах, разъяснил ему и доказал, сколь всевышний праведный Судия не терпит неправды и обиды, как страшно карает Он отвергающих повеления Его, насколько Сам Он есть ревнитель достодожного исполнения законов и скорый заступник ненавидимых и обидимых, в особенности бедных и вдовиц и т. п., — достиг того, что царевич тотчас же с готовностью отдал назад взятые у бедной вдовы деньги. Последняя, чтобы отблагодарить своего заступника, сейчас же по получении обратно денег принесла отцу Григория половину их и настойчиво умоляла принять их. «Нет, женщина, — отвечал тот, упреждая ее, —

нехорошо ты и не как подобает вознаграждаешь своего благодетеля! Предложением мне ничтожного подарка ты лишаешь меня величайшего сокровища и преимущества: теперь я, как и сама ты видела на деле, стоя близко к правителям и вельможам, споспешествуемый, конечно, помощью Божию, имею силу делать столько добра, а для существа разумного, одаренного чутким сердцем, что может быть лучше и краше этой благодати? Тогда как, если бы я, поддавшись искушению сребролюбия и подкупа подарками, поставил себя в зависимость от них, то потерпел бы от этого, несомненно, многое и меня осудил бы не только Бог, но и сами дающие; что может быть хуже сего безрассудства? Иди же с миром, владей по праву своею собственностью, ибо никто уже на будущее время не станет тебя беспокоить, воздавай всякие благодарения Господу Богу, а нас дари одними только молитвами».

И не только к деньгам, и сокровищам, и к привременной славе, играющей многими и многих забавляющей, относился равнодушно, даже с презрением этот благородный муж, но и к собственным детям относился он в высшей степени беззаботно и как бы напрягал все свои силы, чтобы побороть в себе эту прирожденную необхо-

димось заботиться более всего о своих детях, чтобы порвать эти крепчайшие узы естества любовью и беззаветною преданностью Христу. Поэтому, когда друзья и родственники иногда спрашивали его, почему он, подобно другим родителям, не ласкает, не целует своих детей, по крайней мере самых маленьких из них, почему не играет с ними, по врожденному всем отцам чувству чадолюбия, он говаривал: «Я и сам этого хочу, друзья мои, да и влечение сердца и прирожденное чадолюбие подстрекают меня к этому. Но боюсь привыкнуть, не обратилось бы подобное отношение к детям во мне в постоянное свойство, и потом я был бы вне возможности перенести легко и со стойкостью потерю их, так как возможно, что некоторые из них умрут раньше своих родителей, — час смерти ведь неизвестен. Поэтому вот я и стараюсь держать себя далеко от привычки и от привязанности к своим детям, чтобы, когда Божиим велением настанет час разлуки, не оказаться совершенно к тому неподготовленным, не явиться чадолюбивым более, чем боголюбивым. Ибо за сим, по необходимости, всеконечно последует и великая, удручающая скорбь, равносильная чрезмерной привязанности и сильной любви к детям. Далее, за столь сильною, неукроти-

мою печалью следует опасность неблагодарности к Богу в словах и в делах, а кто из желающих оставаться истинно благочестивым может не утрашиться этого и не будет стараться всячески избегать всякой заботливости о земном и привременном?» И это свое убеждение сей поистине неживый человек Божий подтверждал самыми делами, когда того требовали обстоятельства. Ибо случилось одному из его детей заболеть смертельно. До кончины отец молился о выздоровлении дитяти много и жарко, то есть прибегал к главнейшему и вернейшему лекарству умственному и чувственному — к молитве; когда же увидел, что дитя прекратило жизнь и перешло в жизнь истинную, вечную, он сейчас же обратился к благодарению и славословию Бога, точно так, как поступил божественный Давид после кончины своего сына, так что сам же утешал, достойно поучая, тех из друзей, которые пришли его утешать.

Упомяну еще об одном-двух подвигах этих дивных родителей великого Григория и засим перейду к повествованию о нем самом, предоставляя рассказать остальное тем, которые хорошо это знают.

Постоянным серьезным занятием и стремлением родителей Григория было и то, что не

только они сами часто посещали святые места, ежедневно внимали беседам монашествующих и духовных отцов, но и детей своих к тому приучали и на то же направляли, не только старших, достигших уже возраста, но и маленьких, которые едва начинали говорить и еле-еле могли понимать, что им говорят другие. Делали же они это для того, чтобы дети их с самого вступления в жизнь образовали свои души душеполезными поучениями и беседами о предметах священных. Однажды все семейство родителей Григория с домочадцами село в лодку, чтобы плыть в монастырь Фоки, что напротив Галата, с целью навестить, по обыкновению, там одного подвижника-пресвитера и получить от него сколько возможно душеспасительных наставлений и испросить себе у него молитв. По дороге отец Григория спросил домочадцев, везут ли они что-нибудь съестное, пригодное для трапезы учителя. Когда же те ответили, что за хлопотами и поспешностью поскорее выехать они забыли взять с собою что-нибудь подходящее, то он огорчился и пожурил, правда, их за такую небрежность и неосмотрительность, но предоставил и это, по обычаю своему, Божию промыслу, сказавши: «Бог даст!» И это слово его не осталось пустым звуком, но тотчас стало делом — необы-

чайно, сверхъестественно. Когда лодка проплыла по морю еще известное пространство, то он, погрузивши свою руку в воду, с верою, посредством безмолвной умственной молитвы стал искать потребной добычи у Владыки моря, и — о чудо! — вдруг вытаскивает огромную кефаль; положивши рыбу на дно лодки, он сказал своим спутникам: «Вот и трапеза нашему отцу-молитвеннику, уготованная Самим Христом!» Те же, пораженные сим необыкновенным чудом, прославили чудотворца, а в нем и подателя чудес — Бога — и по прибытии в монастырь с радостью и в веселии сердца разделили вместе с монахом-пресвитером эту чудесную трапезу. «Кто из современников или из древних знает подобное же чудо?» — воскликнем кстати и мы вместе с великим оным гласом, так как и обстоятельства чуда одинаково равны, а также равносильна и степень веры этих новых ловцов¹, с той разницею, что те

¹ По заключению Афанасия Парийского (см. «*Ὁ Παλαμῆς ἐμείνος...*», с. 69 в выноске а)), патриарх Филофей понимает здесь чудо, именно чудесный лов молодых оленей, бывшее с родителями святителя Василия Великого, когда они, укрываясь от гонений Максимиана, удалились на берега Понта (Черное море), где в дремучих пустынных лесах, под открытым небом провели около семи лет. Об этом чуде повествует святитель Григорий Богослов в своем «Надгробном слове Василию Великому». — *Прим. перев.*

(родители Василия Великого) сподобились чуда на седьмом году многобедственного за благочестие жительства в пустыне, под открытым небом, на холоде и под дождем, после долгой общей, целой семьей молитвы к Богу; а отец Григория сподобился такого же чуда недалеко от царского дворца и собственного жилища, помолившись один втихомолку, и притом сей — на воде во время плавания, а те — на суше в горах.

Между тем, среди таковых чудесных обстоятельств жизни, отцу этого богоблагословенного семейства пришел час преставиться от здешней жизни привременной в жизнь вышнюю блаженную. Перед кончиною он принял монашеское пострижение, хотя и прежде, до принятия схимы, он своим благочестивым житием и делами не был далек от подвижнического совершенства. И вот приходит к нему его супруга, также принявшая монашество и названная Каллоною, а в мире называлась она Кали¹. Она, зная особенное благорасположение императора к своему супругу, начала просить мужа, чтобы он позаботился отдать своих детей на попечение и под защиту царя. Тот же не только не внял

¹ *Καλλονή* — красота, *Καλή* — красивая. — Прим. перев.

просьбе супруги и не поддался, как человек, чувству чадолюбия, но и попрекнул ее, сказавши, что она изрекла несообразное с положением, которое занимает, и недостойное той добродетели, в которой и с которой она была воспитана. «Я не хочу, — сказал он, — оставлять детей моих на попечение земных и случайных царей, а поручаю их этой вот Владычице всех и Матери Царя Небесного (при этом он указал на стоявшую пред его глазами икону Богоматери); Ей я оставляю моих детей». И мудрый поистине муж не обманулся в своих надеждах. Ибо Царица мира убедила царей земных, по преставлении отца к Богу, взять детей под свое покровительство и относиться к ним внимательно, как и к своим собственным детям, чего они не делали другим никому; да и потом, когда они вскоре выехали из Царьграда, Она приняла их, явилась их руководительницею и во всяких обстоятельствах спасительницею их душ и телес, как это будет видно из последующего рассказа. Такие вот примеры благочестивый божественный Григорий принял от своих родителей.

Посмотрим же теперь, насколько более дивно он их превзошел, ибо пора уже и к нему обратиться нашу речь.

Итак, добрый Константин — ибо так был переименован из Константина при пострижении в монахи отец великого — оставивши земное, отошел к Богу, чего он издавна желал, и мать осталась с детьми еще очень маленькими, так как первый по рождению, то есть блаженный Григорий, едва переступил седьмой год возраста. Тем не менее она сейчас же пожелала и сама принять монашескую схиму, оставить дом, отречься от мира и предаться уединению; но, посоветовавшись, по обыкновению, со своими духовными отцами, она была удержана ими на некоторое время от этого намерения и давнего к этому стремления. Отцы духовные сказали ей: «Повремени немного: этим ты не только самой себе послужишь в пользу, но и судьбу детей устроишь как следует, воспитавши их, направивши их на путь истинный и поучивши в законе Христове, что сообразно цели и осуществилось на деле, при помощи, конечно, Божией, по слову апостола: *«Приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа»*¹.

¹ Рим. 5, 17.

Вот добрый наш Григорий предался упражнению в красноречии и изучению так называемой светской мудрости — философии, так как нужно было, чтобы такая высокая душа и сильная натура не была незнакома со стрелами и оружием и той стороны. И когда он еще изучал начатки грамматики, то на первых же порах испытал на себе заступничество и помощь дивной Восприемницы — я разумею общую всех Владычицу, доказавшую этим в самом начале его сиротства, что слова отца, сказанные при последнем издыхании, когда он избрал Богоматерь заступницею и руководительницею своим детям, не были одни пустые звуки, не имевшие применения на деле, но что Она постоянно, во все дни живота, будет управлять им и в конце концов успокоит в тихом, спасительном пристанище. Начавши изучать грамматику, Григорий, так как был еще в очень молодом возрасте и поэтому очень затруднялся в заучивании наизусть, положил себе за правило не братья за книгу и не приниматься за заучивание наизусть, доколе предварительно не сделает пред иконой Богоматери трех поклонов с молитвою. И если это делалось, то всегда заучивание наизусть урока Григорию доставалось легко, без малейшего преткновения; если же случа-

лось, что он иногда по поспешности забывал сотворить свою обычную молитву пред иконою, то заучивание урока давалось ему трудно, как лишенному вышней от Нее помощи, и случалось, что в таких случаях бывал даже бит своими учителями и наставниками. При всем том Небесная Царица и заступница убедила и душу императора расположиться к нему и остальным его братьям особенно благосклонно и отечески, и царь не только всячески заботился о том, чтобы они имели в достаточном количестве все необходимое содержание, одежду и деньги на прочие надобности из царской казны, но и часто призывал их во дворец и подолгу беседовал с ними весьма милостиво и человеколюбиво, несмотря на то, что все они были, как сказано, очень молоды, малолетки. При этом приближенные царя — и на службе состоявшие, и лица посторонние, частные, — видя часто Григория с его братьями во дворце, с особенным душевным настроением говорили: «Это дети того святого...» С таким особенным уважением и такою чрезвычайною любовью относились все к детям и к их родителю.

Скоро Григорий так отлично успел и в грамматике, и в риторике, что пришли в изумление и заговорили о нем с великою похвалою не только

в беседах, но и в сочинениях все тогдашние учителя и корифеи красноречия. Потом столь же блестящие успехи оказал он по физике и по логике, короче сказать, по всем аристотелевым наукам, так что даже сам славившийся в то время своею всестороннею ученостью великий логофет (то есть канцлер), ближайший и непременный советник царя и сотрудник в делах государства, завязавши в присутствии царя разговор с Григорием о трактате логики Аристотеля, до того был поражен успехами юноши, что не мог сдержать себя и скрыть своего удивления, но тотчас, обративши речь свою к царю, в восторге сказал: «Да и сам Аристотель, если бы был в числе слушателей этого юноши, несомненно, похвалил бы его чрезвычайно, как я полагаю; я говорю это к тому, чтобы показать, что те, которые изучают риторику, да и все вообще науки Аристотеля, столь обширные и написанные так отвлеченно-философски, должны быть непременно людьми высокой души и необыкновенных природных способностей». Вследствие чего и сам царь, весьма обрадованный и как бы гордясь таким предивным благородством юноши, возлагал на него большие надежды, готовил ему блестящую будущность. Но тот, имея взоры свои и ум постоянно обращен-

ными к вышним Царю и Царству, к оному не-
таенному и нестареющемуся синклиту, и всеце-
ло преданный мыслию и сердцем всему небес-
ному, мало думал обо всем остальном: о земном
он не только не заботился, но даже и речи о нем
избегал, повторяя с пророком: *«Часть моя еси,
Господи, рех сохранити закон Твой»*¹, *«Наста-
ви мя на стезю заповедей Твоих, яко тую вос-
хотех»*² и *«Отврати очи мои, еже не видети
суеты; в пути Твоем живи мя»*³ и тому подоб-
ное. Вследствие такого настроения души, он го-
раздо более тяготел к монашествующим, посто-
янно старался сближаться с подвижниками и на-
ставниками добродетели. Особенно любил он бе-
седовать с монахами, приходившими в столицу
со Святого Афона и так или иначе заявившими
себя со стороны строгих правил подвижничества.
Эти-то вот суровые по жизни отцы постоянно
говорили ему, что труден и крут будет для него
прямой евангельский путь и легкое бремя Гос-
пода покажется ему тяжелым и жестким, если
он во всю жизнь свою будет вращаться среди
мирских людей, которые охотно, всем своим

¹ Пс 118, 57.

² Пс 118, 35.

³ Пс 118, 37.

произволением, отдают себя во власть миру и его державцу, которые живут одним только земным и умерли для всего небесного, которые постоянно отрывают от небесного жития и своих учеников, если последние окажутся не очень внимательны к себе, если не стяжали себе трезвенности духовной, что поэтому, — говорили они, — лучше и надежнее оставить дом свой и отечество, взять крест свой и без коснения идти вслед зовущего Христа, по Его божественному слову, прямо в пустыню и на Святую Гору. Ибо только таким образом, то есть избавившись, с одной стороны, от людей, тебе противодействующих, а с другой — освободившись от мирских забот, ты будешь иметь возможность не уклониться от цели и не сбиться с пути своего доброго начинания. Если же тебе кажется в некотором смысле трудным такой внезапный переход и такая решительная без отлагательства перемена жизни по некоторым, может быть, раньше возникшим причинам, то сперва ты должен избрать себе в удел нищету и суровую, исполненную всяких лишений жизнь, и таким образом с помощью Божиею положить твердое основание и краеугольный камень дому добродетели. Ибо нищета, уничижение и суровость жизни суть как бы корни,

от которых произрастают смиренномудрие, целомудрие, чистота и освящение души, купно же и тела — начатки и основания всяческой добродетели. Этому же в числе других поучал Григория и Феодитт, этот великий светоч Филадельфийский, который от уединенной подвижнической жизни на Святой Горе перешел, или — сказать лучше — взошел на свещницу святительства Филадельфийской церкви. Он был отцом и наставником Григория, преподавшим ему тайны священного трезвения и умной молитвы, когда Григорий был еще мирянином. Но это произошло впоследствии.

Тогда же блаженный Григорий, послушавши советов и увещаний святых афонских отцов, стал вдруг птенцом пернатым, рассекающим воздух, углем раскаленным или благородным конем, стремительно несущимся по равнине. Ибо выказал чрезвычайную простоту и в одежде, и в обуви, и в постели, и в остальном образе жизни, и настолько во всем этом усовершенствовал себя, и так круто изменил свои прежние привычки, что некоторым показалось даже, что он рехнулся умом окончательно и даже самый стыд утратил. А между тем Григорий так предался воздержанию, посту и бодрствованию, что не только воз-

держивался от приятных яств, к которым уже издавна привык, не только отказывал себе во сне по утрам на заре, каковой, как известно, есть самый подходящий для укрепления физических сил и которому раньше он слишком предавался, но стеснил себя чрезмерно и в обычной необходимой пище, удовлетворяя требованиям организма одним очень маленьким хлебцем и водою. Вследствие такого строгого образа жизни он стал уже выше бренного естества, вспомоствуемый в этом свыше; умел совладать вполне, подобно человеку совершеннейшему по жизни, с самыми упорнейшими пожеланиями и страстями, одолевая и восстания плоти, естественно проявляющиеся в цветущем возрасте, среди мира, в омуте той грубой материи, которая всякие страсти особенно питает и воспаляет, — так что являлся уже чем-то выше человека.

И так как он стремился постоянно к отшельничеству, к несравненному Афону, жаждая больших подвигов и высшего, совершеннейшего жития, то царь, считая это немалою потерю для себя, да и для государства ущербом и как бы расстройством, старался всеми силами — и словом, и деяниями, и царскими милостями, и обещаниями величайших наград — удержать Григория

при себе и ни под каким видом не соглашался позволить ему удалиться. Но поелику Григорий решительно желал дарам царства земного и тленного, ведущим всегда, каковы бы они ни были, человека к порабощению, предпочесть Царство Небесное и человеческому рабству — божественное усыновление, весьма мудро и возвышенно рассуждая и говоря, считая предпочтение земного крайним невежеством и неразумием, то царь, наконец, хотя и с сожалением, уступает настойчивости благородного юноши, заявляя при этом и слезами и словами свое сожаление и что разлука с ним для него невыносима, но вместе с тем и пророча юноше славную будущность: «И тут при нас, оставаясь в мире, юноша этот стал бы великим и сделался бы предметом всеобщего удивления; но так как он возлюбил лучшее, высшую, совершеннейшую жизнь, то вскоре и там он станет великим и воистину достойным удивления».

И вот Григорий, уже вышедший из отроческого возраста, на двадцатом году жизни, спешит к уединению, в отшельничество, помышляя при этом не о своем только благе — о нем он мало заботился, по слову апостола, но пещась о благе своих присных (Флп. 2, 4). Прежде всего, он постарался убедить своих домашних, как мужчин,

так и женщин отречься от мира и от всего мирского и возжелать божественного мудрствования, то есть жизни ангельской; убедил к этому же и ближайших сродников, а с ними и доброжелательных и умных рабов своих. И затем, когда он все это устроил, — отторг всех от превратностей тленного мира, водворил их в монастырях и по принятии ими ангельского образа поручил каждого под начало и руководство духовному отцу, — то и сам, запасшись толиким богатством добродетели, оставляет дом вместе со своими двумя братьями и удаляется из отечества для осуществления купли большей, совершеннейшей, сверхъестественной.

Вышли они из Константинополя уже к концу осени по направлению прямо к священнейшему Афону, имея в виду там поселиться. Проходя чрез Фракию, они достигли горы Папикион, между Фракиею и Македониею, издавна славящейся святостью и строгостью жизни подвижающихся на ней отшельников. Тут, среди этих богомудрых отцов, они порешили перезимовать. И это опять было делом Божия промысла, который хотел показать и ум мудрого Григория, и ту божественную благодать, которая его осеняла, и чрез него чудесным образом направить многих к истинно-

му богопознанию, как это будет видно из последующего. Ибо, проводя там зиму со своими братьями и подвизаясь купно с монахами в благочестии и чистоте, он, во-первых, показался им настолько великим и дивным поистине своим словом, нравом, своею внешностью и даже поступью, внимательностью, собранностью ума — одним словом, всем тем, чем проявляется и познается человек, от природы по Богу сущий, — что все приходили в изумление, замечая, как много старческого сосредоточено в молодом, не вполне еще сформировавшемся теле, и в словах, и в действиях, и в образе мыслей. Во-вторых, те, которые жили на соседней горе и с давних времен от самого рождения следовали заблуждению маркионитов, или мессалиан¹, стали победною добычею богомудрого Григориева языка, ибо лишь только узнали они, что такой необыкновенный человек поселился там, на горе, в келлиях монахов, то стали приходить к нему сперва по два и по три человека для собеседования и испытания, но когда убедились, что слова их к нему всякий раз оставались тщетными,

¹ Мессалиане, последователи учения Маркиона, думали, что во всех душах находится злой дух, которого должно изгонять постом и молитвою, почему называются также евхитами (εὐχίται — молитва). — *Прим. перев.*

ничуть не достигали цели, то возвращались назад, говоря, что правда на их стороне, но что сами они бессильны в диалектике, а что вот их учителя так необыкновенно сильны как в диалектике, так и в догматической точности, что трудно с ними кому бы то ни было даже малость побеседовать. Но Григорий, исполнившись Духа Святого и воспламенившись божественным рвением, не потерпел этой так гнусно сплетаемой клеветы на слово Божие и не замедлил сам пойти к этим мнимым богословам, взявши с собою одного из своих братьев. Чтó он там высказал в своей беседе с вождями ереси и как он все и всякие выдвинутые ими доказательства и возражения разбил без труда, как паутины, и дело состязания привел к совершенно противоположному исходу, доказавши, что даже сами те, коими прочие так хвалялись, ничего здравого не сказали, что, напротив, они сами решительно не знают того, о чем говорят, и тщетно изливают на Святую Церковь ложь и клевету, — об этом, говорю, распространяться и не время теперь, и притом это есть дело большей, пространнейшей истории. Об одном только из всего этого считаю необходимым упомянуть и таким образом от части, как говорится, прийти к доказательству целого.

Ересеначальники мессалиан и учителя их учат, что одна должна быть молитва христиан, именно молитва, слово в слово преподанная самим Иисусом Христом Его ученикам, просившим Его научить их, как должно молиться. Эту единственную молитву они приняли в своей религиозной общине и воспретили всякую другую. Это вот самое они тогда, в числе других нападков на нашу Церковь, и Григорию приводили как нечто великое и в своем роде сильное доказательство, что наша Церковь будто бы не соблюдает божественных законов и установлений, которых она не имеет права безнаказанно преступать. Григорий же отвечал на это: «О святых учениках Христовых, которые первые спросили своего Божественного Учителя о молитве и были ей научены самим Иисусом Христом, вы никогда, как думаю, не скажете, что они преступили предание Его и учение?» Те отвечали, что именно ученики и апостолы были первые блюстители и исполнители заповеди Христовой, что и сами они соблюли молитву Господню, и посредством Евангелий передали ее в грядущие роды, «а вы сами нарушили предание введением вместо этой молитвы своих собственных молитвословий и песнословий». На это божественный Григорий им отвечал: «А как

же эти самые апостолы, гонимые по вознесении Христа на небо иудеями за Евангелие и его проповедание в Иерусалиме, собравшись в горнице для общей молитвы, где ниспослано им и появление Утешителя, не ограничились произнесением слов одной Господней молитвы, но каждый из них молился своею собственною молитвою? Об этом ведь и святой апостол Лука в Деяниях апостольских повествует, что не словами этой молитвы они помолились, но именно иными словами, времени и обстоятельствам особенно приличными, молились они, и что молитва их так была угодна, что Бог с высоты трусом потряс место, где они молились, а появление Духа Святого засвидетельствовало угодность их молитвы: *«И помолившимся им, подвижесе место, идеже бяху собрани, и исполнишася вси Духа Свята и глаголаху слово Божие со дерзновением»*¹. Также и мытарь, по слову Иисуса Христа, хотя не этою молитвою помолился во храме, вышел оправданным паче фарисея. Потому всякому, истинный ум имеющему, необходимо понимать в учении Иисуса Христа и выводить из этого учения то, что не в этих только словах Христос заключил всю

¹ Деян. 4, 31.

суть молитвы, но в ней Он дал верующим именно образец молитвы, тайнодейственно научил тому, чтобы мы и в молитвах, и в песнопениях, и в прошениях, благословляя Его во всякое время и, по слову божественного Давида, хваля Его во устах своих¹, постоянно придерживались смысла, имели в виду цель этих божественных слов и никоим образом от этого не отставали. Всмотритесь, вздумайтесь в точный смысл сего учения: ведь не сказал же Божественный Учитель, преподавая апостолам сию молитву, что этими только словами молитесь, а как? Так молитесь и вы, то есть по этому образцу, который Я теперь указываю, устанавливая как бы известное определенное правило и закон, как должно приближаться к Богу и молиться, о чем они и сами раньше просили: *«Господи, научи ны молитися, якоже и Иоанн научи ученики своя»*². Следовательно, и первые ученики Христа, и апостолы, наученные Иисусом Христом, и сами пользовались этим правилом и образцом молитвословия, и нас, своих учеников, научили тому, чему сами были научены. И это вот и мы издавна, сообразно их учению, и сообща делаем, и в отдельности наедине, приводя к это-

¹ Ср: Пс. 33, 2.

² Аж. 11, 1.

му правилу и к этой первой молитве все, что проносим в молитвословиях и в песнопениях по Его, Иисуса Христа, слову и учению, ибо Он сказал: «Так молитесь и вы». А что о кресте Христове и о нашем чрез святой крест спасении и возрождении говорил святой Григорий этим врагам креста, что он говорил им о том, что знамение креста имело воздействие на древних патриархов и пророков и тайно их совершенствовало, чему ясным доказательством служит явившееся впоследствии таинство божественного смотрения, — то об этом и теперь можно слышать от того же самого богомудрого языка, который так прекрасно и так возвышенно об этом повествует, то есть в тех сочинениях Григория, в которых он о честном кресте беседует.

Таковыми-то и подобными доводами чрезмерно поразивши своих ажемудрых собеседников, как бы зажавши им уста и удержавши их нечестивое и продолжительное богохульство, Григорий возвратился оттуда славным победителем с блестящими трофеями. Ибо ересеначальник их с той поры принялся обдумывать и изучать слова Григория, и, убедившись в их истинности, сам он и многие из его стада пришли спустя несколько времени в Константинополь, возвратились в лоно

великой Церкви верующих и, проклявши заблуждение отцов своих, стали и сами членами нашего священного собора. И это было для Григория как бы вступлением в отшельничество, начатками подвигов, провозвещавших величайшие подвиги его за благочестие и последующие трофеи.

Чудом немалым показалось жившим на горе монахам то, что он воротился цел и невредим, что смог избежать руки и коварства тех, коих было так много, и что он один не только выдержал напор целой ереси, но и со славою взял верх, посрамил и уничтожил тех, которые не раз тайно убивали всех, кто им противоречил, которые и против него, и против его брата замыслили недоброе. Так божественная рука и сила Всевышнего защищает и храм своих присных! Еще во время их пребывания среди этих варваров, когда Григорий по окончании своей беседы с ними возвратился с братом к себе в келлию, эти плуты кровожадные вздумали послать им в виде дара некоторые яства для трапезы. Однако эти яства скрывали в себе смерть, что, разумеется, не укрылось от прозорливого Григория, который по внушению божественного Духа принял, правда, это приношение тайного злодейства, но никому из своих не позволил даже прикоснуться к трапезе. Все повиновались

ему и воздержались. Когда же один из присутствующих, чтобы сделать опыт, бросил присланный хлеб стоявшим у двери собакам, то один щенок, лишь только проглотил хлеб, тотчас окошел. Тогда и все прочие убедились в прозорливости Григория и в том, что присланная коварными убийцами трапеза действительно была отравлена смертельным ядом, почему тот и запретил, чтобы никто не вкушал ее.

После этого чуда божественные отцы горы Папикиона, дивясь еще более великой добродетели Григория, старались всячески удержать его у себя вместе с братьями, чтобы получать пользу от его добродетели и мудрости. Но все их усилия были напрасны: он издавна стремился к прекрасному Афону и его неземным благодатным красотам. Поэтому, лишь только настала весна, Григорий, взявши обоих братьев, пошел на желанный Афон и, достигнув Ватопедской лавры, тут избрал своим наставником в духовных подвигах старца Никодима, мужа дивного в подвижничестве, как это небыл известно всем живущим на Афоне. Никодим стяжал себе славу строгого подвижника еще раньше, на Авкантовой горе, что лежит на супротив Византии, к востоку, по ту сторону Пропонтиды, в Хрисополе; и впоследствии в Ва-

топедской обители, предаваясь тем же многотрудным и многоплодным спасительным подвигам благочестия, удостоился дивной и блаженной о Христе кончины. Сему-то изведенному в подвижничестве отшельнику Григорий, тотчас по прибытии на Афон, отдал себя под начало и вскоре затем принял от него и пострижение в монашество.

Уже истекал второй год, как Григорий по данному обету совершал трудный путь подвижничества в посте, бдении и в непрестанной днем и ночью молитве к Богу, ежечасно руководимый и споспешествуемый заступницею и сильною ходатаицею Богоматерию. И вот, в один из дней, когда Григорий, предавшись совершенному уединению, сосредоточил все свои помыслы на самом себе, не упуская при этом памятования о Боге, ему не во сне, а наяву предстал боголепный муж, евангелист Иоанн, наперсный ученик Иисуса Христа и друг. С кротостью и дружелюбно смотря на Григория, он сказал: «Я, как видишь, пришел к тебе вестником от Владычицы всех святых, чтобы спросить тебя, чего ради ты ночью и днем, почти ежечасно, не престаешь взывать: "Просвети мою тьму, просвети мою тьму!"» И Григорий на это отвечал: «А чего иного человек стражду-

Ватопедский монастырь

щий и исполненный, подобно мне, греха может просить в своей молитве от Бога, как не того, чтобы знать и творить Его спасительную волю?» — «Но не бойся и не сомневайся, — говорит возлюбленный ученик Христов, — Владычица всех чрез меня, Ее раба, повелевает и говорит тебе, что и Сама Она и я будем тебе помощниками». И святой Григорий снова спросил: «Когда же будет мне помощницею Матерь Господа моего — в настоящей жизни или в будущей?» На это божественный евангелист кротко и дружественно сказал: «И в этом и в будущем веке». Сказав это и

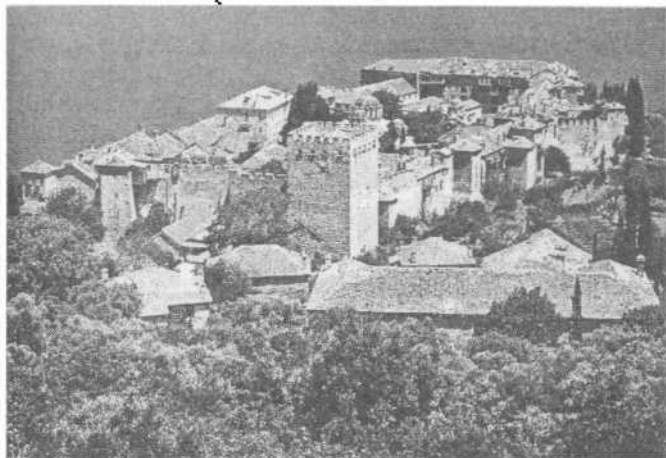
исполнив сердце Григория неизреченною радостью и веселием, с обещанием всяких благодатных даров от Богоматери, он сделался невидим.

Об этом святой Григорий рассказывал впоследствии, со слезами умиления, своему доброму ученику и сподвижнику Дорофею, ревнителю его высокой жизни, который потом стал и сподвижником его в борьбе за православную веру. Говорил ему также, что еще в отцовском доме и затем, живя во дворце, он при занятиях науками, да и вообще во всех своих делах, всегда имел великую надежду на Приснодеву и Богоматерь. Потому ежедневно, с рассветом дня, его первым неотложным долгом, прежде всякой работы, было — стать пред святою иконою и произнести с сокрушением сердца ту священную и великую покаянную молитву, которая получила начало от преподобной Марии Египетской¹.

На третьем году подвижнической жизни Григория старец Никодим, его руководитель и отец, исполненный дней святой по Бозе жизни, славно и поистине блаженно отошел ко Господу. И святой Григорий тотчас же переселился в лавру святого Афанасия Великого. Здесь отцы приняли

¹ Об этой молитве см. в Приложении, с. 217. — *Ред.*

его с обычным гостеприимством, или, сказать правильнее, с особенным, сверхобычным радушием, так как давно слышали о его необыкновенных подвигах и, естественно, сложили о нем себе самые высокие понятия. Тут он оставался целых три года, служа предметом удивления и благоговейного почитания по причине своей добродетельной жизни и философского богомудрия. Он действиями доказал, что его подвижнический искуc был гораздо больший, нежели сложилась о нем всеобщая молва. Ибо поставленный игуменом лавры прислуживать, по обычаю монастырскому, вместе с другими всеми и за общею братскою трапезою и петь в церкви с прочими кайрошанами, он всегда и во всем этом являлся исполнителем неподражаемым и приводил в изумление всех и каждого — старцев и молодых, общежителей и отшельников, мудрых и простецов. Так что душа его, казалось, была вместилищем всего доброго, высокого, святого и этими своими качествами привлекала и привязывала к себе решительно всех. А что сказать о его благодатном нраве? Его необыкновенная кротость и смирение, соединенные с высокою мудростью, служили для всех, кому приходилось с ним сталкиваться, как бы зеркалом к смиренномудрию и сокрушению.

Большая Лавра св. Афанасия Афонского

Он управлял в совершенстве не только всеми безумными страстями, привычками и пожеланиями, но и тем, чего по необходимости требовала природа; непрестанно воюя с телом, он силился стать вне тела. Несмотря, однако, на все это, любовь и стремление к совершенному уединению не дали ему подвизаться до конца в лавре. Поэтому, в конце третьего года своего пребывания там, он покинул лавру и поспешил в пустыню, оставив невыносимую скорбь лаврским подвижникам и принеся радость несказанную отшельникам, к которым переселился.

Соборный храм Великой Лавры

Глоссия было местное название тому священному скиту, куда уединился Григорий. Там подвизалось немало и других отшельников под строгим началом и руководством другого Григория, великого и знаменитого в то время подвижника, родом также из Византии. Григорий этот был предметом удивления и благоговейного почитания не только среди своих, им руководимых соотшельников, но еще более прославился впоследствии в своем отечестве, где и сподобился достойной, поистине соответственной его благочестивому житию кончины. Бог

прославил его и по смерти, даровал честным его мощам силу творить великие сверхъестественные чудеса. С этим-то соименным и по жизни однородным Григорием подвизался наш великий Григорий в Глоссии и от него, как говорят, был научен высочайшим тайнам умного делания и совершеннейшего богосозерцания¹, которые тот богомудрый муж стяжал себе временем, прилежанием и опытом в сообществе богоносных отцов.

Трудно, да и решительно невозможно рассказать со всеми подробностями все то, что совершено Григорием в отношении духовно-нравственного преуспeyания в период этого совершенного уединения, так как по своему крайнему смиренномудрию он скрывал свое духовное совершенствование более, нежели стараются скрыть свои постыдные и порочные дела люди порочные. Он весьма разумно и со всяким тщанием скрывал от шуйцы дела десницы, вознося втайне свою умную молитву и благоговей-

¹ Игумен Модест в сочинении своем «Святый Григорий Палама, Митрополит Солунский» (Киев, 1860, с. 9) говорит, что по смерти Никодима Григорий избрал себе наставником в духовных подвигах Никифора, с которым пребывал восемь лет и от которого научился «умному трезвению и умной молитве». — *Прим. перев.*

ное богопочитание одному лишь Видящему сокровенная¹. А все-таки деяния святого не укрылись от упомянутого Григория, его сподвижника и друга. Поэтому сколько последний открыл нам, столько, но не более, мы здесь и излагаем письменно.

А говорил он нам следующее: «Мудрый Григорий во время своего совершенного уединения, при собранности духа и исключительном богосозерцании, сподобился особенных божественных откровений и озарений свыше, которые, однако, трудно передать и изобразить словом. Одно, что было видимо и известно всем, даже посторонним, — это крайнее смиренномудрие и беззаветная любовь к Богу и к ближнему, по слову апостола, любовь сердечная и нелицемерная, эти два совершеннейшие и надежнейшие основания истинной жизни во Христе. Его первым поучением и, так сказать, предварительным уроком в отношении к своим присным было: *«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим»*², как равно в изречении: *«Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и искренняго твоего яко сам себе.*

¹ Ср: Мф. 6, 3, 4.

² Мф. 11, 29.

В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят»¹. Апостол Павел ставит настолько высоко эту двойственную добродетель любви, что и самое мученичество, говорит, без любви совершенно бесполезно².

Что же касается душевного сокрушения и слез по Бозе, то в этом, говорит тот же святой отшельник, преподобный Григорий особенно преуспевал: тихие, без слышимых вздохов, слезы текли у него из глаз непрестанно, подобно неиссякаемым источникам, напоая и утучняя душу, купно же и тело, по причине горячей любви к Богу, которая в нем витала непрестанно. Это душевное сокрушение, эта благодатная печаль по Бозе оставались в святом Григории в продолжение всей его земной жизни, как это все мы, за исключением немногих, доподлинно знаем. Сего благодатного сокрушения мы не находим даже в жизни и писаниях богоносных отцов — качество, которое превыше всякого слова, и знающие об этом не могут, как я полагаю, этому не верить. И, однако ж, пустынножители Глоссии не могли до конца пользоваться, согласно своим целям и желаниям, этим прекрасным, тихим

¹ Мф. 22, 37, 39—40.

² См.: 1 Кор. 13, 3.

житием, ибо, спустя два года по прибытии к ним Григория, так как нечестивые ахемениды¹ очень часто делали нападения на Святую Гору и своими набегами особенно беспокоили отшельников, живших вне стен скита, — то ежедневным разорением монашеских жилищ, то уводом в плен самих подвижников, — отшельники глоссийские вынуждены были покинуть сию тихую пустыню и переселиться в другое место, повинувшись тому божественному закону, который повелевает убежать от преследующих и не подходить близко к гонящим². И вот группа отшельников, дружных между собою по жизни и единомыслию, в числе двенадцати человек, переходит в Фессалонику и сообща решают покинуть Фессалонику и самый Афон и переселиться в Иерусалим, чтобы там, поклонившись святым местам, провести остальное время жизни в мире и тишине. Так как это решение было одобрено всеми и уже приближалось время отшествия, то мудрый Григорий искал свыше решения и соблагволения на это пу-

¹ Иначе: агаряне и сарацины. Этим именем христианские писатели называли всех вообще магометан. Ахемениды получили название от основателя этого рода Ахимена, из поколения Пассаргадов; он владел Персией и от него вели свой род Дарий и Кир (см.: Настольный слов. Толля под словом Ахемнида). — Прим. перев.

² См.: Мф. 10, 23.

тешестве, желал получить от Бога подтверждение принятому всеми решению.

И вот, когда он молился об этом наедине, ему было следующее видение. «Во время молитвы, — говорил он, — напала на меня дремота, и видится мне, что все мы, принявшие сказанное решение относительно переселения в Иерусалим, стоим в портике царского дворца, в присутствии и самого царя, который во всем царском величии восседал на троне, окруженный телохранителями, членами синклита и прочими государственными чинами. И вот, вижу я, отделяется от царской свиты один, по сану, как казалось, князь, быстро подходит ко мне, стиснул меня в своих объятиях и, обратившись к моим братьям и друзьям, говорит: «Его, как видите, я удерживаю при себе, по приказу царя; вы же, если предпочитаете уйти — уходите; вас никто не станет удерживать». Получивши это знамение от Бога, Григорий сообщил о нем своим братьям, и все единогласно порешили ни на шаг не отдаляться от обители и окрестных стран великого гражданина и градодержателя, охранителя во всяких случаях и во все времена и покровителя великой Фессалоники, то есть дивного в мучениках Димитрия, ибо из видения ясно уразумели, что князь, так

искренно и дружески, во исполнение Царского приказа державший Григория в своих объятиях, был именно сам святой великомученик Димитрий, который удерживает теперь Григория, а с ним и прочих в желанном уединении и отшельничестве, чтобы впоследствии вручить ему пастырское предстательство и святительство в Фессалоникийской церкви, что и осуществилось спустя немало времени чудесным смотрением великой премудрости Божией и Его промысла, заранее и издали полагающего основания великим делам.

Тут, в Фессалонике, Григорий принял и великий сан священства по общей просьбе его преподаваемых братьев, и принял еще в то время, когда они все замышляли переселение в Иерусалим, так как путешествие их должно было быть продолжительно и притом среди совершенно неизвестных им людей. Руководимые такими и подобными соображениями, честные отшельники усердно настаивали, чтобы Григорий был рукоположен в иеромонаха. Но так как необходимо было, чтобы такой высокий по добродетели муж во всяком начинании всегда руководился высшими соображениями и указаниями, то Григорий с благоговейною молитвою обратился к Богу, прося Его наставить, как ему поступить в данном слу-

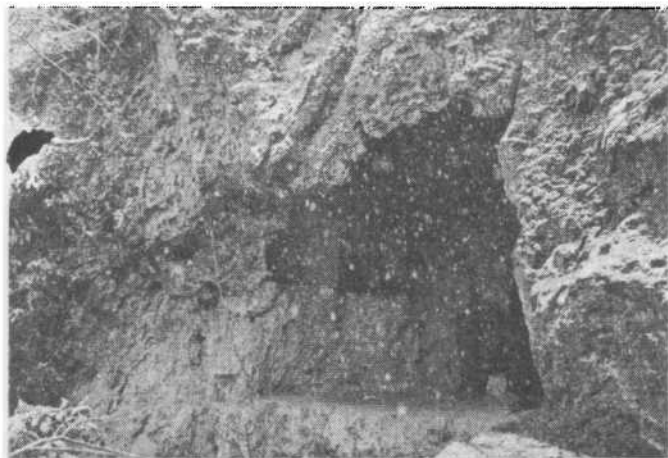
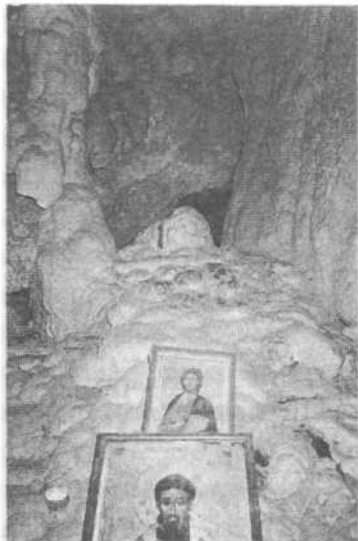
чае. Он берет в руки свиток посланий апостольских и, возведши с умными очами очи телесные к Богу, в нем искал с верою надлежащего указания. Когда он раскрыл свиток, то взоры его упали на слова, которыми апостол Павел начинает свое послание к галатам: «Павел, апостол ни от человек, ни человеком, но Иисус Христом»¹. Из сего он уразумел, что происходящее совершается не без Божия соизволения и что человеческое и земное не в состоянии сопротивляться вышнему и божественному, и таким образом принимает священство, преклоняется пред Подателем благодатных даров и тотчас устремляется на большие подвиги добродетели: сознавая в совершенстве всю тяжесть и величие священного сана, он всеми силами старается достойно почтить Почтившего его умножением в себе дарованного ему таланта, ежедневно возжигая свой духовный светильник божественным неугасаемым огнем.

Из Фессалоники после рукоположения Григория и после упомянутого указания свыше братья сподвижники уходят, проводят некоторое время в близлежащей Верии, потом удаляются на ближайшую к Верии гору и поселяются там в

¹ Гал. 1, 1.

основанном недавно ските. Тут Григорий учреждает училище благочестия и вместе со своими десятью друзьями-сподвижниками начинает снова подвизаться в нравственном совершенствовании, будучи уже поистине преисполнен всякого блага. В течение пяти дней недели он вовсе не выходил из келлии и никого не принимал к себе для собеседования; только по субботам и воскресным дням выходил для священнослужения и для духовного общения с братиею. Ему было в это время тридцать лет отроду, он пользовался совершенным здоровьем, так как никакая болезнь его не поражала даже на малое время. Поэтому он предался еще большим подвигам, еще более суровому образу жизни, изнуряя свое тело постом и продолжительным бдением и стараясь вконец подчинить его духу, очищая умственные очи души своей совершенным воздержанием, издавна обычным изливанием слез, вознося посредством непрестанной молитвы свой ум к Богу. От такой богоугодной жизни рождались в изобилии и ответственные, по апостолу, духовные плоды. Поэтому не только все бывшие с ним, но также и монашествующие на оной горе и все обитавшие в Верии видели в его удивительной жизни и в его слове первообраз добродетели, сказать проще,

Пещера около Верии,
в которой подвизался
свт. Григорий Палама

видели в нем новое чрезвычайное чудо, далеко не свойственное нашей земной природе, и считали его выше, чем есть обыкновенный человек: их удивляла и поражала не только его ангелоподобная жизнь, но и его слово и совершенно новое сверхъестественное богомудрие.

Во время этого исполненного столь удивительных подвигов уединенного его жития покидает земную жизнь прекраснейшая воистину и любимая мать Григория и отходит ко Господу, преукрашенная и обогащенная многими и великими добродетелями. Сестры Григория, девственно подвизавшиеся в монастыре, письмами из Византии извещают Григория о кончине их общей матери и вместе с тем приглашают его прибыть к ним для посещения и духовного наставления. Добрый брат, вняв письмам и приглашению сестер, отправляется в Константиноград вместе со своими обоими братьями, находит сестер вполне достойными своего рода, удивляется их добродетели, хвалит их подвиги, постоянную чистоту и строгость их жизни и, воздавши за все подобающее благодарение Богу и поучивши их достаточно высоким тайнам более совершенной жизни, замышляет возвращение назад, опять к своему уединению. Но это не нравилось сестрам, и они

сказали, что решительно необходимо, чтобы или он вместе с братьями остался там и ежедневно поучал бы их, наставляя и руководил к добродетели и к Богу, или же чтобы и они отправились вместе с ним в чуждую страну и в уединение. Григорий сказал, что ему оставаться в отечестве невозможно, отъезд же сестер вместе с ним он признает и возможным, и полезным. И вот, взявши с собою сестер, он с братьями опять возвращается в Верию; сестер он пристроил в городе в женском монастыре, внушивши им держаться попрежнему подвижнической жизни, а сам поспешил опять на гору и заключился снова в отшельнической келлии.

Немного протекло с тех пор времени, и старшая из сестер, Епихарис, оставивши братьев и все земное привременное, отошла ко Господу со славою, преукрашенная девственными и подвижническими сверхъестественными незримыми дарами, доказав явственным образом как ближним своим, так и посторонним витавшую в ней духовную благодать. Ибо и собственную кончину свою она очень ясно предсказала за девять дней, находясь телесно в совершенном здравии, и что вслед за сим имеет последовать смерть второго из братьев — Феодосия, и сам Григорий в ско-

ром времени вместе с братом Макепием снова пойдут на Афон, что он подвергнется различным искушениям, которые, впрочем, все будут иметь благой исход. И все это по ее пророчеству исполнилось с буквальной точностью. Ибо еще с раннего возраста она имела подругою и сверстницею добродетель — постоянное к Богу обращение, во всем простоту и умеренность и пренебрежение к тленным и скоропреходящим земным благам. О ней и Григорий, брат ее, рассказывал удивительные и заслуживающие внимания вещи, которые, как он сам говорил потом своим присным, он слышал от прекраснейшей своей матери, о чем долго было бы распространяться в настоящем слове.

Когда Григорий после похорон сестры возвратился в свой скит, то с ним случилось нечто такое, о чем стоит рассказать. В числе многих других отшельников, подвизавшихся на этой горе, был некий глубокий старец, не по возрасту только, но и по образу мыслей, именем Иов. Серьезный по жизни и простой нравом, он среди своих сподвижников блистал кротостью и добросердечием, короче сказать, всеми благодатными дарованиями. Он, живя в смежной с Григорием келлии, скоро стал присным Григорию, учеником его

и другом. Однажды он сидел по обыкновению подле великого Григория и слушал его поучения. И среди прочего Григорий сказал, что всяк, именующийся христианином, какого бы чина он ни был, должен упражняться в непрестанной молитве, по апостольскому увещанию, поучающему всех верующих: «Непрестанно молитесь»¹, как равно и пророк Давид, хотя был и царь, говорит: «Предзрех Господа предо мною выну»². Последуя этим богоглаголивым мужам, и Григорий Великий говорит, что памятовать о Боге должно больше и чаще, чем необходимо дышать, относя это слово также ко всем вообще верующим. «Поэтому мы должны, — говорил наш Григорий старцу, — во исполнение этих пророческих и апостольских повелений поучать и побуждать к непрестанной молитве не только монахов, отрехшихся от мира, но и всех прочих — мужчин и женщин, взрослых и детей, людей с образованием и простецов».

Слыша это из уст Григория, старец вдруг, вопреки обыкновению, стал возражать и противоречить, стараясь ясно и неопровержимо дока-

¹ Фес. 5, 17.

² Пс. 15, 8.

зять, что непрестанная молитва есть долг одних только отшельников и монашествующих, а не всех вообще мирских людей. В ответ на это возражение преподобный Григорий приводил еще много других доказательств от Писаний, но не мог убедить старца и поэтому прекратил беседу, избегая многословия и вражды. Когда собеседники разошлись и каждый из них в своей келлии стал на обычную молитву, то Сам Бог явился посредником и судьей правоты слов Григория, пославши к старцу ангела, чтобы человеколюбиво научить несведущего тому, чему он не был научен, и с тем вместе сверхъестественным образом почтить изреченное Григорием. И вот, когда старец стоял на молитве, ему является весь озаренный божественным светом ангел и говорит: «О том, о чем недавно шла беседа, ты, старец, отседе и думай, и помышляй не иначе, но как говорил священный Григорий». Сказавши это, небесный посетитель стал невидим. Старец Иов, убедившись, что этим явлением ангела ему преподано наставление свыше, тотчас же поспешил к преподобному Григорию, рассказал ему о виденном и слышанном, раскаялся пред ним в своем проявленном недавно неповиновении и сопротивлении ему и испросил у него прощение, которое и по-

лучил, и притом в большей мере, чем ожидал и желал. Ибо кто может сравниться с преподобным в смиренномудрии и несравненной любви! И с той поры старец, вновь связанный с преподобным неразрывными узами единомыслия и любви, не разлучался уже с ним никогда до самой кончины, которая в недалгом времени и последовала. Перед тем как преставиться ко Господу, блаженный Иов уже при последнем издыхании воссылаа Богу благодарения за все, в особенности же за то, что сподобился знакомства и собеседования с Григорием, в которых он многую и великую обрел себе пользу.

На пятом году усиленного подвижничества мудрого Григория на сказанной горе иллирийское¹ хищническое племя сделало набег на эту святую гору, или, лучше сказать, делало постоянные набеги на эти священные места, опустошая огнем и мечом все в окрестностях и поля, и жилища — и уводя в плен многих отшельников. Вследствие этого преподобный Григорий при-

¹ У Афанасия Парийского (см. выше): племя албанское. Албанцы, коих турки называют арнаутами, воинственные полубразованные горцы, служили наемными войсками в других государствах, и в описываемое время служили, несомненно, и завоевательному Риму, и Восточным императорам (см.: Арх. Антонин. Из Румелии. 1886 г.). — *Прим. перев.*

нужден был удалиться снова на несравненный Афон, опять в лавру святого Афанасия, к обоюдной радости своей и братии лаврской. Но в лавре оставаться, как и прежде, Григорий не пожелал, а поселился в близлежащем ските святого Саввы, изредка посещая лавру, когда лаврская братия приглашала его для совершения богослужения и назидания ради. Это бывало по субботам, воскресным и праздничным дням; в остальные дни недели он, заключенный в своей келлии, предавался непрестанной молитве и духовному единению с Богом, никого не принимал к себе и никому не показывался.

Так как всякая добродетель, по учению богоносных отцов, делится на две части — на деятельную и созерцательную, и деятельная сторона добродетели есть начало и основание созерцательной добродетели, и не только начало, но и более легкое и более скорое достижение конечной цели, а созерцание с большим затруднением достигает цели, то божественный Григорий, еще прежде отречения от мира и принятия монашеского образа, настолько упражнялся в деятельной стороне добродетели и настолько преуспел в ней, что с самого начала оказался в этом совершенен и был сравниваем с великими в этом отношении и от всех про-

славляемыми мужами. А насколько он впоследствии при непрестанном упражнении преуспел в этом — лишним считаю распространяться: он всю жизнь свою служил для всех несравненным примером крайней простоты и умеренности, равнодушия ко всему плотскому и земному; был образцом постничества, смиренномудрия и всяческого воздержания, отшельничества, душевного умиления, сокрушения и молчаливости.

Но так как его главной заботой и конечной целью было созерцание, притом созерцание высочайшее, превосходящее все другие созерцания, которое богомудрые отцы называют созерцанием Бога и непосредственным единением с Ним, божественным озарением, посредством которого и в котором они непрестанною умственной молитвою, смиренномудрием и печалию по Бозе достигают высочайшей любви и беспреткновенного богословствования, то рассмотрим, насколько преуспел в этих тайнах поистине Божий человек.

Относительно так называемого умного делания и Божественного озарения и всех тех благ, которые от сих духовных дарований рождаются, вот что говорит богомудрый муж в обличении на Варлаама, который хулил этот божественный

свет: «Когда ум человеческий отрешится от всего чувственного, и воспрянет от обуреваний суетной заботы о нем, и, начав всматриваться во внутреннего человека, увидит прежде всего личину вчерашнего суетного земного заблуждения, то сейчас же старается смыть это отвратительное зрелище печалию и сокрушением; потом, удаливши сию безобразную личину, так как душа уже не увлекается, противоестественно себе, туда и сюда, тленным и суетным, ум проникает спокойно, невозмущенный, в истинную сокровищницу и молится сокровенному там Отцу, Который по заповеди, во-первых, сообщает ему дар умственного спокойствия, при посредстве которого становится способным совершенствовать в себе врожденную ему и упражнениями усвоенную добродетель смиренномудрия, добродетель, однако, не кажущуюся, проявляющуюся в словах и внешним образом, что легко может делать и делает каждый, но ту добродетель смиренномудрия, которую создает в нем Божественный дух, обновленный в утробе его. В этих вот двух добродетелях — в спокойствии духа и ума и в совершенном, истинном смиренномудрии — и произрастают, как в огражденном умственном вертограде, всяческие древа истинной добродетели, и в самом цен-

тре сего умственного вертограда воздвигается священный чертог любви. У преддверия сего вертограда, как приутоготовление к будущей жизни, процветает неизглаголанная и неотъемлемая радость, ибо убожество рождает беззаботность о суетном и тщетном, а сия последняя есть начало и источник собранности духа и умной молитвы, которые в свою очередь вызывают печаль и слезы, слезы же смывают суемудрие и дурные привычки, с уничтожением которых путь к добродетели совершается и удобнее и легче при отсутствии преград. Наконец, все это источает более совершенную радость и блаженное веселие души. Тогда вот и многоболезненная слеза обращается в сладостную, и божественные словеса, как сладкое в гортани, паче меда для уст делаются. Тогда и молитвенные прошения превращаются в благодарения, и поучения в заповедях Божиих являються веселием сердца, говорящего с надеждою непосрамимого и начинающего предвкушать тайную вечерю и мало-помалу уразумевать превосходящее богатство божественной благодати, по слову псалмопевца: *"Вкусите и видите, яко благ Господь"*¹. Он есть веселие праведных и радость правых серд-

¹ Пс. 33, 9.

цем, веселие сердца уничиженных и утешение чрез Него же Самого всех скорбящих. Что же более? Разве здесь конец утешению? Разве в этом только заключаются дары священного обручения, так что, кроме сего, ничем другим, более чистым и совершенным, Он, жених подобных святых душ, не проявляет Себя в тех, которые омылись блаженною печалию и посредством добродетелей снарядились на брак? Нет. Ибо, когда уже изгнана из сердца всякая гнездящаяся в нем скверна, всякая посторонняя страсть и ум, как уже сказано, обратившись к созерцанию самого себя и прочих душевных сил, всецелостным возделыванием добродетелей приукрасит душу, шествуя постоянно к более совершенному, преуспевая и возвышаясь также и практически в добродетелях, омывая себя еще более при содействии Божиим, то он сметает с себя не только самомалейшую пылинку лукавого и злого, но отрясает и все приобретенное им извне, будь даже это образ нравственного совершенства и лучшего склада мыслей, — качеств, приобретаемых языческою наукою. Когда вот вследствие этого ум станет превыше того, что только умом постигается и создается воображением и, отрешившись от всего, боголюбиво и любобожественно явится

пред Богом, по слову псалмопевца, глух и нем¹, тогда он является материей безвидною и бесформенною, становится высочайшим, совершеннейшим, божественным созданием с качествами всяческого произволения, так как уже ничего извне, от мирских дел, при посредстве чувств, не стучится беспокойно в ворота ума; но одна только божественная благодать, — что самое удивительное — озаряя неизреченным светом внутрь сущее, преобразовывает оное к лучшему, совершенствует внутреннего человека. Егда же *день озарит и денница возсияет в сердцах наших*², по слову первоверховного апостола, тогда, во исполнение пророческого изречения, настоящий, истинный человек исходит на свое Господу делание³ и, ходя во свете, восходит или возносится на горы вечные, где, озаренный сим светом, созерцает надмирные вещи, не отрешаясь или и отрешаясь от идущей вперед вместе с ним материи, яко весть путь. Ибо он восходит не на парящих крыльях человеческой мысли, которая, как слепая, блуждает, усиливаясь постигнуть то, что вне чувств и сверх чувств, но возносится истинною неизреченною

¹ Пс. 37, 14.

² 2 Пет. 1, 19.

³ Ср.: Пс. 103, 23.

силою духа и духовным неизъяснимым постижением слышит неизреченные глаголы, видит невидимое и на будущее время засим, весь исполненный сверхъестественной силы чудес, становится в ряды песнопевцев, славословителей Бога, является поистине ангелом Божиим на земле, совозводя с собою к Богу и всякий вид твари, потому что и сам всякой твари сопричастен, делается сопричастником и Того, Кто выше всего, приобретает тогда еже по образу и по подобию совершенство. Поэтому и божественный Нил¹ говорит, что состояние ума есть высота мысленная, подобная цвету небесному, в которой во время молитвы проявляется и озаряет свет Святой Троицы. А Диадох², соединивши с началом конец и собравши все в одной главе, пишет: "Два свойства совершает в нас посредством крещения божественная благодать, из коих одно беспредельно превосходит другое,

¹ Нил — ученик святителя Иоанна Златоуста, из Константинопольского префекта сирский монах; по сочинениям наставник в созерцательной жизни, писавший «о порочных помыслах, о молитве, о жизни аскетов, о 33 духовных степенях и правила аскетам» (Начертан. церковн. истории Иннокентия, отд. I, с. 254). — *Прим. перев.*

² Епископ Фотики в Иллирии (V в.), написавший «Сто глав о духовных совершенствах». Изданы вместе с «Изречениями» святого Нила на греческом языке в 1878 г. во Флоренции. — *Прим. перев.*

ибо обновляет нас водою и просветляет в нас еже по образу, смывает с нас всякую скверну греховную; другое же терпит и попускает, чтобы действовать заодно с нами. Следовательно, когда и ум восчувствует в себе приобщение Всесвятого Духа, тогда мы должны сознавать, что благодать и зчала уже как бы на нашем еже по образу и по подобию, и это внутреннее чувствование показывает, что мы принимаем образ иже по подобию и что совершенство уподобления узнаем из просвещения". И опять: "Духовной любви не может приобрести кто-нибудь, если не будет во всей полноте просвещен от Святого Духа; ибо если дух не совершенно восприимет чрез божественный свет еже по подобию, то все прочие добродетели он может иметь, но совершенной любви еще непричастным остается". Точно так же говорит и святой Исаак¹: "Во время молитвы ум облагодатствованный видит свою собственную чистоту, подобно небесному цветку, названному старейшинами Израиля местом Божиим, в то время когда Бог показался им во время молитвы на горе (Синае)". И в другом месте: "Чистота ума есть та, в которой во время молитвы просвечивает и озаряет

¹ Исаак Сирий (V в.), коего многие сочинения остаются на сирском языке. — *Прим. перев.*

молящегося свет Святой Троицы". Ибо всюду божественный свет, но неодинаково явственно зарит он всюду; и он есть один, но неодинаково светит всем, ни даже самым святым, которые, яко богоподобные, явственно им озаряются. Ибо как один есть свет солнца, а лучей солнечных много, и не только много, но одни яснее, а другие темнее, смотря по способности световосприятия освещаемых предметов, — то же самое, сообразно сему слабому образу в предметах человеческих, совершается и на свете невидимом, который превышает чувств телесных: тут необходима еще способность и произволение самого освещаемого к восприятию света; и ум, сподобившийся оного божественного света, переносит и на соединенное с ним тело ясные и многие доказательства красоты того божественного света, служа, так сказать, удобным посредничеством проникновения божественной благодати в грубую плоть и сообщая силу бессильному. От этого божественного просвещения человек приобретает богоподобную несравненную привычку к добродетели, совершенную неподвигаемость на зло; от него же бывает и мудрость, уясняющая причины всего сущего и открывающая из собственной чистоты тайны природы, а чрез посредство сих тайн и мысль

тех, кто упражняет ее в этом с верою и благоговением, отрешается от бренного и возносится к постижению сверхъестественного при помощи аналогии и сопоставлений, то есть от могущественного возносится к постижению беспредельного всемогущества Творца Бога, от мудрого — к постижению высочайшей премудрости Божией, от благого — к постижению беспредельной благодати Божией и так далее. Отсюда, наконец, и другие многообразные чудесные действия и способность прозревать и провидеть и о происходящем где-нибудь далеко беседовать так, как бы оно было и совершалось у нас перед глазами. И что самое важное, так это то, что цель упражнений этих преблаженных мужей в добродетели не клонится исключительно к приобретению дара прозрения и провидения. Нет, цель их не в этом; но подобно тому, как если кто взирает на солнечные лучи, то замечает в то же самое время плавающие в воздухе атомы, хотя цель взирающего на лучи не в этом заключается, — так и святые, озарившись чистыми лучами божественного света, коим присуще откровение всего, видят, уразумевают мимоходом и все человеческое, не только бывшее и настоящее, но и будущее, соразмерно, впрочем, духовной чистоте каждого. Но при этом

прежде всего наблюдается самое важное условие, чтобы ум всецело был собран в самом себе и к нему чтобы были направлены все силы души, чтобы их делание было вполне умное, всецело божественное, а посредством сего умственного и божественного делания человек готовится достойным образом воспринять в себя первоначальную, невыразимую красоту, в которой блистает особенно благодать Духа».

Вот что видел оный богоподобный небесный ум, а божественный, воистину мудрый язык изрек особенности духа, о священном безмолвии, об озарении божественным светом. И кто другой мог бы об этом так божественно размыслить и так возвышенно изглаголать, даже из тех, которые опытом достигли такого познания, восчувствовавши на себе блаженное воздействие божественного озарения чрез непрестанное упражнение в созерцании сих высоких вещей? И, как согласное во всем с писаниями и учениями богоносных отцев, остается сие учение святителя Григория для всех неопровержимым и непоколебимым, потому что, будучи сам научен оным сверхъестественным тайнам явным воздействием на себе божественного озарения, он и в последующие времена по требованию надобности,

чтобы заграждать богохульные уста, так же явно и открыто выступал, и говорил, и писал от себя в назидание всем ум имеющим. И хотя обыкновенной человеческой мудрости, обыкновенному уму и слову человека решительно не свойственно уразуметь и выразить подобные высокие тайны (за исключением разве, если бы возможно было противопоставить солнечным лучам бесчисленное множество светлячков, а небесным громам — удары молота кузнецов и топора дровосеков), но в нижеследующем немногом, что мы имеем рассказать, до очевидности делается ясным богомудрие сего мужа, чтобы, так сказать, древо от плода своего было познаваемо, по слову Христа¹, и корень от ветвей его.

Было навечерие спасительных Господних страстей по плоти, и по обычаю, принятому в лавре, совершалось великолепное, торжественное всенощное бдение, на котором присутствовал и Григорий и, принимая усердное участие в чтении и песнопениях, он, так сказать, украшал собою оный священный собор. Но, как это обыкновенно случается, некоторые из предстоящих клириков, позабыв о том, что совершается великое празд-

¹ См.: Лк. 6, 44.

нество, позабыв и дивные песнопения, одним словом, упустив из виду совершенно, для чего они собрались в храме, предались посторонним пустым беседам, и притом сверх меры, если только можно допускать и меру разговорам в церкви. Огорчился этим, естественно, Божий человек и вознегодовал, и так как сказать им что-нибудь, чтобы прекратить их разговоры, он находил неуместным, то оставив и их, и их песнопения, он, по обыкновению, сосредоточил свой ум и мысли на самом себе и чрез себя на Боге. И тотчас озаряет его божественный свет свыше, и он, озаренный этими божественными лучами, прозрев духовно и телесно, видит наяву то, что имело случиться спустя долгое время впоследствии. Эконом лавры кир Макарий стоял рядом с Григорием с правой стороны от него, но был, казалось, не в обыкновенном своем одеянии, а в святительском облачении служил вместе с другими архиереями. Исполнение сего видения последовало, как мы знаем, спустя одиннадцать лет: Макарий, прослужив в лавре сперва экономом, потом игуменом, вступил на святительский престол нашей Фессалоники, в каковом сане и скончался. В другой раз Григорий совершал однажды молитву за себя и за своих учеников, и молитва его была к

Деве Богородице, всегдашней руководительнице и заступнице, чтобы Она и их духовную жизнь, и к Богу приближение сделала бессоблазненными, да и необходимое для нужд телесных сделала бы удобно и легче добываемым, чтобы они, терпя недостаток, не были принуждены думать и хлопотать об этом в ущерб духовным, более необходимым потребностям. В этом состояла сущность его молитвы. И Владычица всех, упреждая Своим скорым промыслием всякое прошение молящихся, тотчас предстала пред ним наяву, так величественно и девственно одетая, как у нас на хороших с художественной стороны иконах изображается. И, обратившись к следовавшим за Нею, коих, казалось, было очень много и все из знатных, сказала: «Отныне и навсегда будьте подателями всего необходимого для жизни Григория и его братии». Сказавши это, Дева Мария ушла. И святитель Григорий говорил нам, что с тех пор во все последующее время, где бы мы ни были, доставали себе без особенных усилий все необходимое.

Два года провел святой Григорий в скиту святого Саввы. На третьем году, однажды, когда он стоял на молитве, ему показалось, что он как бы предался на мгновение сну и видит следующее

видение. Ему показалось, что он держит в руках какой-то сосуд, полный молока; вдруг молоко в сосуде этом начинает кипятиться и выливаться из сосуда; потом молоко это внезапно превратилось в прекрасное благоуханное вино и омочило ему руки и одежду, напав на него благоуханием. «В то время как я, — говорит, — предавался сладостным ощущениям чудного аромата, разлитого у меня по рукам и по одежде, предо мною предстал некто, видимо, знатный, в светлом одеянии, и сказал: "Почему это ты, Григорий, не уделяешь и другим от этого напитка, который так обильно и напрасно проливается? Не знаешь разве, что это дар Божий, который никогда не иссякает?" Но когда я указал ему, во-первых, на свое бессилие раздавать подобное питье и, во-вторых, что в настоящее время нет тех, которые бы в нем имели надобность, то предстоящий предо мною светлый муж отвечал: "Хотя в настоящее время и нет тех, кои ищут сего питья с жадностью, однако ты должен исполнять свой долг настолько, чтобы не пренебречь поделиться сим питьем с другими, предоставив умножение его Владыке. Ты ведь знаешь и заповедь о таланте и осуждение лукавого раба, который не потщился умножить свой талант со-

гласно приказанию господина». После сих внушительных слов божественный муж удалился, а я, отряхнув с себя сладкий сон, всю остальную часть ночи и весь следующий день сидел на том же самом месте, ощущая на себе обильно озарение божественным светом».

Обо всем этом дивный Григорий рассказывал своему другу и ученику святому Дорофею впоследствии, именно когда начал писать свои дивные беседы о божественных догматах, объясняя, что превращение молока в вино знаменовало собою переход простого нравственного поучения в догматическую, свыше нисшедшую речь. И мудрый Григорий тотчас повинуется божественному велению и, раскрыв умные и чувственные уста, начал уделять всем в изобилии от даров того Духа, Которого сам привлек на себя свыше, произнося божественные речи, которые изобразить словами трудно даже для тех, кто бы даже, по выражению одного поэта, имел десять языков и столько же ртов, да и рук, если бы не был им самим, если бы потом вместо его высокопарящего языка и его громкого гласа не остались у нас его богомудрые словеса, его уменье бороться за истину. Все населявшие тогда святой Афон и особенно те, у кого с престарелым возрастом был

и седой, в полном расцвете ум, видя и слыша все это, все, говорю, видели в нем нечто божественное и сверхъестественное и удивлялись сокрытому в душе его сокровищу благодати. Все говорили о нем много и каждодневно, применяя, между прочим, самым подходящим образом к нему сказанное святым Исааком: «Человека, блистающего добродетелями, но для людей кажущегося убогим, светлого жизнью и мудрого знанием, но смиренного духом, кто видел?» Говорили, что божественный сей отец всеконечно в этом своем изречении пророчески указывал именно на сего самого Григория, которого со столь многим тщанием, по редкости подобного рода мужей, все разыскиют.

Повинуясь божественным видениям и знаменательным в них Божиим велениям, мудрый Григорий, ведомый наитием пребывающего в нем Духа, после изустного слова принялся за перо, начал писать и сочинять. И, во-первых, написал житие дивного во святых отца нашего Петра, который по высокой ангельской жизни и подвигам на Афоне прозван Афонским; вторым сочинением его была «Беседа на вход во святая святых и о богоподобной там жизни Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и

Приснодевы Марии»¹. Поводом к написанию и произнесению этой беседы послужило то обстоятельство, что многие невежды, враги истинного благочестия, предерзостно осмелились высказывать свои богомерзкие хулы на сие евангельское событие. За сим начинается целый ряд его богомудрых нравственных и догматических сочинений.

Но так как несправедливо было бы, чтобы такой великий муж, блиставший и словом, и деяниями, и высокими сверхъестественными дарованиями Святого Духа, всех изумлявший и всех привязавший к себе всякими достоинствами, пребывал в уединении, скрытый в укромном углу, чтобы такой славный светоч слова и добродетели находился долгое время под спудом молчания (этого ведь не одобрило и бывшее, как выше сказано, божественное откровение), то вот что происходит. Григорий избирается в игумены одного монастыря единогласным определением и самого главного предстоятеля Афонской Горы, и других в ней монашествующих мужей, как выдававшихся пред прочими своими добродетелями, так и по возрасту почтенных. Впро-

¹ Беседа LIII по изданию К. Икономоса (Афины, 1861 г.).

чем, он принял это избрание, подвигаемый к тому более указанием свыше, а не подчиняясь человеческим определениям, решению монастырских подвижников, коих было числом двести. И приходит преподобный Григорий в монастырь и вступает в отправление пастырского служения. Но пусть теперь явятся сами те, которые испытали на себе плоды его правления и духовного руководительства, пусть расскажут, каков он был в деле попечения о их душах и на словах, и в деяниях: прост нравом, приятен в беседах, доступен и смирен для благочестивых и строгой жизни, возвышен и недоступен для нерадивых и беспечных, сострадателен к кающимся от всей души. В особенности он увлекал очень многих каждодневно к покаянию, направляя и словом, и делом всех к добродетели своим собственным примером. Знают это, повторяю, и исповедуют все те, которые неожиданно были освобождены от тягостнейших страстей, от долголетних оков греха, как равно и от многоразличных действий и ухищрений демонских одними его божественными поучениями и молитвами. Да, знают, ибо и сами впоследствии послужили в свою очередь новым примером покаяния для других. Известны им также

и его непрестанные и многоразличные беседы, этот неудержимый золотой поток слова. А о том рачении, о тех неусыпных заботах, какие он прилагал всегда и всячески о благолепии храма — как в рассуждении прислуживающих в храме и поющих там, так равно и относительно совершающих божественные бескровные жертвы, — где он сам являлся для предстоящих высоким, достойным подражания примером, нужно ли говорить? Ведь по удалении его из этой обители после столь многоплодного предстоятельства в ней монашествующие не пожелали там оставаться без него, но разошлись: одни — удалившись на покой к отшельничеству, другие — к благочестивому подвижничеству, третьи, наконец, рассеялись по самым отдаленным пустыням — именно потому, что не было возможности впредь жить всем вместе под руководством и наставничеством такого учителя, что они так возлюбили и чего постоянно желали. Но все, что мы доселе сказали, суть только, так сказать, общие места, свидетельствующие об апостольском правлении его обителью. Необходимо также упомянуть и о некоторых его частных поступках, в которых Бог проявил, опять-таки чрез него, Свои чудодействия.

Священная обитель, игуменом которой был избран Григорий, называлась Эсфигменова¹, по имени ли строителя ее, или от местности получила это прозвание, или от другого чего — не знаю. Был в этой обители один монах благочестивый, любознательный и ревнитель добродетели, из числа церковных прислужников, по имени Евдоким. Он в высшей степени предавался умной молитве и собранности духа. Однако ж общий враг спасения и такого человека, вследствие некоторой неосторожности, ввел в заблуждение, показав ему какие-то призраки и образы обманчивые и ложные и убедивши верить в эти лживые, фантастические образы как в священные и божественные. Одним словом, обольстил настолько, что едва было не свел человека окончательно с ума и не оторвал совсем от Бога, если бы не явился вовремя на помощь Григорий со своею божественною мудростью и духовным врачеванием. А лукавый упредил своими ухищрениями и самое это духовное врачевание, ибо убедил, между прочим, Евдокима думать и говорить, что Григорий славится, правда, ученостью и светскою мудростью, но в добродетели и в деле тайносозерцания совершенный не-

¹ 'Εσφιγμένου (от σφίγγω — сжимаю, стесняю), что в переводе значило бы: стиснутого, сжатого. — Прим. перев.

Эсфигменский монастырь, где в первой половине XIV века игуменом был свт. Григорий Палама

вежда, почему он и не хотел вовсе ни внимать его божественным поучениям, ни подчиняться его отеческим внушениям. Но мудрый Григорий изгнал из души обольщенного Евдокима как это заблуждение, так и всякое другое, прежде обуявшее его, явивши себя супротивником измыслителю зла многообразным способом: то священными поучениями и отеческими законами, толкованиями и

изъяснениями оных, то тайными наедине молитвами и слезами, то, наконец, совокупными всей братии молениями о болящем в церкви и прошениями, которые совершались по его начинанию и в которых он принимал перводействующее участие, пока наконец не изгнал совершенно демонского наваждения и не сделал Евдокима не только совершенно нравственно здоровым, но и вполне достойным своего имени¹, великим и благодатным действием Святого Духа.

Однажды как-то у братии не достало масла. Услыхав это от монахов и приняв в соображение серьезность недостатка и великую потребность в этом веществе, он приказал братии всем вместе с ним идти в кладовую. Придя туда, Григорий стал подле сосуда, где хранилось масло, и с верою начал призывать Бога, Который один может сверхъестественно производить все из несуществующего, начертал рукою на сосуде знамение креста и поистине явился для монахов другим Илиею, сделавши оный сосуд новым чванцем² вдовы Сарептской³. Ибо с этих пор масло в

¹ Евдоким — *εὐδοκίμος*, то есть пользующийся хорошою славою, отличный во всех отношениях. — *Прим. перев.*

² кувшином. — *Ред.*

³ См.: 3 Цар. 17.

сосуде монастырской кладовой в продолжение целого года не иссякало, несмотря на то, что из него обильно черпали по приказанию же преподобного как для надобностей обители, так и для нужд посторонних. Кроме того, когда он узнал, что масличные деревья монастыря не давали плода, что и было причиною недостачи масла, то пошел в масличный сад, взявши с собою священников и монахов, освятил весь сад просительными молитвами, назнаменал деревья изображением креста и окроплением святою водою. Затем, сказавши присутствующим обычное поучение, в котором внушал им и советовал избегать главным образом бесплодия душевного как особенно подлежащего секире и огню, по слову великого Крестителя и Предтечи, он возвратился в обитель. Когда же настала пора оплодотворения, то — о чудо! — те самые деревья, которые в течение нескольких лет, как бы вследствие проклятия, оставались вовсе бесплодными, паче всякого чаяния были наиболее обременены плодами. А чтобы как чудо это, так и сила Христова, действующая чрез Григория, явились еще более очевидными, то наиболее плодов дали те масличные деревья, к которым Григорий или прикасался, проходя мимо, или под тенью которых отдыхал.

Но пора наконец перейти нам и к изложению, насколько сможем, той борьбы его с новыми ересями, тех великих и продолжительных подвигов в защиту благочестия и божественной благодати, которые известны всем и каждому и о которых повсюду трубят стоустая молва — как людей близких Григорию по родству, так и вообще для него чужих, как людей близко его знавших, так и находящихся далеко от тех мест, в которых жил и действовал святитель Григорий, наконец, всех тех, и притом многочисленных, до которых достигала и достигает сила его слова, до которых дошли и его священные и боговдохновенные сочинения. Впрочем, мы в нашем этом слове ограничимся изложением только наиболее существенного. Молимся же и призываем на труд сей крепкое заступничество самого виновника этого нашего слова, его святое содействие и помощь, чтобы он помог нам изложить факты согласно с его же мнением, чтобы не погрешить нам против меры и истины.

Итак, великий Григорий, оставивши предстояние в обители Эсфигмена, снова поселился в Великой лавре; но и отсюда он скоро обратился к излюбленному уединению, увлекаясь любовью к тихой безмятежной жизни и к прежним отшельническим подвигам, освободив-

шись притом при помощи Божией и от телесного недуга — болезни печени.

В это время¹ прибыл на Восток Варлаам, калабрийский монах ордена святителя Василия Великого, хитрое орудие папского властолюбия и стремления к преобладанию над Греческою церковью, и поселился в Фессалонике. Варлаам для достижения своих корыстных целей старался снискать доверенность у всех и для этой цели притворился, что отдает-де предпочтение православной восточной вере, что желал бы принять и монашество по обряду Восточной Церкви и, в удостоверение своего правосмыслия, даже начал сочинять догматические трактаты против заблуждений латинян в защиту исхождения Святого Духа только от Отца, чтобы этим показать, что он искренно отвергает догматы латинские и соглашается всецело с догматами Восточной Церкви, что защищает принятый Восточною Церковью Символ веры. Но все это было не более чем обман, явно направленный против Православной Церкви, с целью уловить на эту удочку простецов. Но все эти хитро-сплетаемые мудрования, все эти софистические приемы не укрылись от истинного столпа богосло-

¹ В 1328 г., в начале царствования Андроника Младшего.

вия, от тайновидца высшей мудрости, богомудрого Григория. Сей богомудрый муж, исследовавши сочинения Варлаамовы, опроверг их по всем пунктам и доказал, что его якобы обличения латинян в заблуждении поддельны и направлены всецело против истины евангельской. Латиняне, как это всем нам известно, в учении об исхождении Святого Духа прибавляют: «И от Сына» — и этим по необходимости вносят два начала божества. И Варлаам, желая якобы обличить латинян, доказать несостоятельность их учения об исхождении Святого Духа, сам хромает тем же недугом, пытаясь врачевать зло злом же. Ибо, извращая умышленно, а в некоторых случаях и совершенно опуская истинные обличения ересей, находящиеся в сочинениях богоносных отцов Церкви, он отдает предпочтение мудрованиям греческих философов, каковы, например Аристотель, Платон и другие им подобные, их одних он называет боговдохновенными и воистину от Бога просвещенными.

Против этих лжемудрствований Варлаама выступил Григорий со своими устными беседами и письменными посланиями, направленными в защиту истины, к обличению лжи и к раскрытию коварного притворства Варлаамова, что и послужило для последнего причиною и поводом к тем

нападкам на Григория, к обвинениям его в ереси, защищаясь от которых, Григорий явился впоследствии таким великим и дивным поборником благочестия и истинной веры Христовой.

Спустя несколько времени Варлаам из Фессалоники отправился в Константинополь и там принялся опять за осуществление своих коварных планов. Под предлогом смиренномудрия он сблизился с некоторыми самыми простыми и неучеными монахами, занятием которых были умная молитва и трезвение, и, притворившись невеждою в подвижнической жизни, просит у них наставлений в оной. Узнавши от них кое-какие внешние и совершенно частные, ими самими придуманные и практикуемые правила подвижничества, он со всей стремительностью набрасывается на своих учителей, пишет обличения против священной молитвы и тайного созерцания, называя своих же учителей еретиками. Но прежде нежели клеветы его на монахов сделались гласными, он, избличенный пред патриархом в некоторых постыдных, невыразимых словами действиях, с посрамлением должен был оставить Константинополь. Он возвращается опять в Фессалонику, где продолжает свои нападки на монахов и обвинения их в ереси, и не только клеветал на монахов тогдашних, но

двинул свой нечестивый язык и преступную руку даже на богоносных отцев и учителей Церкви, доказывая, что они суть главные виновники заблуждения монахов, их увлечения в еретические мудрования касательно созерцательной жизни.

Узнав об этом, богомудрый Григорий, подвизавшийся тогда в уединенном скиту близ лавры, собрал монахов, своих учеников, и сказал им пророчески следующее: «Мне давно известно от блаженных наших отцов, что ересь незаметно, без приглашения вотрется в Церковь Христову опять именно в наше время. И вот, к прискорбию, вижу, что пророчество этих святых мужей переходит в дело; кроме этого органа, наиболее пригодного для злобы, никакого другого не мог бы найти начальник зла и виновник подобных соблазнов — змий. И это еще более явственно оказывается в настоящее время на погибшем злейшим образом Акидине, восприявшем пагубу Варлаамову, подобно тому как в древности Евномий принял Ариево нечестие или Евтихиево и Диоскорово заблуждение — Севир безглавый»¹.

¹ Последователи Евтихиева ажеучения, кроме многих других имен, получили и наименование «безглавых» (акефалов) оттого, что потеряли главу, или начальника, в лице Петра Монга. Защитником учения евтихиан был Севир, Антиохийский епископ. (См. начерт. церков. истор. Иннокентия, отд. I, с. 294–296). — Прим. перев.

Так как Варлаам всеми силами стал нападать на монахов и на подвижническую жизнь, и словесно и письменно, и так как многие убеждались его словами и писаниями, не только мирские, но и монахи, не вполне еще искусившиеся в подвижничестве, то фессалоникийские монахи стали собираться и сообща обдумывать, что делать. В этих совещаниях самое деятельное и первенствующее участие принимал божественный Исидор, один из учеников и близких друзей Григория и первый же испытавший на себе злость Варлаама. Он достал как-то сочинения Варлаама, написанные последним против нас. И вот, после нескольких совещаний, монахи решили пригласить к себе с Афона мудрого Григория с его богословским языком и великою силою духа, так как он один, преимущественно пред всяким другим, и по своим способностям и по умению и силе божественной благодати достойным образом мог положить конец толикому церковному соблазну. Они написали послание Григорию и убедительнейше просили уважить их общую просьбу, так как предстоит великая нужда, умоляли, чтобы подал руку помощи благочестию, которое в опасности, чтобы защитил общую всех Матерь Церковь, буруемаемую всяческими нападениями и упорными

войнами. И внял Григорий просьбам своих единомышленников, приняв в соображение слова премудрого Соломона, что *время есть всякой вещи*, что есть время покоя и есть время войны¹, и поэтому, оставив уединение и Афон, прибыл в Фессалонику, где свирепствовала религиозная война. С великою радостью и неописуемым веселием приняли его, желанного, тамошние монахи; показали ему некоторые сочинения Варлаама, какие смогли достать, разъяснили ему и на словах поступки сего гонителя благочестия и истинной веры и вновь умоляли его защитить их и все общество Христовой Церкви. Сокрушается до оснований души несказанною скорбью Григорий, видя настоящую смуту и предвидя силою божественной благодати также и будущую, и потому своего уединения и подвижничества не желал поначалу оставить, да и не проявлял особенной готовности к тому, чтобы сразу начать писать против Варлаама. Он пытался, насколько мог, как сын мира, первоначально примирить Варлаама с монахами, употребляя к тому всевозможные средства — кроткие указания и увещания чрез друзей, чтобы привести его к единомыслию с Цер-

¹ См.: Еккл. 3, 1, 8.

ковью. Но тот, охваченный весь сатанинским наваждением, не только не склонялся к миру, но еще с большим ожесточением изрыгал свои богохульства и сильнее прежнего раздувал огонь вражды, не подозревая, что подвигал на себя льва. Впрочем, дивная и воистину богомудрая душа великого Григория не тотчас стала отчаяваться в возможности привести к убеждению и исправлению этого непокорного. Когда же увидел наконец, что всякие меры издалека оказываются тщетными, то решился испробовать одно последнее средство — вразумить его самолично. Однажды в присутствии многих, как монахов, так и посторонних, и притом именитых мужей, он стал советовать ему и убеждать, чтобы тот удержался от ссоры с монахами и перестал бы писать против них, против молитвы и подвижничества, особенно же не нападал бы ни словом, ни письменно на богоносных отцов, которые были учителями сих монашеских подвижников. «От этой борьбы, — говорил Григорий Варлааму, — ты не только не выиграешь во мнении мужей разумных, как это, может быть, воображаешь себе, но будь уверен, что все твои усилия и ухищрения обратятся к совершенно противоположному результату, потому что теперь все почти считают тебя челове-

ком мудрым и великим, и нет, кажется, ни одного, кто бы тебя не превозносил. Следовательно, делай свое дело, говори и пиши, философствуй и поучай тем наукам, с которыми ты издавна свыкся и в которых, несомненно, преуспел. В этом отношении ты не встретишь себе ни в ком соперника, никто тебе не будет прекословить, но именно ты приобретешь многих весьма достойных слушателей и последователей и уменьшишь значительно ту печальную славу, которою теперь пользуешься, так как все станут хвалить в тебе вместе с твоим искусством в слове еще и правильный образ мыслей. Но если ты, оставивши свое, в чем, как я уже сказал, ты значительно преуспел, начнешь учить, писать и рассуждать о предметах тебе чуждых, о которых никакого понятия не имеешь, то есть о священном безмолвии, об умной молитве и тому подобном, да при этом не перестанешь злословить монахов, то, во-первых, никто сколько-нибудь разумный не станет тебя слушать именно потому, что ты принимаешься писать и рассуждать о том, чего не знаешь. А ведь и мой богомудрый философ Исаак Сирий говорит: "Философа не избери себе в учителя по части священного безмолвия". Далее, ты именно чрез это не только потеряешь всякое уважение и доб-

рое имя у нас, восточников, но и принужден будешь наконец уйти отсюда с посрамлением, как я думаю, и затем впоследствии будешь горько раскаиваться, но бесполезно».

Вот что сказал Варлааму богомудрый Григорий боговдохновенно и пророчески, и все это по слову его впоследствии и исполнилось. Но, несмотря на это, Варлаам все-таки остался Варлаамом, ибо и впредь с тем же бесстыдством и даже еще большим продолжал свои нападки и словами, и писаниями на Церковь и на ее священные таинственные установления. Почему, отчаявшись окончательно в исправлении и в возвращении Варлаама в лоно Церкви Христовой, Григорий и сам начал писать сильные и доказательные опровержения всех нечестивых умствований Варлаама, чтобы тлетворная зараза злейшей ереси, распространяясь от одних к другим, не сделалась в конце концов трудно исцеляемым или вовсе не исцеляемым злом. Когда узнал об этом Варлаам, то смутился и утрастился немало. Вслед за сим он приходит к Григорию и с величайшею лестью и притворством говорит ему: «И я, любезный Григорий, видя в тебе мужа мудрого, великого и удивительного во всех отношениях, не перестаю разглашать об этом ежедневно и громогласно

пред всеми, желая от искренняго сердца доставить тебе всякия похвалы. Ты же — не знаю, по какой причине и какими соображениями движим, — предпринимаешь против меня и словом и письменно совершенно противное, хотя я ни обществу не сделал никакого вреда, как это, может быть, делали иногда другие, ни в частности не нападал и на тебя (иначе как согласить с этим бесчисленные мои похвалы тебе?); я имею в виду некоторых других, и против них-то и направлены мои слова и сочинения».

Так говорил Варлаам с обычным своим притворством и ложью. Что же ответил на это ревнитель и ученик истины в присутствии многих приверженцев той и другой стороны? Выслушаем опять дивные глаголы этого прекраснаго языка, этих благостных уст. «Нехорошо, да и совершенно бесполезно, а скорее очень вредно для всех в обыкновенных беседах и в беседах с учениками стараться исследовать и уяснять человеческими словами то, что выше слова, и предлагать простому народу таинственное и неизреченное, выставлять его на посмешище детей, не окрепших умом, возбуждать и раздражать толпу мирян против монахов, делать подвохи благостоянью Церкви Христовой относительно ис-

поведания веры, и особенно ныне, когда и без того в Церкви немалое замешательство. Это, как я не сомневаюсь, и тебе принесет порицание, и навлечет ненависть к тебе ото всех, и причинит тебе невыносимое искушение, — в этом я убежден и об этом говорил тебе и раньше. Я уже не говорю о том незамечаемом вреде, какой клонится к пагубе души. Что же касается того, что ты говоришь, будто твои порицания, изустные и письменные, направлены против других, а не против меня, то, так как все мы держимся одного и того же благочестия, как общей нам матери, то возможно разве, чтобы, когда порицается из-за нее один кто-либо, другой оставался в мире, был спокоен? Это возможно только при условии, если бы кто презрел догматы Божеские и старался установить догматы свои собственные. Тот, конечно, не захотел бы в таком случае никого смущать своими беседами, даже если бы дело касалось защиты благочестия, чтобы не возбудить против себя и других, и самого прекословящего. Я доподлинно знаю, что многие будут укорять меня и злословить, каждый более сообразно своим целям, чем своим понятиям, чем своему истинному разумению. Да и ты сам, возбудивший эту бурю, будешь стараться

пронести *имя* мое, *яко зло*¹; но мне мало нужды до этого, ибо я знаю и убежден, при помощи благодати Христовой, что мой подвиг и мое рвение — в защиту божественной истины; я предпочитаю быть поруганным за это вместе с нищими по Бозе и злополучными моими братьями, чем стяжать временную славу и одобрение от людей. Считаю для себя более почетным и более полезным поношение купно с живущими во Христе, чем сокровища целого мира».

Вслед за сим Григорий написал девять слов, или круг, против ложных положений Варлаама и его извращенного учения, сказать точнее — в защиту благочестивой истины и ее истых питомцев. Эти девять слов он разделил на три отдела, или триады.

Впрочем, эти девять слов написаны не за один раз и не для одной и той же цели. В первых трех книгах, которые названы «предшествующими», говорится, во-первых, о священном безмолвии подвижников и о том, в какой степени бывает полезно упражнение в науках вообще; во-вторых, о том, что ум, находящийся в мире и безмолвии, может сохранить мысль неразвлекаемой;

¹ Ср.: Ак. 6, 22.

в-третьих, о божественном свете и божественном просвещении, о священном благоденствии и совершенстве во Иисусе Христе. Эти три слова написаны святым прежде, чем он прочел и ознакомился со словами о тех же предметах Варлаама. Следующие три слова носят заглавие «последующие», хотя по порядку они суть вторые. В этих трех последующих книгах изложены опровержения неистовых мудрствований Варлаама, находящихся в его так называемых первых словах, и написаны они Григорием в то время, когда Варлаам с Востока уехал в Италию.

В этих последних словах Григорий боговдохновенно разъясняет, что такое воистину спасительное знание; что такое тайная умная молитва и духовное служение Богу, каковы его свойства и признаки и что такое есть божественное и неизреченное созерцание священного света; что последнее доступно к уразумению только тем, которые по божественной благодати особенно искусились в нем. Когда Варлаам возвратился из своей миссии опять на Восток и узнал, что все его еретические сочинения опровергнуты и окончательно разбиты святым Григорием по всем пунктам, то, желая избегнуть заслуженного обличения и посрамления, стал переделывать свои со-

чинения, изменил в них большую часть основных положений и озаглавил это обновленное ажеучение «Против мессалиан», чтобы этим самым обмануть многих, по невежеству наиболее доверчивых. Эта новая ложь и столь продерзостное ухищрение раздражили святителя Григория и подвигнули его написать последние три книги, или слова, в которых он, опровергнув все положения Варлаама, обличивши все его умозаключения и вытекающий отсюда целый рой несообразностей, изложил учение о божественном свете в назидание тем, которые могут с верою внимать сему высокому учению и уразуметь оное, о которых и Сам Иисус Христос, призывая древле к слушанию божественных и высочайших истин, говорил: *«Имейи уши слышати да слышит»*¹ и *«Могий вместити да вместит»*², ибо прочие, говорит Он, *«видяще не видят и слышаще не слышат, ни разумеют»*, по слову пророчества, ясно вопиющего: *«Слухом услышите, и не имате разумети; и зряще узрите, и не имате видети»*³.

С той поры протекло три года. Все это время святой Григорий занимался изложением на-

¹ Мф. 11, 15.

² Мф. 19, 12.

³ Мф. 13, 14.

чал православия, усиленно ратуя за чистоту их. И здесь в это время обычный плач и совершенное уединение и безмолвие были занятием его келейного досуга. Но так как среди многолюдства он не мог иметь всех удобств пустынной тишины, то по крайней мере всячески старался избегать связей с миром и всяких отношений к нему. Поэтому, устроив себе маленькую келлику в отдаленной части дома, в котором жил, безмолвствовал там, насколько мог, постясь и молясь денно и ношно. Однажды, в праздник великого Антония, ученики его были все у чудного отшельника Исидора и там совершали всенощное бдение божественному Антонию, между тем как святой Григорий оставался в своем затворничестве. Вдруг, во время молитвы, келлику Григория озаряет необыкновенный свет, и в этом свете предстал пред очи Григория великий Антоний и говорит: «Хорошо и совершенное безмолвие, но и общение с братиею иногда необходимо, особенно в дни общественных молитв и псалмопений. Посему и тебе должно быть теперь с братьями на бдении, так как они имеют нужду в твоём присутствии и твоём предстательстве». Сказавши это, великий Антоний удалился; божественный же Григорий, убежденный таким видением, немедленно явил-

ся к братьям, которые встретили его и приняли с радостью, и их всенощное бдение совершенно было с особенным торжеством.

Кончив свои письменные занятия в защиту иноков и в опровержение еретических мудрований Варлаама, святой Григорий возвратился на Святую Гору вместе с Исидором и показал тамошним отшельникам и настоятелям монастырей, особенно главному предстоятелю Святой Горы, все, что он написал о священном безмолвии и о божественном созерцании; рассказал им, какими способами и сколько употребивши усилий он поборол противников, и в конце концов просил их одобрения и решения. Мы же¹, обсудив внимательно все его действия, в правоте которых и прежде не сомневались, одобрили его сочинения, признали и подтвердили правоту его божественных мыслей.

Прибавим к сказанному и следующее. По отбытии святого Григория из Фессалоники на Святую Гору, сестра его, именем Феодотия, сильно заболела и была при смерти. Ученики и друзья спросили его, как им быть на случай кончины

¹ Патриарх Филофей, автор жития святого Григория, был в это время монахом в Лавре святого Афанасия (*Примеч. Афанасия Парийского. См.: 'Ο Πατριάρχης ἑκείνος*—Σ. 117). — *Примеч. перев.*

его сестры, думая, что он в это время будет в отсутствии и больная уже более не увидится с ним. Святой Григорий, предвидя наитием Святого Духа будущее, отвечал им спокойно и твердо: «Вам нет нужды спрашивать об этом: по воле Божией мы придем к ней раньше ее кончины». Так сказал он, и слово его стало делом. Это было ночью под Успение Пресвятой Богоматери. Когда наступил последний час Феодотии, она спросила о брате, где Григорий. И, узнавши, что он удалился на Святую Гору, опечалилась сердечно и называла себя несчастною, что не удостоилась последнего свидания с ним. Засим она впала в забытие, потеряла сознание и не отвечала на вопросы окружающих. В таком безжизненном положении ее прошло восемь дней. Только слабое дыхание и движение глаз показывали, что она еще жива и как бы ожидала брата. Наконец, в восьмой день к вечеру, прибыл со Святой Горы Григорий и, ставши подле сестры, назвал ее по имени. Умирающая, лишённая возможности говорить, устремила утасающий взор по направлению к сладчайшему голосу любимого брата, с последним усилием подняла благодарственно руки свои к Богу и произнесла: «Слава Тебе, Боже!» За сим чрез несколько минут предала дух свой в руке Божии.

После погребения сестры святой Григорий предался снова своим обычным занятиям: священному безмолвию, трезвению, умной молитве и непрестанному созерцанию божественного. А между тем, враг истины, Варлаам, прибыв из Фессалоники в Константинополь, увлекательною силою слова и внешней мудрости, паче же содействием Веельзевула, успел предубедить и совершенно склонить на свою сторону патриарха и его приближенных. Произошло общее брожение умов, возникли сомнения, и дело дошло, наконец, до того, что патриарх грамотою вызвал Григория на суд Церкви, как бы виновника, вместе с его сподвижниками. Григорий, однако, не смутился этим, и немедленно, в соупутствии искренно преданных ему друзей и сподвижников — Исидора, Марка и Дорофея¹ прибыл в Константинополь и, взамен спора и состязаний личных с Варлаамом, представил на общее рассмотрение и строгий суд Церкви свои аскетические сочинения и ответы на пустословия Варлаамовы. Патриарх и весь сонм архиереев, бывших в то время

¹ У Афанасия Парийского (*Ὁ Παλαμᾶς ἐκείνος...* Σ. 119) и в «Афонском Патерике» (ч. 1, с. 30) вместо Дорофея назван Феодор. Не случайная ли это, от руки переписчика, перестановка слогов: *διωρο* + *δεο* (ς) — *δεο* + *διωρο* (ς)? — Прим. перев.

в Константинополе, рассмотрев все эти сочинения великого Григория и обсудив их, признали этот труд в высшей степени удовлетворительным в оправдание и защиту православных верований и правил афонского подвижничества, и потому все единогласно и открыто провозгласили Григория учителем благочестия, в своих мнениях совершенно согласующимся с общими учителями и отцами Церкви, и разрушителем заблуждения. Кроме того, патриарх заявил, что он обязан Григорию великою благодарностью, ибо тот своими дивными словами избавил и его, и всех близко к нему стоящих от заблуждения и обмана лжи. Впрочем, несмотря на это, так как дело Варлаама со святым Григорием было чрезвычайной важности в отношении догматическом, патриарх признал необходимым созвать собор, чтобы и Бог *в церкви мнозе и в людех тяжцех*¹ был прославлен, по слову Давида, да чтобы прославить и Божия угодника и, кроме того, чтобы погибла с шумом и самая память заблуждения². Положено было собраться собору тотчас по возвращении царя Андроника в столицу. Но прежде чем опи-

¹ Ср.: Пс. 34, 18.

² Ср.: Пс. 9, 7.

шем дня этого собора, расскажем нечто знаменательное, предшествовавшее собору.

Из Фессалоники Григорий, вместе со своими спутниками, о которых сказано выше, отправляется в Константинополь. Достигнув Фракии, он делает путевой роздых в некоторой местности близ Одрис и Орестиады¹ и письмами приглашает к себе и моего Давида² и витающую в нем благодать с удивительною мудростию и даром слова, мужа, который издавна был его другом, как ближайший его соучастник в подвижничестве и в единомыслии. Давид подвизался в это время уединенно в горах между Фракиею и Скифиею, где, между прочим, и другой дивный Григорий по возвращении своем с Синая устроил скит, который поэтому и называется скитом Синаита³. Давид, однако, упредил приглашение святого, отправившись в Константинополь по собственному произволению, или, сказать правильнее, Бог вызвал его из пустыни и келлии и сделал его паче

¹ то есть около Адрианополя.

² Давид и Дионисий — знаменитые подвижники XIV в.

³ Преп. Григорий Синаит, около 1330 г. просветивший многие афонские монастыри своею проповедью о блюдении ума и умной молитве. Он написал несколько аскетических сочинений, посвященных в основном безмолвию и умной молитве. — *Прим. перев.*

ожидания скорым и ревностным сподвижником Григория в великой борьбе за благочестие. На третий день пребывания Григория в Константинополе Давид был уже там, к несказанной радости учителя. Вместе с Давидом стеклось в Константинополь множество других знаменитых в тогдaшнее время отшельников, в числе которых, после Давида, особенно замечателен Дионисий, родом также из Константинополя, из благородной фамилии, пустынножитель неподражаемый.

Сей-то Дионисий, никогда до сего времени и в глаза не видавший мудрого Григория, в первую же ночь по прибытии в Константинополь видит во сне следующее видение. «Казалось мне, — рассказывает сам Дионисий, — что все мы, приехавшие в Царьград, шли в божественный храм Влахернской Богоматери для поклонения; был между нами и святой Григорий. Придя в храм и совершив обычное поклонение, мы все остановились перед Царскими вратами, которые были растворены. И вот, видим, из алтаря выходят какие-то светозарные лицом и по одеянию мужи. Они подошли к нам, окружили Григория, надели на него блестящие ризы и дали в руки жезл, тоже блестящий. Взявши в руки жезл, Григорий стал обходить с ним весь храм, и мы

все следовали за ним. И казалось нам, будто Григорий этим жезлом выгонял из разных сокровенных углов храма целое скопище безобразных человечков с черными лицами. Потом, возвратившись назад на то место, где мы после поклоне-ния остановились, он опять начал делать то же самое: стал с особенным вниманием осматривать все темные углы, не скрылись ли эти безобразные чудовища где-нибудь в темноте, и действительно нашел некоторых, что запрятались было, и также прогнал далеко от святых мест. Те же, убегая, так как не могли даже смотреть прямо в лицо Григорию, в бессильной злобе грозили, что будут мстить ему и делом, и словами за такое преследование их и никогда не престанут злословить его и хулить. Но Григорий, не обративши ни малейшего внимания на их угрозы, изрыгаемые с плачем и рыданиями, возвратился от входных дверей назад и стал на прежнем месте. И опять оные светозарные мужи вышли из алтаря, посадили Григория на трон и каким-то необыкновенно дивным голосом возгласили три раза обычное: «Аксиос!»¹

¹ «Достоин!» — Прим. перев.

Это видение Дионисия до очевидности ясным и точным образом знаменовало собою последующие события в Церкви, и не нуждается ни в объяснении, ни в истолковании. Тут всякий легко может уразуметь коварных деятелей сатаны, злоумышляющих на Церковь Христову, то есть Варлаама и Акиндина, а в скопище безобразных чернолицых человечков — лукавый и проклятый сонм их последователей и приверженцев, или сонм самих демонов, первую причину всяческих ересей, или же, наконец, и тех и других вместе, коих всех Григорий не раз так чудесно изгонял из Церкви и устными беседами и письменными сочинениями, и всенародно и частным образом и, силою божественной благодати получивши над ними такую власть, как никто другой, оставил всем благочестивым славные знаки победы. Знаменовало также оное божественное видение еще и то, что Григорию предстояло дважды бороться с еретиками и оба раза перед Церковью; в первый раз и главным образом до вступления на святительскую кафедру, то есть с Варлаамом против первых начал ереси и его еретических сочинений, а во второй раз — против ереси коварного наперсника и ученика Варлаамова, предателя Акиндина, и против его нечестивых последователей,

на хиротонисании и вступлении на паству. Наконец, видение означало, что священное торжество хиротонисания Григория должно было совершиться в храме Влахернской Богоматери, и там всю Церковь имели быть произнесены возгласы: «Аксиос, аксиос, аксиос!» — что и исполнилось в недалеком будущем на самом деле, вполне согласно с оным божественным откровением. Ибо хотя окончательное поражение Акиндина и последовало до принятия Григорием святительского сана, но ересь его, подобно мифологической Гидре, с одной стороны уничтожаемая, а с другой вновь произрастающая частые головы, существовала и продолжалась, пока наконец Григорий, этот Геракл наших дней, споспешествуемый силою многою Божественного Духа, излишнего на него еще обильнее после хиротонисания, не задушил ее совершенно, вырвавши, так сказать, и самые корни ее.

Что же было потом, после этого дивного видения? Я желал бы рассказать со всеми подробностями о тех великих и дивных подвигах, которые совершены этим воистину великим героем, чтобы приукрасить в некотором лучшем смысле свое слово и как бы насладиться своим повествованием. Но растянутость рассказа, которая тогда

по необходимости выйдет из пределов умеренности, заставляет меня пройти молчанием подробности; всех же жаждущих ознакомиться с ними я отсылаю к словам и беседам святого Григория и к соборным актам Церкви, да и ко всем вообще сочинениям, написанным по этому случаю. Сам же я закончу свое слово изложением нижеследующего.

Итак, приезжает наконец давно ожидаемый благочестивейший царь с государственными саванниками, узнает доподлинно обо всем от патриарха, хотя и прежде уже имел об этом кое-какие сведения, и вот собирается собор в великом и знаменитом храме великой Премудрости Божией¹; сбежался весь почти город на это великое и знаменательное состязание. Вводят и Варлаама, чтобы он всенародно изложил свои прежние обвинения на монахов; но последний отказывается от роли обвинителя и, отвергая свои прежние мнения и убеждения, старается дать делу иной оборот, извратить истину. Это, однако ж, его притворное ухищрение ему ничуть не помогло: он тотчас же был изобличен во лжи и притворстве; ибо помимо его желанья тут же были принесены

¹ то есть в храме Святой Софии. — Прим. перев.

ны все его прежние сочинения, которые он в надменной своей гордости незадолго перед сим вручил патриарху. Сочинения эти были прочтены перед всеми, всесторонне обсуждены, осуждены как еретические решительно всеми, осмеяны и преданы анафеме вместе с самим творцом их. И Варлаам, не имея возможности ни возражать, ни защищаться, ни иным каким-либо способом уклониться от заслуженных упреков и обличений со стороны целого общества верующих и от справедливого гнева собравшегося тут народа, который, движимый благочестивою ревностью, стал требовать примерного наказания виновникам ереси и совершенного их истребления, принужден был принести, притворное, правда, раскаяние в своем заблуждении и совершенное, по-видимому, исповедание истины. Таким образом, он, посрамленный окончательно, после собора, испросив себе прощения у всех, и наиболее у обвиняемых им, и получив таковое, уезжает к своим друзьям латинянам с бесчестьем. Церковь же Христова единогласно признала и провозгласила своим защитником и покровителем Григория великого; она рукоплескала ему всенародно и венчала его всехвальными венцами. И сам царь вместе со своими ближайшими родственниками по

крови и знатнейшими государственными сановниками признал Григория учителем благочестия, правилом священных догматов, столпом правого верования, поборником Церкви и похвалою благочестивого царства, одним словом — всем, что есть хорошего, славного и почетного.

Но сильна зависть и лукавство доброненавистника и отца лжи, сатаны! Вскоре и притом совершенно неожиданно появляется опять Архелай после Ирода и опять Каиафа, свидетельствующий на Христа после тестя, Анны, пророчествующий ради народа и говорящий в защиту им же попираемой истины и всего, что говорили в защиту ее пророки и что писали богословы, — коварный и злонаправленный западник Акиндин, преемник и наследник злейшего заблуждения Варлаамова. Этот, сперва подделавшись лукаво под ересь Варлаама и этим способом собравши рассеявшихся было учеников последнего, а с ними приобрета себе весьма много и других единомышленников, восстановил снова ересь и сделался покровителем и учителем нечестия, стал нападать, всякий раз смелее и смелее, и на благочестие, и на поборника и защитника его — Григория, подобно тому как древний самарянин Симон и Николай, прозелит из сириян, постепенно

выдвигались против Евангелия Христова, против первых учеников Иисуса Христа и Его апостолов. Сперва он, без всякого с чьей бы то ни было стороны побуждения и требования, громил самого Варлаама ужаснейшими проклятиями, как это делали и преемники древних ересеначальников, чтобы заблуждение под этою личиною росло и умножалось. На самом же деле он был все тот же Варлаам как своими словами и сочинениями, так и тем же своим на благочестие гонением. И вот опять тяжелые подвиги, опять борьба, испытания и опасности для передового бойца, защитника истины и благочестия и искусника в слове — Григория. Сначала говорит и беседует один Григорий и в присутствии многих и важных мужей дерзновенно изобличает Акиндина, открывает ересь в нем, порицает ее, а также и его прежнее притворное служение истине и доказывает, что все в нем исполнено крайнего согласия лишь с ложью. И Акиндин, будучи не в состоянии защищаться надлежащим и достойным образом, снова притворяется, что исповедует истину, заверяя эти свои слова и сочинениями за собственноручною подписью, что он-де всегда был в согласии со святыми отцами, ссылаясь при этом, между прочим, и на слова и сочинения Григория. Сочини-

нения Акинди́на и теперь имеются налицо и изобличают его нечестие и ложь. Но так как спустя малое время Акинди́н, сбросивши личину притворства, отвергнув свои же, его собственною рукою писанные и подписанные сочинения и, расхаживая вместе со своими единомышленниками по стогнам града, стал всенародно оглашать свои прежние убеждения, увлекаая ложью людей с неустановившимися убеждениями, — потому что эфиоп не может сделаться белым и рак не умеет ползать прямо вперед, — то опять созывается церковный собор, ничуть не меньший первого собора, бывшего на Варлаама. И снова дивный Григорий является великим подвижником и славным борцом за истину: изобличает — на основании слов Божественных Писаний и священных учений богословов — возникшее вновь заблуждение и блестяще устрояет победу истине яже по благочестию, в присутствии, между прочим, и благочестивого царя¹, который, правда, хотя и был тогда уже облечен царскою властью и управляя делами государства, но не был еще венчан на царство, был только как бы наместником славного царя, своего брата, отошедшего уже ко Господу после многих великих и благочестивых подвигов. Сей-то вот благочести-

¹ Иоанна Кантакузина — *Ред.*

вый царь-наместник, изблнчнвшн на этом втором великом соборе Акннднн за его варлаамовскне лжемудрствованнн как неправо судящего н зломыслящего, н открыто сопротивляющегося общим убежденннм н верованннм всен Церквн, подтверднл, вместе с предстоятелем Церквн, патрнархом, н прочнми священноначальннками, истннность ученнн мудрого Грнгорнн н его сподвнжннков, а также его благочестнвые догматы ннчуть не менее, чем это было н на первом соборе. В то же время против ереси н ее начальннков н в защиту благочестнн, по общему постановленнню Церквн, был составлен акт (томос), засвндетельствованный подпнсью верховных предстоятелей Церквн н прежде всего председателъствовавшего на соборе н занимавшего тогда патрнаршнн престол.

Но не прошло еще н двух месяцев со времени этого второго собора, как начались продолжнтельные н тягостные смуты между нашнми, возгорелась разрушнтельная междоусобная война¹,

¹ Святой Фнлофей говорнт о гражданской войне в Внзантнн (1341—1347), начавшейся вскоре после смерти царя Андроннка III Палеолога в результате столкновения претендента на царскнн престол великого доместнка Иоанна Кантакузнна н сторонннков малолетнего сына Андроннка — Иоанна н вдовствующей царнцы Анны Савойской, главным из которых был патрнарх Иоанн Калека. — *Ред.*

причем патриарх, который в то время был общим пастырем и руководителем как Церкви, так и государства, и, следовательно, обязан был сдерживать общее смятение и неразумное, бессознательное возбуждение некоторых, зависть и клевету и всеми силами стараться привести всех к миру и согласию, как учитель и благовестник мира, не только ничего подобного не делал, а напротив, как бы нарочито старался делать противное, возбуждая и раздражая постоянно ссору и разделение и воспаляя бунт и со своей стороны. И так как в этих своих действиях он не мог привлечь на свою сторону и великого Григория (а последний весьма часто увещевал его, советовал ему мир и единомыслие во всем и со всеми верующими и требовал от него действий, согласующихся с его саном и достоинством, так как это одинаково полезно как для государства, так и для всего христианского общества; тогда как все противное, говорил ему Григорий, кроме того, что причиняет обеим сторонам много зол и бедствий, бывает еще причиною божественного негодования свыше и, как дело противоестественное, весьма легко и само собою наведет всеобщую пагубу и поражение). Итак, повторяю, будучи не в состоянии привлечь на свою сторону

Григория, а напротив, сознавши, что великий муж мыслит различно с ним и ему подает советы, не согласующиися с его мыслями и убеждениями, не раз, не два, и не наедине только, а очень часто в присутствии великих лиц, в собрании синклита, а иногда и в присутствии царицы, что должно было бы образумить патриарха и заставить его удивляться благомыслию Григория, похвалить его благовременное дерзновение, быть благодарным за его благорасположение и любовь к себе и за промышление об общем благе, ибо таким образом он своими делами показал бы, что он действительно есть общий отец и попечитель своего народа и что недаром и неспроста носит сие великое имя, — он между тем все более и более предается гневу, посягает на друга, вооружается против кроткого увещателя и всеми силами ищет способа отомстить человеку, не принимая в соображение ни тех почестей, которые ему сам же воздавал раньше, ни того, как сам же он превозносил его и всенародно, и келейным образом, и до соборов и после соборов; забыл даже, что считает Григория в числе своих первых друзей. Одним словом, не принимает во внимание ни прошедшего, ни настоящего, хотя то и другое со стороны Григория было полезно и спасительно как

для всех вообще, так и для каждого в отдельности, особенно же для него самого как принявшего на себя общее предстательство и попечение за всех и долженствующего дать ответ за это общему всех Владыке.

И вот мудрый Григорий, убедившись, что все его старания и усилия напрасны, удалился из столицы и, поселившись недалеко от города, предался наедине обычному безмолвию, беседуя в непрестанных молитвах только с Богом и оплакивая, подобно пророку Иеремии, преслушание народа и совершенную его гибель. А пастырь¹ — увы! — ежедневно наветуя против стада, стал нападать всякий раз сильнее и ожесточеннее на овнов стада, чтобы таким образом иметь совершенный успех в своих замыслах. И чего только он ни придумывал, чего ни измышлял и ночью и днем, чтобы и этого выдающегося в великом стаде Христовом овна уничтожить вместе с другими многими или даже прежде, чем всех остальных! Но так как он в своей вражде к Григорию не находил повода к открытому гонению, не мог создать ни малейшего следа тени, которую бы мог бросить на него, то поэтому он в презренном бесстыдстве поднимает брань против благочестия,

¹ то есть патриарх. — Прим. перев.

воздвигает новую, совершенно необычайную войну против Церкви и замышляет уничтожить божественные догматы, и это — увы! — замышляет предстоятель, глава священнослужителей и учителей. Ибо уничтожением догматов он надеялся уничтожить и поборника их и проповедника, то есть мудрого и славного Григория, и воздвигнуть знаки победы над его богомудрою философиею.

С этою целью новый богоборец¹ вводит в Церковь вместо ученика — предателя, вместо мудрого апостола — лжеапостола, то есть вместо Григория — отступника и врага истины (я разумею лжеименного Акиндина²), вначале исподволь, без шума, а потом с открытой, как говорится, головою: с одной стороны, стал и словом и делом выставлять и возвышать Акиндина, а Григория и его священное сообщество преследовать и гнать (хотя последние отсутствовали), осуждая их без суда, произвольно; с другой — проводил целые дни и ночи вместе с учителем ереси, беседовал с ним и вместе с ним напрягал все свои помышле-

¹ Патриарх Иоанн, по прозванию Калека, которого созванный вскоре собор свергнул с патриаршего престола. — *Прим. перев.*

² 'Ακίνδυνος в переводе значит безопасный, то есть не представляющий опасности. — *Прим. перев.*

ния против благочестия и его поборников, — все это в памяти у всех и записано в книгах. Результатом этих тайных бесед и злых совещаний патриарха с начальником ереси было то, что Григорий, этот сын света и блестящий проповедник, после продолжительного периода всяческих клевет и бесосновательных обвинений, так как враги его, будучи сами виновниками и творцами народных бедствий, стараясь со стыда скрыть настоящие, истинные причины этих бедствий, между прочим, домогались осудить Григория, как единственную причину церковной смуты и междоусобной войны, — Григорий, говорю, заключается, наконец, в мрачную темницу, как злодей, чтобы даже и в этом он не отстал от образа честного Иеремии и от подражания ему: подобно тому, как тот древле за защиту божественных изречений и истины был ввержен в смрадный ров, так и этот, и за то же самое осужден в тюрьму. При этом и Дорофей, наилучший ученик и друг Григория, разделил со своим божественным наставником продолжительное заключение, подобно тому как и при других испытаниях всегда и во всякое время с удовольствием разделял с ним все прочие скорби и огорчения.

Между тем, стоящий не в добрый час во главе Церкви, заключивши этого льва в оковы, чего

давно и сильно желал, в бесстыдстве стал воображать, что этим уже все сделал; и так как истинный предстоятель и защитник Церкви, могущий мешать, был в далеком изгнании, то и начал прилагать всякое старание к тому, чтобы назначить предстоятелем Церкви — кого же? (О земля и солнце, о божественные законы, о труды и подвиги мучеников, исповедников и святых отцов, которые после Христа, после проливаемой Им крови, составили и утвердили самую Церковь!) Акиндина, бродягу и предателя Церкви, начальника и блюстителя ереси после первого ересеначальника Варлаама! Это все равно что назначить, сказать бы, ад руководителем детей и смерть — их воспитателем, впустить в стадо агнцев волка, направить на огонь стремительную силу вихря! И кого, скажи мне, ты стараешься сделать учителем и отцом Церкви? Наглого поносителя и поругателя Божества! Разрушителя славы Единородного! Гонителя на Святого Духа, превыше всяких Македониев¹! Врага великой Троицы! Хранилище ереси! Назначить пастырем и учителем Цер-

¹ Имеется в виду Македоний I, архиепископ Константинопольский (342—360), учивший, что Дух Святой есть творение и не имеет участия в божестве и славе Отца и Сына. На Втором вселенском соборе (381 г.) ересь Македония была осуждена. — *Ред.*

кви того, который более всех, чрезмерно ее поносит и гонит?! Чему он мог ее поучать? Сотворенным божествам, единственным творцом которых он сам является? Или платоническим идеям и этой давно прогнившей, пропахнувшей болтовне и смертной жизни, и всему тому, что, собственно, не есть добро и благо? И, наконец, тому, что составляет предмет и сущность греческого мифического морочения и обмана?

Да что и говорить? Когда вот вы отвергли даже прославляемое человеческого естества сверхъестественное и неизреченное обожение, ради чего всякое деяние Христа и всякое таинство отвергли, научивши чтить оное по имени только одним умом, а на деле поругавшись Ему самым бесстыдным образом, самым неуместным способом — сопричислением и Его к тварям! Вы не почтили с благоговением и сего нового чуда, не устыдились пред сверхъестественностью таинства этого явления, яко не ангел и не пресвитер, но Сам Единородный Сын, сый в лоне Отца, словом и делом оное изъяснил: прежде чем взойти на гору с избранными из Своих учеников, Он наименовал его (преображение) царством Божиим и славою, общею и Ему и Отцу, а взошедши туда и проявивши сокрытый во плоти свет как знак

существенной божественной красоты и достоинства, показал этим, по слову Василия Великого, что Он есть свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, насколько это могли видеть одаренные телесными очами. Отсюда прообраз будущего, более совершенного с Богом общения и обожения, по которому *праведницы просветятся яко солнце в Царствии Отца их¹* и будут равны ангелам и будут сынами Божиими, по слову Самого Солнца славы.

Итак, патриарх, этот недостойный, недобрый пастырь вверенного ему стада, со всяким дерзновением и властью многою усиливался провести во священники чуждого благочестивой вере Акиндина, своего наперсника и собрата по ереси. Но христоробивая царица², осведомившись об этом, а равно и о том, что Акиндин двумя соборами уже предан анафеме и что, несмотря даже на это, все-таки был рукоположен во диакона, в своей горячей ревности о благочестии, ревности нисколько не меньшей, чем та, какую проявлял постоянно и скончавшийся царь, ее супруг, старалась помешать осуществлению этого богопротивного замысла кроткими увещаниями

¹ Мф. 13, 43.

² Анна. -- Прим. перев.

патриарха. Но, убедившись, наконец, в бесполезности кротких мер, так как патриарх оставался глух и нем к ее словам, нимало не медля приказала тотчас же прогнать от святыни того, который неправо и так насильно туда вторгнулся, прогнать со всеми его единомышленниками. И нет сомнения, что лжеименный Акиндин за свои бесстыдства, за чрезмерную гордость неминуемо был бы вместе со своими последователями заключен в тюрьму, а при всеобщем против него раздражении, пожалуй, подвергся бы даже и телесному наказанию, если бы не успел вовремя укрыться в каких-то неведомых подземных трущобах.

Сильный ропот поднялся в благочестивом обществе верующих, так что люди всякого чина и возраста искали повсюду непрощенных пришельцев, чтобы расправиться с ними насмерть. Но лучше послушаем, что говорит об этом прекрасный и мудрый язык Григория, который в письме к одному из своих близких пишет следующее:

«Уразумеет каждый, я думаю, и отсюда, и притом с великим удивлением, силу истины, нами проповедуемой; потому что не только в то время, когда отсутствовало всякое возмущение в народе, истина эта на двух соборах, быв исследована, совершенно восторжествовала, но и при возго-

ревшейся междоусобной войне, когда и царям мы стали ненавистными, а клеветники и враги наши столь долгое время преобладали, умножаясь, говоря и действуя против нас со всяким бесстыдством, так что мы и в тюрьму были заключены, однако ж, силою божественных догматов мы и теперь не менее, чем прежде, одержали верх. Все это, конечно, было делом божественной силы, которая, по слову апостола, *в немощи совершается*¹; потому что тогда она поистине совершенствуется, когда бывает гонима и обуреваема, и, будучи обуреваема, побеждает; и в то время, когда кажется, что она стоит на краю пропасти и готова пасть в бездну от тех опасностей, которым подвержены ее защитники, она все-таки стоит выше своих гонителей, остается непорабощенною для своих врагов. Тут произошло то же самое, как если бы, например, кто-нибудь, связавши язык и руки другому кому-либо, стал бы затем приглашать сего связанного к состязанию в слове или в письме, но все-таки даже и так не превзошел бы связанного ни в слове, ни в деле. Поэтому подумай хорошенько и уразумеешь, почему цари считали нас своими врагами. А потому, что все льстящие им постоянно указывали

¹ 2 Кор. 12, 9.

им на нас как на бунтовщиков, называли виновниками всеобщего восстания, и все это в отмщение нам за то, что мы не подавали своего мнения, которое согласовалось бы с их целями и требованиями обстоятельств данного времени, и тем самым содействовали бы и от себя всеобщей гибели. Если же так действовали против нас все прочие, то насколько более и сильнее ожесточались и нападали на нас наши открытые и непримиримые враги, коих единственной целью всегда было и есть — преследовать нас? И вот, явно мы осуждены и заключены в тюрьму за то будто бы, что мыслим иначе и проповедуем новые догматы, ибо стыд все-таки сдерживал осудивших нас сказать настоящую причину нашего осуждения и заключения. Видя это, то есть нерасположение к нам и царей, и прочих предержащих властей, варлаамиты набрались смелости, а более всех других истый ученик Варлаама и его преемник Акиндин, и стали всячески льстить патриарху, который сторал ненавистью к нам, притворялись, что они преданы и ему, и царям, да и много разных других средств употребляли к тому, чтобы патриарх помог им теперь в этот столь благоприятный для них момент, с тем, чтобы устремиться именно на нас и этою возобновленною

борьбою смыть с себя позор своего прежнего осуждения. Патриарху все это было по душе, он даже высказал им, что будет им очень благодарен, если они успеют сделать врагами нашими всех людей, а в особенности лиц придворных, близко к царям стоящих. Поэтому-то он и постарался устроить наше заключение в тюрьму, чтобы самому быть в безопасности от нас. С этого времени он делается для еретиков всем — и начальником, и союзником, и свидетелем правоты их учений, свидетелем, притом заслуживающим доверия по своему патриаршему сану; становится поручителем за них, как судия, облеченный верховною властью в Церкви; ходатаем пред царями, от которых получает и указы и вручает таковые еретикам, прибавив некоторые и от себя, чтобы те показывали всем и каждому, чтобы страхом заставить всех неповинующихся им пристать к их лжеучению. Но гонения на нас этим не ограничиваются, а созываются даже соборы, или, сказать правильнее, лжесоборы, на которых пущено в ход все — и угрозы, и обещания, и подарки, и лишения. Словом, все, что только есть и ужасного, и хорошего, не только говорилось, но и на деле совершалось патриархом, этим всеобщим предстоятелем и защитником Церкви. И все

ужасное обрушивалось на наших друзей и защитников; а что считается хорошим, то предоставлено тем, которые нападали на нас и злословили нас. Но поднялась так высоко эта чудовищная злоба на нас не затем, чтобы возвыситься и остаться навсегда такою славною и для всех очевидною, но чтобы с большею стремительностью разбиться и с шумом полететь на пагубу, чтобы в этом своем падении не укрыться даже и от людей самых отдаленных краев и самого отдаленного потомства. Ибо лишь только вообразили они, что победа на их стороне и что все обстоит согласно их желаниям, то стали помышлять о том, чтобы окончательно завершить зло подходящим венцом. И они завершили его — незаконным рукоположением Акиндина. Но в это время подвигает царей Царь царствующих — Бог, возбуждает к горячей ревности главных сановников государственных, по ним других начальствующих, как военных, так и гражданских, одним слевом, всю царскую рать. И тут можно было увидеть дело чрезвычайное: гневные на нас цари тотчас обратили свой гнев на тех, которые против нас неистовствовали, да и все остальные, после царей, стали оспаривать друг у друга право первыми прийти к нам на помощь, и это в то время, когда

междоусобный террор не только еще не прекратился, а был именно в самом цвету, в крайнем разгаре, а ведь из-за этой именно междоусобицы и относились к нам все враждебно. Постараемся представить дело с таким вот уподоблением: если бы кто-нибудь явился к двум страшно между собою враждующим и стал бы требовать, чтобы один из враждующих был судьей того, что он имеет сказать, то разве дал бы таковой приглашаемый какой-нибудь более или менее удовлетворительный ответ на требуемый вопрос, и притом в то время, когда борьба сего последнего с противником еще продолжается? Если же при этом и сам требующий ответа на свой вопрос также имеет противников, то насколько более становится недостижимым для него искомое? А если ко всему этому у требующего ответа зародилось еще и подозрение, что приглашаемый в судьи не есть друг его, но именно враг и, напротив, друг его противника, то благоприятный исход всего дела становится до очевидности решительно невозможным. Но то, что невозможно было для двух враждующих между собою людей, это самое Бог сделал возможным в нас, предполагаемых врагах, и подал нам помощь народом, войском, военачальниками и градоначальниками,

чтобы таким образом ясно доказать всем неодолимую силу истины».

Вот что излагал оный святой язык, желавший в общих чертах и как бы вкратце представить, с одной стороны, во всей, так сказать, наготе ярость противников благочестия, руководителем которых и жарким защитником, воеводою своего рода, был мерзостный предстоятель Церкви; а с другой — доказать непобедимую силу промысла и всемогущества Божия, дивно и сверхъестественно действующих в подобных делах посредством кажущихся противников и врагов. Обрисовать надлежащим образом частности и подробности последующих событий, так дивно Божиим промыслением устроенных, мы предоставим нашему величайшему философу, повествователю и оратору Григорию: он все это искусно изобразил как в своих неподражаемых словах и беседах, так и в письмах к своим друзьям, написанных в разное время. Я же упомяну здесь об одном-двух выдающихся фактах и затем опять обращу речь к прерванному сказанию.

Правителем Пелопоннеса и воеводою указом царей был назначен прекрасный человек, друг, правда, еретичествующих, но не менее друг и благочестия и жаркий защитник православия.

В числе свитских людей этого вновь назначенного правителя и воеводы был некто давний друг и преданнейший ученик Акиндина, благообразный, правда, и красивый внешностью, как происходивший из знатного рода, но безобразный и отвратительный по своим внутренним качествам и крайне необузданный на язык, хотя его в этом отношении десница Всевышнего вскорости изменила. Сему-то, за несколько времени до отъезда его из Константинополя, ересеначальник Акиндин вручил письменный свиток, преисполненный главнейших положений еретического учения, написанных им против благочестия ямбическими стихами, чтобы тот распространил эти лжеучения между пелопоннесцами. Тот принял свиток с радостью и, сохраняя его у себя на груди как бы некий талисман, прилежно изучал его каждый день, а изучивши, начал вступать в прения и пререкания по изложенным в свитке учениям со всеми, в том числе неоднократно и с Григорием, истинным и единственным поборником благочестия, которого более всех преданных благочестию злословил и поносил. Вступал также в пререкания и со своим новым господином — правителем и воеводою, сильно защищая перед ним Акиндина и выставя сего последнего, воп-

реки всему и всем, единственным учителем истинного благочестия. Но пекущийся о спасении всех Бог одним видением в известную ночь, чудесным образом исторг от душеразрушительной заразы как всех пелопоннесцев, так и самого обладателя еретического свитка, к вящему утверждению в благочестии истинно верующих. Однажды, когда этот последний спал в своей постели, имея по обыкновению на груди и оные лукавые письмена, являются к нему — видит он во сне — царские оруженосцы, велят сейчас же встать и немедленно следовать за ними в тюрьму: так, мол, приказал царь. Тот сейчас же вскочил с постели, объятый весь безотчетным страхом. Но потом, придя немного в себя и приписавши это сновидение действию фантазии, воспроизводящей часто даже небывалое, ложится опять и засыпает. Но и опять те же царские оруженосцы, казалось, являются и повторяют свои прежние приказания следовать за ними в тюрьму. Тот снова вскакивает с кровати еще в большем испуге и более сильно обеспокоенный (ибо незадолго перед сим ему пришлось побывать в государственной тюрьме, и потому живо воскресли в его памяти все тюремные ужасы и заключения, которые он видел и испытал в подземелье). Долго он боролся

с нахлынувшими внезапно на него мрачными мыслями, перебирая в недоумении все ужасы, рисуемые в его голове фантазиею. Но наконец, приписав и в этот раз это чудесное сновидение расстроенному воображению, он опять заснул, как снова те же самые царские слуги явились к нему и в третий раз, и теперь уже настойчиво, с гневом и угрозами заявили о царском приказе. Тот же, находясь еще под влиянием сна, стал, казалось, выражать им свое недоумение и просить сказать ему причину царского гнева. И явившиеся тотчас указали пальцами на хранившиеся у него на груди лукавые сочинения ереси и тем ясно открыли причину царского гнева. «Царь, — сказали они, — гневен за то, что ты имеешь при себе богохульные мудрования нечестивого Акиндина и помышляешь повезти их с собою в Пелопоннес на развращение многих и в пагубу им. И если сейчас же не бросишь их, не уничтожишь и не отторгнешь притом своего сердца от преданности к ним, то, наверное, не избежать тебе царского гнева». И тот, как ему показалось во сне, убедился их словами и дал обещание исполнить волю царскую. Проснувшись засим, он действительно дал себе слово привести в исполнение данное им во сне обещание, ибо не оставалось в нем более

сомнения в том, что видение это было действием Божия промысла. После этого он снова заснул и спал уже со спокойною совестью и облегченным духом до самого утра. С наступлением дня он пошел по обыкновению в дом правителя и там в присутствии всех бывших в доме сего последнего открыто принес раскаяние в своем прежнем безумии и со слезами просил себе от Бога и у всех присутствующих прощения, проповедуя в то же время пред всеми дивные дела Божии. Тут богопротивное это сочинение Акиндина хватает старший сын правителя и спешит с ним в царский дворец к великому Григорию, который, как сказано, находился там в заключении. Рассказывает его приближенным, как сам слышал, о тлетворной ереси и о том, как божественная сила чудодейственно сделала тщетною эту ересь, и в доказательство своих слов вынимает и кладет пред ними и самый еретический нечестивый свиток. Узнает, наконец, обо всем этом чрез близких людей и сам учитель, и так как не оставалось ни малейшего сомнения — мерзостный свиток еретика находился у него пред глазами, а до сих пор Акиндин тщательно скрывал его, боясь света истины и обличений славного языка Григориева, — то он с горячими слезами и с каким-то неизъяс-

нимым удовольствием души воздал благодарение Богу, Который невидимо и въяве пресекает стремительность злейшей ереси и устрояет чудесным образом и всеумро спасение многих. Ибо не только теперь впервые в этом деле проявилась чудодейственная сила Божия во спасение верующих, но и в прежние времена были преисполнены подобных чудодействий и суша, и море почти все, и острова, и города, а прежде всех великая Фессалоника, в которой и началось дело ереси: лукавые еретические сочинения тайком рассылались повсюду, так как здесь (в Константинополе) они уже не раз были обличены и опозорены, но всюду и все почти попадали чудесным образом в руки благочестивых и, прежде чем оказать вредное действие на других, были передаваемы Григорию, которого Бог и единый Владыка мира чудесным образом поставил богом¹ и единовластным распорядителем подобных вещей. И видение великого и дивного Саввы было также делом того же самого чудодейственного промысла: я говорю о Савве, нашем давно известном светильнике в отшельнических подвигах священ-

¹ Риторическое выражение по уподоблению словам Святого Писания: *«И рече Господь к Моисею, глаголя: се, дах ты бога фараону»* (Исх. 7, 1). — Прим. перев.

ного безмолвия и рассуждения, об этом вместилище смиренномудрия и любви, храмине божественной мудрости, другом солнце во плоти со сверхъестественными блистаниями и действиями божественного света. Этот Савва, стоя однажды на молитве, видел ужасное видение про Акиндина и про скопище его пособников и последователей, видение, которое поражает всякий слух и всякое помышление и которое мы привели в нашем сказании о Савве.

Итак, мудрый Григорий целых четыре года томится в заключении под стражею, и это в то время, когда его болезненное и чахлое тело нуждалось в ежедневном почти уходе и врачевании. Самое уже одиночное продолжительное заключение, естественно, слишком вредно действует даже на тех, которые пользуются совершенным здоровьем. Но Григория не это мучило: его более всего огорчала и уязвляла двоякая пагуба народа, который то поднимает оружие друг на друга и в великом гневе разжигает бунты и войны против себя же самого, то постыдно отвергает отеческое и апостольское к Богу благоговение и общие всех богословов предания. Самым же ужасным и нечестивым казалось ему то, что как на то, так и на другое зло всех и каждого подвигали и толкали

именно те, которые считались представителями и защитниками Церкви и которые, наоборот, обязаны были всяческим способом удерживать всех и отвращать от всего этого. Впрочем, предоставляя устройство того и другого всех Богу, Григорий в своем заключении или взывал с Давидом: «Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя»¹, или же часто повторял с равным благомыслием и благодарением слова Златоуста: «Слава Тебе, Господи, за вся!» Эти два изречения возглашала во всю свою жизнь эта приснопамятная душа как бы в благодарственное приветствие Божеству. Особенно же во время сильных искушений и великих скорбей он всегда пребывал одинаково непоколебим, оставаясь неопалим посреди огненной печи этих всяческих искушений, прославляя Бога, подобно блаженным трем отрокам², чувственно и умственно сплетая самым лучшим образом хваление Всевышнему и словами и писаниями, и этим самым умственно опаляя своих противников, служителей и начальников заблуждения, делом и словом призывая всю тварь к благодарению и умилоствлению Создателя. Проводя дни и ночи в подобных занятиях,

¹ Пс. 32, 22.

² См.: Дан. 3, 19 и далее.

он являлся каким-то бесплотным естеством, не чувствующим ни труда, ни усталости. Рядом с этою умственной духовною деятельностью, он много трудился и над изучением богословских книг, писал и сочинял свои дивные произведения о благочестивой вере, против нечестия зломыслящего Акиндина. Все эти имеющиеся у нас ныне противоеретические сочинения написаны им во время тюремного заключения.

А в это самое время лжеименный начальник Церкви Иоанн, внезапно и окончательно обезумевший, как будто бы у него потрясся весь мозг в голове, или, сказать правильнее, всецело обуянный духом заблуждения и поднимая открыто войну против Самого Бога, приступает снова к продолжению своего прежнего начинания: на святительскую кафедру Фессалоники назначает одного из учеников и ревнителей Акиндина, монаха по чину и диакона по сану; настоящего его имени я пока не упоминаю¹. Словом, готовил для хиротонисания во святители славной Фессалоникской церкви, несомненно, нового Акиндина или Варлаама, человека, отличавшегося сколько своим нечестием, столько же и великою ревнос-

¹ По всей вероятности, патриарх Филофей говорит здесь о Никифоре Григоре. — *Прим. перев.*

тию против благочестия. Но Бог разрушил этот замысел гораздо скорее, чем прежде, и не только разрушил, но и обратил его на голову самого же замыслителя.

Ибо, лишь только узнала об этом достославно стоящая за благочестие дивная царица, как тотчас посылает к Иоанну, этому поборнику ереси, и советует ему всячески воздержаться от сообщества с варлаамитами и акиндинитами, так как те и другие оказались явными еретиками пред двумя соборами и вместе со своими учителями — Варлаамом и Акиндином — отсечены от Церкви Христовой синодальными актами и страшными проклятиями. Но тот, к нечестию своему прибавивши еще и крайнее бесстыдство, посылает в ответ христоролюбивой царице целую книгу своих собственных нововведений и мудрований как оправдание своих странных действий. Эта вот книга и послужила ему же в справедливейшую пагубу и явилась причиною его низложения, ибо заключала в себе целый ряд клеветы и обвинений, направленных против церковного священного томоса (соборного акта), в опровержение, под предлогом истолкования того самого томоса, истинность которого как акта, обозначившего и определивше-

го благочестие, еще недавно сам же, и притом прежде всех, он подтвердил и похвалами словесными и собственноручною подписью, когда еще был в уме и когда мозг у него еще не был поврежден. Кроме того, в этой еретической книге были приведены самые главные и, так сказать, самые чувствительные по опасности места из нечестивых сочинений, отлучавшие от Церкви почти всех святых и христианских богословов как неправомыслящих, посредством их же собственных сочинений.

И уловлен за собственные крылья знаменитый враг истины и получил справедливое возмездие: христолюбивая царица, восплаивши священной ревностию о благочестии в этот раз больше, чем прежде, сзывает на собор архиереев и избранников Церкви, также и всех государственных сановников, и тут же лишает священного сана как главного поборника ереси, так и всех его единомышленников, представителей ереси, и отлучает всех их от Церкви. После столь славного, справедливейшего и с царским достоинством вполне согласующегося подтверждения царицею истинного благочестия (а подтверждением благочестия и опорой Церкви Христовой стало ниспровержение ереси и ее поборников), тотчас, в тот самый

день, прекратилось и волнение народное, и ужасы междоусобия: царство, разделившееся было *на ся*¹, пришло к единомыслию, и члены его, познавши друг друга, слились в естественное единение, при чудодейственной помощи Всевышнего Отца всех — Бога, ясно всем показавшего, какие бывают плоды ереси и богохульства на Христа, какие от сего богохульства последствия и какие — от православного верования и истинного благочестия.

С водворением мира, бывшего долгое время в изгнании, прежде всего великий Григорий освобождается из тюрьмы и возвращается в общество верующих, увенчанный новою славою подвигов за благочестие и за дни напрасного тюремного заключения. Потом божественный Исидор² принимает кормило всей Церкви, а вместо него и чрез него кормило великой церкви Фессалоникийской получает наш великий Григорий, по усиленным просьбам как самого царя, так и нового дивного патриарха.

И опять начало подвигов и тяжелых испытаний для Божия архиерея, как будто ему свыше

¹ Ср: ... *аще царство на ся разделится, не может стати царство то* (Мк. 3, 24).

² Исидор Глава, по другим — Бухирас, митрополит Фессалоникийский, по низложению (1347) Иоанна Калеки вступивший на патриарший престол Константинопольский. — *Прим. перев.*

суждено бороться и страдать целую жизнь более всех других. Приезжает Григорий из Византии в Фессалонику к вверенной ему пастве, но последняя не принимает своего пастыря и бежит от него далеко, так как смрадные соки прежней разрушительной заразы мятежа еще не иссякли в ней и это болезненное состояние ее еще не было вполне вылечено благовоением мира. Достигли и сюда распространенные нечестивыми новые злоумудрствования о божественных догматах, зародилось сомнение у некоторых, послужившее предлогом и поводом к всеугнетающему возмущению и пагубному нестроению. Но Бог чудесным образом возвысил гонимого пастыря и показал гражданам Фессалоники, насколько сей пастырь близок к Нему и какое к Нему дерзновение имеет.

Был в Фессалонике один почтенный и благочестивый муж, пресвитер по сану и сиротовоспитатель по должности. У него было дитя женского пола, страдавшее тяжкою болезнью — параличом всех членов тела, вследствие чего оно целых три года пролежало в постели без всякого движения. Изгнание Григория из Фессалоники последовало в восьмой день горпииея¹, когда Цер-

¹ Горпией (Γορπιαῖος) — македонское название месяца сентября. — Прим. перев.

ковь совершает празднество Рождества Богоматери. Вот пресвитер-сиротовоспитатель просит прочих священников, имевших вместе с ним служить обедню, помолиться сообща во время пресуществления святых даров Богу и Владыке всех, чтобы Он показал им каким-нибудь знамением, какой части сподобился у Бога так несправедливо изгнанный из Фессалоники архиерей, в обличение и посрамление делающих зло произвольно и в утверждение в истинной вере по неведению сомневающихся. Сослужащие священники во время совершения Таин творят молитвы об этом, а пресвитер-сиротовоспитатель тайно молитвы, чтобы Бог просимое знамение показал на расслабленной его дочери посредством чудесного исцеления. И Бог в прославление Своего угодника, о котором совершалась молитва, воздвигает внезапно расслабленную девочку от одра болезни: дитя вдруг встало с кровати и начало бегать по всем комнатам дома. Узнавши об этом, сослужившие священники и знавшие тяжкую и многолетнюю болезнь дитяти, еще до окончания литургии в умилении прославили Бога, действующего паче слова и разума, а Григория, Его угодника, и сами признали архиереем Божиим и равноапостольным, и другим открыто стали проповедовать об

этом. Из Фессалоники божественный архиерей удаляется на священный Афон. Но так как и до поездки в Царьград, и по выезде оттуда он много болел, то на Святую Гору он прибыл нескоро, спустя достаточное количество дней. И святогорские отцы приняли с радостью своего давно желанного и опять стали ежедневно утолять жажду потоками его уст, как бы неким божественным нектаром, и сильно желали удержать его при себе, как равно и тот желал того же, по крайней мере до тех пор, пока не утихнет в Фессалонике буря мятежа и всеобщее замешательство не придет в свое прежнее состояние.

Но в этот промежуток времени прибыла на Святую Гору предводитель трибаллов Стефан¹, ибо пагубный мятеж и междоусобица избрали последнего в цари значительной части тогдашнего Ромейского (Византийского) царства. Прибыв на Афон в качестве самодержавного властителя, Стефан, найдя там сего великого архиерея, после

¹ Стефан Душан (ок. 1308—1355), король Сербии с 1331 г., царь Сербо-Греческого царства с кон. 1345 г. В конце 1345 г. провозгласил сербскую архиепископию патриархией. Патриарх Филофей именует подданных короля Стефана Душана трибаллами — названием могущественного фракийского племени, населявшего некогда Нижнюю Мёзию (древнюю область между нижним Дунаем и Балканами). — *Ред.*

неоднократной беседы с ним — да и раньше он много слышал о Григории — старался привлечь его к себе многоразличными богатыми обещаниями: пожалованием ему городов и даже целых областей в денежные доходы и т. п. Но человек Божий, после долгих отказов от предлагаемых кралем милостей, наконец сказал: «В светской власти, в областях и городах, в многоденежных доходах и в больших сокровищах мы никакой надобности не имеем. Ибо, подобно тому, как если бы кто, взявши губку, вбирающую в себя одну только кружку воды, погрузил оную в Эгейское море, то такая губка не в состоянии была бы впитать в себя всю пучину моря, но и, извлеченная оттуда, вмещала бы в себе все ту же одну только кружку влаги, вся остальная вода осталась бы на прежнем месте в море. Так и мы, издавна привыкши довольствоваться в жизни только тем, что вместить в состоянии по природе, не можем впитать в себя более, чем сколько нужно для ежедневного пропитания; а посему не нужны нам вовсе, да и не приличны нам твои обещания всех этих великих и богатых даров». После этого категорического отказа Григория краль Стефан просит архиерея, а правильное сказать, принуждает насильно поехать в Константинополь в ка-

честве посла и посредника своего между ним и Византийским двором, как единственного человека, к этому пригодного и способного как по своей добродетельной жизни, так и по силе убедительности слова.

И Божий архиерей принужден снова ехать в Константинополь с поручением от краля к царям и после кратковременного пребывания в Царьграде возвращается назад в Фессалонику, опять к своей церкви, сколько по обязанности пастыреначальника, столько же и по настоянию царей и великого патриарха, так как, казалось, тревожения в Фессалоникийской церкви уже утишились. Но там новые смуты и нестроения, и снова архиерей не допускается ни к пастве, ни в город. Ибо предводители прежнего мятежа, как бы в вознаграждение за предшествовавшие смутные события, требовали себе от правительства таких льгот и привилегий, исполнить которые не только не представлялось возможности, а напротив, следовало бы подвергнуть зачинщиков этого самому строгому суду. А потому, получив отказ, фессалоникийцы предложили архиерею на выбор одно из двух или, оставаясь, не поминать царей в церкви возгласами во время богослужения, или же, если он держит сторону царей и не мо-

жет лишать их обычного поминовения, удалиться из Фессалоники и быть заодно с царями. Григорий выбирает меньшее из зол: он предпочитает изгнание, и по назначению Великой Церкви переезжает в главный город острова, посвященного Вулкану¹, и таким образом вместе с ним благоденствие великого города переходит к маленькому, незначительному безымянному городку: своим пребыванием Григорий сделал этот городок великим, значительным и многонаселенным.

Прибывши в Лемнос, великий Григорий и словом, и делом, и ежедневными поучениями при богослужениях начал исправлять грубые варварские нравы тамошнего народа и очерствелые его сердца сделал мягкими и восприимчивыми на добрые дела, так что и составившаяся с давнего времени поговорка «злые лемносцы» изменилась чрез него в «добрые лемносцы»! Вскоре по прибытии Григория на острове по городам и весям появилась смертельная эпидемия — чума. И вот страждущие приглашают к себе для утешения и помощи своего архипастыря, и добрый пастырь, ничтоже сумняся, по первому зову являлся всюду, в самые отдаленные местечки и деревни, и в

¹ Остров Лемнос. — Прим. перев.

то время как служители его из страха заразы не отваживались следовать за ним, кроме немногих, сильную веру в Бога имевших, совершает крестные ходы вокруг города и своими усердными молитвами, как совместно с народом, так и совершаемыми наедине, останавливает распространение заразы и прогоняет смерть.

Прослышав все это, родной город святого, то есть Фессалоника, не мог перенести, чтобы чужие пользовались его собственным благом по причине нескольких бунтовщиков, подлых развратителей, недостойных носить имя граждан Фессалоники. Поэтому, движимый справедливою ревностью о собственной славе и собственных правах, город Фессалоника одних изгоняет как нераскаянных злодеев, а других заставляет одуматься и прийти в разум. Вслед за сим, так как всякие препятствия были уже устранены, фессалоникийцы все в один голос решили возратить доброго пастыря. И сейчас же было изготовлено судно нарочито для этой цели: знатнейшие из граждан, а также из церковного клира отправились на этом судне в Лемнос и вскоре привезли оттуда великого иерея, что служило, с одной стороны, для лемносцев причиною плача и рыданий по случаю отнятия у них пастыря, а с другой —

причиною несказанной радости и восторга для сограждан по случаю возвращения его. И кто в состоянии описать это всенародное празднество и эту всеобщую радость? Поистине день этот был грядников праздник и торжество торжеств, ибо когда архиерей, одетый в святительские одежды по древнему обычаю, входил в город, то шествие его по городу совершалось с великою пышностью и необыкновенною торжественностью: все, как бы заранее условившись между собою, пели пасхальные песни в сретение его, из изгнания и заключения возвращающегося, как Христа, от ада и гроба восставшего, пели громогласно и с веселием: «Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресения Христа блистающая...» и «Приидите пиво прием новое... и источник нетления Христа из гроба одождивша», а также и песнь божественного Исаии: «Светися, светися, новый Иерусалиме, прииде бо твой свет и слава Господня на тебе возсия...» и тому подобные песнопения.

Всего же удивительнее в этом случае то, что, несмотря на самые тщательные розыски, не могли доискаться, кто навел на мысль и побудил певчих к пению подобных стихословий, как равно осталось неизвестным и кто первый начал петь

их, так что для людей с умом и истинно верующих стало очевидно ясно, что все это произошло по вдохновению свыше, было делом божественной благодати, одновременно возбудившей мысли и подвигнувшей языки всех певцов к согласному пению этих священных песнопений.

Таково было таинственное и преславное вшествие святого в родной город. На третий день после этого архиерей объявляет всеобщее торжество — крестный ход по городу со святыми иконами и псалмопениями. И весь город собрался на зов владыки — и стар и млад, словом, люди всякого чина и звания, жаждая зреть своего пастыря, послушать его душеполезных бесед, испросить его святых молитв о благоденствии города и о спасении всех. И добрый пастырь обходит почти весь пространный город, творя молитвы, преподавая благословения, воссылая к Богу благодарения за прошедшее и молясь о будущем. Наконец, произнесши обращенное ко всем теплое слово о единомыслии и мире¹, сразу привязывает к себе всех настолько, что и выразить невозможно. Да и что говорить, когда даже своих собственных поносителей, бывших прежде своих заклятых врагов, возмущавших против него на-

¹ Беседа I «О взаимном мире». — Прим. перев.

род, он этой своею беседою сейчас же сделал своими друзьями, или, сказать правильнее, не только друзьями, но и покорными рабами, которые теперь ползали у ног его, лобызали его стопы и со слезами умиления испрашивали у него прощения за все те обиды и поношения, которые они по неразумию и бесчувственности причинили этой святой душе. И благий пастырь не только подавал щедро всем прощение, но прибавил к этой щедроте еще бóльшую, вписавши своих врагов в число своих друзей и присных, и с этого времени не переставая благодетельствовать им и словом и делом до конца жизни.

На другой день после крестного хода новый владыка совершил соборне первую литургию, чтобы принесением бескровной жертвы еще более очистить и освятить свой народ. И во время этой литургии Бог, чудодействующий чрез Своего избранника, вновь прославил его следующим образом. В числе сослужащих с архиереем священников был и упомянутый уже нами пресвитер-сиротовоспитатель. У последнего было еще дитя мужеского пола, также давно страдавшее страшным и ужасным недугом — падучею болезнью, которая поражала мальчика не периодически, каждый месяц, как это обыкновенно случается с

другими, тем же самым недугом страдающими, но нападала внезапно, во всякое время, и мучила бедного ребенка ужаснейшим образом. Вот, во время литургии пресвитер, отец дитяти, подходит к архиерею и с великою верою в его святость просит его, чтобы он из собственных рук приобщил животворящих таин болящего ребенка. Тот согласился, и, когда настало время причащения, отец поднес к архиерею своего сына на руках. Божий архиерей приобщил мальчика, и с этой минуты как ужасный недуг, так и действовавший в нем злой дух исчезли, покинувши навсегда дитя пресвитера, который вместе с исцелившимся сыном до конца жизни не переставал славословить Бога и прославлять Его избранного угодника.

Засим, спустя несколько дней, архиерей созывает к себе на дом всех получивших священство. Ибо, имея в виду с первого же раза создать Церковь на твердых, незыблемых основаниях, признал за необходимое прежде всего приготовить себе благонадежных сослужителей, строителей Церкви, после первого и единого основателя и строителя Церкви Иисуса Христа, совершителей страшных таин и иных всяких духовных треб. И вот, собравши всех до единого священнослужителей, он произносит к ним в выс-

шей степени замечательное поучение о важности и великости священства, объясняя им, как высоко назначение священства как служения таин, неизреченных и страшных не только для людей, но и для самих небесных бесплотных существ; что сподобившиеся, по благодати Божией, сего великого сана обязаны стараться всеми силами всегда неуклонно следовать, насколько возможно есть человеку, по стопам рукоположившего их Христа, памятуя, что истинный, неложный строитель не может и не должен полагать иного основания зданию, паче лежащего, по слову божественного Павла: *«Основания бо инаго никтоже может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос»*¹. Такими и подобными беседами и поучениями, и при этом собственным примером как при совершении божественной литургии, так и в остальной обыденной жизни, он много улучшил нравственность всего своего клира.

Что же касается той непрестанной, неутомимой ревности и готовности, с которыми святитель Фессалоники, да еще при самых неблагоприятных обстоятельствах, и письменно, и с церковной кафедры защищал истину православия,

¹ 1 Кор. 3, 11.

то им могут только удивляться все, но описать их, изобразить эту плодотворную его деятельность надлежащим и подобающим образом никто, я думаю, не в состоянии.

А между тем последователи лжеучения Варлаама и Акиндина не переставали смущать Православную Церковь и, в раздражении за свои прежние неудачи в спорах с мудрым и великим Григорием, настоятельно требовали созвания нового собора. Поэтому царь вместе с патриархом решили созвать опять собор в Константинополе для нового рассмотрения и исследования проповедуемого этими еретиками учения, которое весьма многих обуревало и обуяло. И так как для публичных прений на соборе нужен был прежде всего искусный в слове состязатель, то Фессалоникский герой, уже трижды, чтоб не сказать четырежды и более, отличившийся на этом поприще, отправляется снова в Царьград, повинувшись настоятельно-просительным посланиям царя и патриарха. Собор этот был многолюдный и многознаменательный, превосходивший далеко предшествовавшие соборы не только численностью и, так сказать, качеством архиереев, кои все были одушевлены одинаковою ревностью о Святом Духе и о православии Церкви, так что готовы

были, в случае надобности, бороться и воевать даже до пролития крови, но и тем, что на нем присутствовали также и самые близкие родственники царские, как равно и весь правительствующий синклит; кроме того, много замечательных ученых мужей, как светских, так и особенно выдающихся в церковной иерархии, много монашествующих и отшельников, — я не говорю уже о благочестивых мирянах, собравшихся послушать прения о вере в таком количестве, что обширные царские палаты, где происходил собор, не могли вместить в себе всех стекшихся, — даже и внешний двор оказался тесным.

Когда председательствовавшие на соборе царь и патриарх¹ уселись на особых тронах, а после них и мы, каждый по достоинству сана, заняли свои места, то были введены и представители супротивников, маленькая и презренная часть, не часть Иакова и не народ Господень и Его новое наследие, но хананеи, и хеттеи, и амореи, недостойные даже стать в разряд тех гаваонитян, которых Иисус Навин древле сделал водоносцами и

¹ Председательствовали на этом соборе (1351 г.) царь Иоанн Кантакузин и патриарх Каллист; представителями же и защитниками еретиков были митрополит Ефеса и Гана Никифор Григора и некий Дексий. — *Прим. перев.*

дровосеками народа Божия за то, что они добрым притворством и похвальною хитростью сохранили себя от разврата и от погибели своих ближайших соседей¹. При входе супротивников на собор один из архиереев, выдающийся как по занимаемой им кафедре, так и по уму, сказал, обращаясь к священному собору: «По выражению их лиц видно, что они суть из числа тех, изображения которых висят вот здесь над нами»; при этом он указывал на древних еретиков, которых посрамили и осудили вселенские соборы и портреты которых находились тут же, в палате царского дворца.

Подробности деяний собора, длившегося подряд целых пять дней, я предоставляю описать и рассказать тем, которые, как очевидцы, знают это доподлинно, а прежде всего и всех — соборному акту, составленному и скрепленному собственноручными подписями царя, патриарха и всех бывших на соборе отцов, устами коих глагола Дух Святой. Этот соборный акт для нашей Церкви есть столп и утверждение православия, знак победы благочестия над нечестием и оплот богословия непоколебимый, тщательно огражденный отовсюду доказательствами из Святого Пи-

¹ См.: Нав. 9.

сания и творений святых отцов и постановлениями предшествовавших вселенских соборов.

Так как вся борьба сосредоточивалась исключительно на Григории и общие враги Церкви все свои нападения направляли на него, как бы в намеченную цель, то и Григорий, одобряемый и поддерживаемый царем и собором, оказался бойцом неподражаемым, вполне достойным восторжествовать в столь славной борьбе. Пусть скажут очевидцы, как он дважды обратил в постыдное бегство этих богоборцев, как они не устояли и в первом своем нападении, направленном против божественного света¹, блиставшего в его дивных речах; как они похвалялись явиться снова для состязания, а между тем сего возвращения их на борьбу и по днесь не последовало. Если же в этой славной борьбе и Климент, списатель и истолкователь сего всего, несколько потрудился вместе с проповедником благочестия Петром и словом и писаниями, то все-таки весь успех борьбы следует приписать одному Петру². Таков вот был исход этого последнего собора.

¹ то есть Фаворского света, о котором шли прения на соборе, бывшем в 1347 г. — *Прим. перев.*

² Патриарх Филофей сравнивает себя со священномучеником Климентом, учеником святого апостола Петра, а святителя Григория Паламу — со святым апостолом Петром. — *Прим. перев.*

Так как необходимо было возвратиться назад в Фессалонику, чтобы не быть долго в отсутствии от паствы, то святой тотчас же по окончании собора немедля пускается в море со всем своим штатом. Но во время плавания они встретили на море такую страшную бурю, такое ужасающее треволение. что судно их бросало то к берегу Фессалоники, то опять отталкивало далеко в открытое море, так что не только сидевшие праздно пассажиры, но и служившие на судне матросы, да и сам корабельщик, одним словом, все отчаялись в спасении: попрощались друг с другом и после всеобщей исповеди, как это бывает при последнем издыхании, отдали себя на волю Божию. При этом великий Божий архиерей не только ободрял и обнадеживал всех, поучая, чтобы они все обратились к Богу с теплою молитвою, но и сам, как истинный ходатай Бога и человеков, непрестанно творил умственные неслышимые молитвы и посредством их, а также своим обычным к Богу дерзновением утихомирил треволение моря и, паче всякого человеческого чаяния, спас всех плавших с ним от потопления. Таким вот чудесным образом была усмирена буря водная на море.

Но не утихомирилась, однако, буря искушений на суше. Ибо когда судно вошло наконец

благополучно в Фессалоникийскую гавань и прибывшие должны были вступить в город, то царь¹ воспретил им высадиться, так как замышлял уже отложиться от своего опекуна, тестя и царя, и так как заключил — не знаю, какие — условия с вышереченным предводителем трибаллов Стефаном, недавно сообщенные и царю. Поэтому вот и воспрещал архиерею вступление в город, чтобы показать этим самым, что он остается верен Стефану, не обманывает его своим союзничеством, что, однако, как оказалось впоследствии, не было истиною, то есть царь этот обманул своего союзника. Итак, Григорий принужден был удалиться из Фессалоники и по необходимости обратиться опять к своему возлюбленному Афону. А так как его домочадцы и друзья сильно негодовали на такой поступок с архиереем и начинали падать духом перед толиким множеством выпавших на его долю искушений, то он постоянно утешал их, говоря, что им, напротив, следует радоваться всему этому и возносить величай-

¹ Это был Иоанн Палеолог, зять императора Иоанна Кантакузина, враждовавший с тестем за то, что последний лишил его престола, а венчал на царство сына своего, чего не одобрял и не допускал и патриарх Каллист, за что был низложен, а на место его возведен этот Филофей. — Прим. перев.

шие благодарения Богу за то, что Он «и нас сподобил почетного общения с великими учителями Церкви, Его архиереями, которые, несмотря на то что были духовными отцами и благодетелями тогдашних царей, все-таки терпели жестокие гонения во всю свою жизнь, как отверженные злодеи и явные царские враги, и в конце концов в большинстве случаев были умерщвляемы». Говоря это, он и собственными делами доказывал, что стоит далеко выше всех этих незаслуженных искушений и гонений.

Но всеблагий Бог, Который, по слову блаженного Павла, всегда соразмеряет искушения со степенью возможности и присущей нам силе перенести эти искушения, разрушил и это испытание в очень непродолжительном времени. Ибо по истечении едва лишь трех месяцев прибыла из Царьграда в Фессалонику дивная и христолюбивая царица¹ и уничтожила всякие якобы заключенные со Стефаном условия, правильнее сказать — призраки условий, после чего сейчас же и мать-царица и сын-царь посылают посольство на Афон и возвращают святого архиерея его церкви. Таким образом, архипастырь воротился к сво-

¹ Анна. — Прим перев.

ей пастве, которую встретил с прежнею отеческою любовью и которая его встретила с великою сыновнею радостью, и засим своею покорностью и преданностью снова начала вкушать душеспасительные плоды его священных слов и деяний, как это, между прочим, явствует и из нижеследующего.

Есть в Фессалонике женский монастырь, большой и многолюдный, и поэтому, как я думаю, именуемый царским. В монастыре этом была одна смиренная и благочестивая монахиня, по имени Илиодора, страдавшая ужасными болями в левой части головы от накопившихся в этом месте каких-то злокачественных соков; особенно же нестерпимо боли эти отзывались на глазе. Через сорок дней боли унялись сами собою без всякой посторонней помощи, но на глазу образовалось бельмо, закрывшее весь зрачок. Очень скорбела несчастная инокиня, но не столько о повреждении глаза, сколько о том, что лишилась наилучшего утешения — читать беспрепятственно в церкви во время богослужения. Спустя почти год после этого поражения, в начале месяца горпиея¹, совершалось в монастыре всеобщее

¹ См. выше, с. 145.

бдение по случаю праздника Рождества Богоматери. В конце великой вечерни совершавший богослужение святой архиерей произносит к присутствующим проповедь, которая приковала к себе внимание всех молящихся, в том числе и ослепнувшей инокини Илиодоры. Последняя со слезами сердечного умиления воссылала к Богу благодарения за то, что Он по Своему человеколюбию послал им такого ангелоподобного учителя и что и она сподобилась оживотвориться благодатными струями его чудных словес. При этом она мысленно сильно негодовала, что некоторые из граждан Константинополя, безумные, дерзкие и нечестивые, осмеливались поносить столь великое светило Церкви и бессовестными клеветами старались извратить и уничтожить его учение. Произнося это про себя, она воздевала руки к Богу и усердно молилась, чтобы Он, милосердый, молитвами этого великого угодника Своего возвратил ей прежнее зрение. Когда же началась божественная литургия и наступило время совершения святых таин, то инокиня вместе с другими многими приблизилась к вышедшему со святыми дарами архиерею, и, подобно евангельской кровоточивой жене, насколько возможно было, тайно схватила край святительского облачения,

и потеряла им свой больной глаз, привлекая таким образом на него исшедшую оттуда силу и исцеление. Воротившись к себе в келлию, она все остальное время дня провела в слезах и молитве об исцелении, а с наступлением ночи заснула также со слезами на глазах и с молитвою на устах. Когда же на следующий день она проснулась, то — дивны дела Твои, Господи! — бельма как не было: глаз оказался совершенно чист и здоров.

Прошел год со времени последнего возвращения Григория из Византии к своей митрополии, и святой архиерей, вследствие частых переездов туда, вследствие многообразных искушений и непрестанных трудов, сильно занемог: его совершенно изнеможенное тело внушало серьезные опасения, и смерть Григория была признана всеми неизбежною. Но Бог, сверх всякого чаяния, воздвиг его от одра болезни, снова даровал ему жизнь, готовя в нем борца для новых подвигов и для новой борьбы.

Не вполне еще оправившись от болезни, великий духом Григорий принужден был, вследствие настоятельных просьб царя, опять ехать в Константинополь в качестве посла и посредника к тестю царя императору, чтобы устроить мир между ними, все еще друг с другом враждовав-

шими. Но Царь царствующих и Господь господствующих свыше не одобряет, чтобы примирение это, как излишнее, совершилось именно в это время¹, а посылает Григория к ахеменидам², слишком отдалившимся от Него словом веры, и к тем пленным христианам, которых эти нечестивые у себя держали, — посылает странным способом, в образе пленника, но благовестником мира и проповедником истинной веры и благочестия. И вот Григорий, который своим учением весьма многих сподобил небесной свободы и Царствия, отводится ахеменидами в Азию пленником, простым, заурядным, чтобы своим собственным пленением устроить и теперь также весьма многим освобождение от душевного пленения и рабства.

Целый год провел святой Григорий в плену у нечестивых, испытывая и с твердостью духа перенося все невзгоды плена, и все-таки не переставал и не уставал делать то, для чего был послан

¹ Примирение враждующих родственников последовало иным путем: Иоанн Палеолог поехал лично в Константинополь, и Кантакузин, отказавшись от престола, отправился на Афон и там в Ватопеде принял монашество; тогда же и Каллист вступил вторично на патриарший престол, а Филофей удалился в обитель Акаталипта (Ακαταλήπτου — Непостижимого). — Прим. перев.

² См. выше, с. 52.

свыше. То он поучал благочестивых пленных христиан иметь терпение и мужество к перенесению зол плена и не пренебрегать возделыванием в себе добродетели, причем утверждал в них надежду будущих благ своим собственным примером — непрестанным пощением и молитвами; то обличал нечестивых, громил частыми красноречивыми беседами их заблуждения. За эту свободу слова, за это дерзновение ему неоднократно пришлось претерпеть не только поношение и поругание, но и удары. Подробности своего пребывания в плену святой Григорий описал в послании к своей Церкви.

Между тем, положение дел как в государстве, так и в Церкви совершенно изменилось. Те, которые сильно заботились об освобождении Григория из плена, то есть царь и патриарх, были низложены и устранены от управления. Тем не менее Григорий чудесным образом освобождается из плена: Бог, Который, по слову Писания, все творит и все изменяет единым Своим произволением, подвинул к этому каких-то трибаллов, или, правильнее сказать, далматинцев из отдаленных стран, и они освободили святого, внесши с удовольствием значительный выкуп за него варварам.

По прибытии из плена в Царьград святой Григорий принялся снова за обличения еретиков, и, между прочим, написал и опубликовал сочинение в двух книгах «Об исхождении Святого Духа» против латинян, и этим сочинением нанес окончательное поражение приверженцам и последователям Варлаама и Акиндина. После этого он возвратился с миром в Фессалонику, напоая своим живительным словом давно жаждавшую поучений паству, врачуя, по обыкновению, вместе с душевными недугами болезни телесные. Так, например, он исцелил, среди прочих, некоего Порфирия, иеромонаха обители Ипомимнисконда¹ — раз от воспаления легких, а в другой раз от удушения, и в обоих случаях одними только молитвами и наложением крестообразно рук на больные места. Исцелил вслед за сим приемную дочь одной монахини в монастыре святой Феодоры от продолжительного и изнурительного кровавого поноса. Наконец, один из почтенных граждан Фессалоники, некто Палат по имени, а по ремеслу золотошвей, украшал золотом новое святительское облачение великому Григорию, и архиерей, под предлогом посмотреть работу, но

¹ *Ἰπομμινίσκωντος* — напоминающего. — Прим. перев.

больше по внушению божественного промысла для явления чуда, приходит в дом Палата. А у сего последнего сын, мальчик пяти лет, пятнадцать месяцев страдавший сухотами, лежал совершенно без движения и до того был изможден, что только лишь издаваемые временами невнятные звуки свидетельствовали, что он жив. Увидев бедного мальчика, святой Григорий с участием стал расспрашивать о причине болезни. Убитый горем отец больного с раздирающими душу рыданиями рассказал великому Григорию все подробно и в то же время встал, взял на руки полуживого мальчика и, подставляя его под руки архиерея, произнес, подобно евангельскому отцу, взывавшему к Иисусу Христу: «Помилуй ты моего сына! Я обращался ко всем врачам, перепробовал всевозможные средства, однако и до сего времени ничего не помогло, и я потерял всякую надежду на его выздоровление». Святой Григорий сперва начертал крестное знамение на больном, затем положил руку на голову мальчика и, прошептавши молитву, тут же передает родителям мальчика совершенно здоровым: дитя не только сразу стало на ноги и начало свободно ходить, но и прыгало со свойственною дитяти резвостью, свидетельствуя воочию, к несказанному удивлению всех

присутствовавших, о совершившемся великом чуде.

Но, как я уже вначале сказал, передать более или менее подробно все, что сделано святым Григорием многознаменательного и чудесного как в отношении частных лиц, так в особенности и на пользу общую Церкви, в данном случае решительно невозможно. Поэтому, сокращая свое сказание, я опишу некоторые частности, сопровождавшие кончину его привременной жизни и кое-что из того, что непосредственно за сим последовало.

Шел уже третий год со времени последней поездки святого Григория в Византию. В эти три года, между другими многими душеполезными для фессалоникийской паствы подвигами, он написал, по просьбе вселенского патриарха¹, книгу против философа и мнимого монаха Никифора (Григоры), этого крайнего и дерзкого поругателя Божества и Его древних и новых богословов. Книга заключает в себе четыре обширных неопровержимых слова и составляет некоторым образом конец и заключение священных подвигов великого Григория. С наступлением четвертого года великий Григорий впал в тяжкий недуг —

¹ Каалиста, который, прибыв из Тенедоса вместе с Иоанном Палеологом, взощел на патриарший престол. — *Прим. перев.*

болезнь печени в непродолжительное время из этой жизни переселила его в жизнь вечную, 14 ноября 1360 года, в возрасте шестидесяти трех лет, из коих двенадцать лет и шесть месяцев он как святитель пас Церковь Христову.

Когда блаженная душа оставила бренное, но святое тело великого архиерея Григория, то чудодейственная благодать витавшего в нем Святого Духа проявила себя необычайным образом: яркий необыкновенный свет наполнил горницу, в которой лежало тело Григория, и этот чудный свет видели все собравшиеся взглянуть в последний раз на кроткого и любвеобильного владыку. Город весь собрался на погребение архиерея, так что не только обширный соборный храм, где происходило отпевание, но даже церковный двор не вмещали в себе всех молящихся. Лицо усопшего Григория, до кончины исхудалое и совершенно иссохшее, сияло небесною радостью, подобно лицу первомученика Стефана, ибо здесь действовала та же сила Духа, которая воодушевляла и первомученика: тогда гонителями и убийцами были неразумные иудеи, а теперь — гордо превозносящиеся варлаамиты. Нетленные мощи святого Григория¹ вско-

¹ Они и теперь находятся в Фессалонике. — Прим. перев.

ре после его блаженной кончины сделались обильным источником чудес и исцелений, в доказательство чего приведу нижеследующие — немногие из множайших — случаи.

Некий монах, подвергавшийся ради принятия священства искусу в одном из монастырей Фессалоники, впал в жестокую болезнь кефалалгию. Болезнь была настолько упорна, что угрожала даже смертью. Смерти, впрочем, при известном терапевтическом уходе и с помощью имевшихся тогда под рукою медицинских средств, монах избежал, но страшная головная боль никак не унималась, возобновляясь периодически, сперва по одному разу в месяц, потом дважды, часто трижды и наконец с течением времени стала постепенно учащаться и каждый раз все острее и острее. Так прошло шесть лет. На седьмом году головные боли приняли столь острый характер, что довели недужного до бешенства: несчастный испускал странные, необыкновенные вопли и сделался совершенно бесчувствен ко всему окружающему. Смерть снова, презирая всякую медицинскую науку, простирала к несчастному свои холодные объятия. И что же? Монах решительно отчаялся в земной жизни и предался всецело размышлению о жизни будущей, переход к кото-

рой он видел висевшим, так сказать, над своею головою. Чувствуя близкую кончину, монах с рыданием начал изливать пред Богом умиленные слова раскаяния за прошедшую беспечную жизнь и просить избавления своей души от содеянных прегрешений, скорбя в то же время несказанно и о том, что при конце этой привременной жизни он не находит никого, кто бы поскорбел с ним и пособолезновал ему. Наконец, он вспомнил о великом пастыре, о его святости и заступничестве всех своих присных (монах был один из близко знавших святителя), сокрушаясь о том, что он не был даже при последнем отхождении блаженного к Богу. «Ибо, — повторял он, — если бы я был при кончине святого и слышал его последние божественные слова и получил его благословение, то в настоящие минуты это, несомненно, служило бы мне вместо сильнейшей охраны и спасительного оружия». Повторяя это и умиленно сокрушаясь, черноризец однажды крепко заснул и видит следующее сновидение. «Мне казалось, — говорил он, — что стою я в храме дивного чудотворца Димитрия, в алтаре, и вижу: перед святым престолом стоит великий архиерей и совершает по обыкновению бескровную жертву. Вот я в умилении преклонился пред ним, прося его святых мо-

литв; но святитель сперва, казалось, даже не обратил внимания на мою мольбу, преданный всецело священнодействию. Спустя некоторое время он оборачивается ко мне и, положив на меня правую руку, на ту часть головы, где, казалось, был сосредоточен весь недуг, начертал пальцами знамение божественного креста. И тотчас излившийся от пальцев его елей омочил все мое лицо. Таково было мое видение во сне. Проснувшись, я сейчас же почувствовал, что пришел в себя, и не только страх смерти, но даже малейшие следы прежней жестокой головной боли исчезли, и я со слезами умиления стал возносить хвалу благодарения Богу и Его святому угоднику».

Другой житель Фессалоники, из очень знатных вельмож, семьянин, имевший жену и детей и обширное хозяйство, долгое время был одержим хронической болезнью; в медицине она называется колики. Недуг этот, с течением времени постоянно обостряясь, оказался в конце концов неизлечимым: всякие медицинские средства казались совершенно бесполезными, так как естественные поры закрылись сразу и задерживали выделение желудочных излишков. Собравшиеся на консилиум знаменитости медицинской науки говорили, что накопившаяся какая-то ма-

терия затвердела, как камень, и заградила проход естественного извержения. Был уже шестой день, как у больного от страшных колик спазматически переворачивались все внутренности; к вечеру спазмы кишок до того усилились, что не оставалось ни малейшей надежды, чтобы больной пережил хотя часть ночи. Больного окружили родные и близкие знакомые; их невеселая беседа, как это обыкновенно бывает в подобных случаях, постоянно вращалась около одного предмета, печальный пример которого был у них перед глазами, и между прочим зашла речь и о святом Григории, о великом божественном действии совершаемых чрез него чудес, о том, как часто многие, с верою притекавшие ко гробу сего святого, чудесным образом исцелялись от самых застарелых ужаснейших болезней. Услышав этот разговор, больной со слезами умиления стал взывать к чудотворцу о помиловании, говоря: «Ты можешь, рабе Божий, как неусыпнейший подражатель Христу, хотя я сам и не могу, подобно другим, прийти к твоему гробу, и по причине болезни, и так как теперь не время, — можешь, говорю, и посетить меня, и исцелить от жестокой болезни, и избавить от неминуемой смерти!» Возглашая это и подобное, больной забываясь, как бы заснул.

И вдруг является ему великий Григорий в образе пресвитера, монаха-родственника, по имени также Григорий, в сопровождении одного иеродиакона, тоже из числа близких знакомых больного. И вот Григорий дружески, с участием спрашивает больного: «Что за причина твоей скорби? Чем ты так смущен необыкновенно и взволнован?» — «Не видишь разве, — отвечал больной, — как я страдаю, какие испытываю жестокие мучения? От них я, несомненно, лишусь жизни и — о горе! — оставлю милых детей своих сиротами, без всякой защиты и покровительства». — «Не бойся, друг мой, — говорит святой Григорий, — тебе, правда, теперь худо, но это временно: скоро ты будешь здоров и по молитве твоей получишь желаемое. Возьми вот это и положи на то место, где у тебя болит». Говоря это и вынувши, как ему казалось, из-за пазухи кусок новой ризы, которую, как сказано выше, он сам вышивал, с девятью золотыми крестами, — положил его на больное место. Далее ему показалось, что и диакон, бывший с Григорием, держал в руках крест из воска, который и прилепил больному к кости, которая у медиков называется крестец. После этого и Григорий и диакон скрылись из глаз больного. Последний же, проснувшись, почувствовал сильный укол в же-

лудке, и тотчас выделилась из него вся эта злокачественная материя, так что присутствовавшие, при виде этого, были несказанно поражены. Болезнь моментально исчезла, и бывший больной, почувствовав в себе новые силы, поспешил ко гробу великого чудотворца и велегласно поведал всем об этом сверхъестественном чуде, воздавая хвалу благодарения Богу и Его великому угоднику.

Протопсалт¹ Фессалоникийской митрополии, то есть кафедрального собора, человек весьма сведущий в церковном псалмопении, регент и корифей певчих и опытный учитель музыки, domestik, как обыкновенно называли людей подобной профессии, пользовавшийся большими преимуществами и особенным почетом у всех, заболел странною какою-то и острою болезнью, чем-то вроде водяной или же блуждающей рожи, и около года пролежал в кровати совершенно без движения. При строгой, впрочем, диете и при посредстве разных медицинских пособий часть накопившейся в теле материи исчезла, а часть сгруппировалась на оконечностях тела, вследствие чего последовал паралич рук и ног. Так прошло много дней. Наконец, злокачественная материя

¹ Дословно: первый певчий. — Прим. перев.

с помощью медицинских средств была удалена отовсюду, но засела, как бы пустивши корни, в трех пальцах правой руки — большом, указательном и среднем. Пальцы совершенно одеревенели, так что ни сгибать их, ни двигать ими решительно было невозможно. Это обстоятельство огорчало протопсалта вдвойне: с одной стороны, внезапность недуга и его неизлечимость, так как врачи отказались от лечения, а с другой — невозможность продолжать в будущем свою профессию, то есть ни дирижировать хором, ни писать ноты, чтобы издавать в свет песнопения. Отчаявшись окончательно во всякой помощи со стороны медицинской науки, больной обратился к помощи Божией и заступничеству, ища оттуда исцеления чрез посредство сильных о Христе угодников Божиих, святых иерархов, мучеников и других святых. Однажды после молитвы больного — дело было ночью — за всех и прежде всех является ему во сне великий Григорий и возвещает ему о скором посещении Божиим и исцелении от недуга; ибо ему казалось, будто он находится в великом храме Божией Премудрости (Софий)¹, где-то по правую сторону, вместе с ве-

¹ Кафедральном соборе г. Фессалоники. — *Ред.*

ликим архиереем, то есть там, где устроена и рака святого. И вот кажется ему, что святитель, возложивши на голову его руку, ласково-отечески говорит: «Иди, друже протопсалт, домой и будешь с этого времени здоров». На рассвете больной поспешил с большим трудом в храм, преклонился пред ракою святого и стал проливать слезы умиления и раскаяния за прежнее свое житие, так как он иногда позволял себе дерзкие выходы насчет святого угодника. Исповедуя в умилении и уничижении свои опрометчивые проступки и прегрешения, он умолял святого угодника о прощении, помиловании и исцелении, причем постоянно потирал больною рукою о камень раки.

После этой продолжительной молитвы, он воротился домой, и — о чудо! — больная рука начала действовать: пальцы по-прежнему стали подвижными и пригодными для выполнения всякой работы — держать перо, писать и т. п. И протопсалт прославил Бога и Его великого угодника.

Один человек, по ремеслу ткач, из тех, что ткнут царские порфиры, долгое время страдал затвердением желудка, потерял совершенно аппетит, не мог принимать ни пищи, ни питья, так что лишился наконец вследствие недуга необхо-

димых средств к жизни. И вот призывает он одного из царских врачей и требует от него помощи. Врач прописывает ему лекарство — слабительное. Больной, неизвестно почему, поступает с лекарством вопреки предписанию врача, то есть принимает не все разом, а выпивает только половину, думая сделать сперва пробу, а после выпить и остальную половину. Но слабительный напиток оказался до того сильным, что причинил неудержимый кровавый понос. Врач, убедившись, что сделал ошибку, смутился и употреблял всевозможные средства, чтобы задержать понос; но все оказывалось недействительным: сильное истощение грозило больному смертью. Потерявши, таким образом, надежду на искусство врача, больной прибегает к помощи Божией и к заступничеству Его великого угодника. «Я знаю, — молится несчастный, — знаю, что ты, человек Божий, и здесь на земле живя, и теперь, по преставлении, на небесах имеешь во всем великую силу у Бога. Будь и в этот час мне помощником и своим у Бога сильным предстательством избавь меня от угрожающей мне опасности и наглой смерти!» После этой теплой молитвы больной засыпает и видит во сне монаха, который давно когда-то и долго прислуживал архиерею и который теперь

говорил ему: «Ступай сейчас же в дом владыки, возьми его священный омофор и приложи его к своей пояснице, и желание твое исполнится».

Больной, еще в полузабытии от сна, спешит, как ему показалось, в дом архиерея и ищет названную священную ризу, согласно приказанию монаха; но искомого нигде не находит. Поэтому он возвращается опять, как ему казалось, к монаху и заявляет о своей неудаче. Последний берет больного за руку, и приводит его не в дом архиерея, а ко гробу сего святого, и там, взявши омофор, собственными руками возлагает больному на поясницу и вдруг удаляется. После этого больной, проснувшись, сейчас же догадался, что дом архиерея и есть его святой гроб, а омофор — каменная плита раки. Поэтому он идет к священному гробу и, прикоснувшись слегка к каменной плите своею поясницею, возвращается оттуда домой совершенно здоровым, освобожденный от недуга и избавленный от смерти.

Излечивает также и врача сей великий врач душ и телес. Очень долго пролежал некий врач в постели, обуреваемый многоразличными болезнями. От продолжительного лежания образовались у него пролежни, а в этих ранах завелись черви. Болея же не только сам он, но и супруга

его, и дети, так что дом врача оказался не лечебницею, как следовало бы, а скорее был скопищем болящих. И вот приходит к этим болящим общий сердобольный врач, божественный Григорий. Но как? Одной из дочерей больного видится во сне, что в их дом пришел святой Григорий в сопровождении своего иеродиакона. Девушка падает перед святым на колени и молит его оказать милость больному отцу. Святитель внял ее мольбе и приказывает иеродиакону принести сейчас же из церкви чашу, в которой он ежегодно совершал водоосвящение. Чаша, наполненная святой водой, была тотчас принесена, и иерарх приказывает иеродиакону умыть руки и ноги больному святою водою. Иеродиакон не замедлил исполнить волю святителя, и когда все было сделано по приказу, то больной, казалось, сейчас же по омовении очутился в своем прежнем здоровом состоянии. Тогда девушка стала молить святителя и об исцелении матери и о даровании ей здоровья. Но тут послышался голос, говоривший, что нужно пока довольствоваться и этим и что со временем, и скоро, она увидит исполнение своей просьбы и относительно выздоровления матери. Проснувшись, девушка рассказала о сновидении родителям, и отец, лишь только ус-

лыхал об этом, тотчас приказал вести себя в баню и, омывши там с ран все нечистоты и червей, отправляется ко гробу святого и молится там долго и усердно. Спустя два дня по возвращении домой он почувствовал внезапный укол в живот, и вслед за сим у него открылся такой сильный понос, что бывшие при этом врачи пришли в ужас и порешили, что больной не выдержит такого чрезмерного истощения и непременно умрет. Но тот, чудодейственною силою омовения святою водою ног и рук и затем омовением в бане, перемог свой недуг, и не только вскоре возвратились к нему прежние силы, но он стал еще здоровее и крепче, чем был до болезни. Врач этот по выздоровлении продолжал, как и прежде, свою профессию и вылечивал очень многих; не мог только он вылечить своей жены, недуг которой не поддавался его врачебному искусству. Но всеобщий врач и отец, святой Григорий, не оказался лживым в своем обещании: после исцеления врача, он исцелил и его жену, предоставивши и в данном случае первенство главе семейства — мужу.

Некая женщина из знатного рода болела продолжительным и тяжким недугом, вследствие которого во всей правой руке ее образовалась какая-то злокачественная материя, отчего рука вы-

сохла и лишилась способности движения. Мало того, окоченев, рука приняла горизонтальное положение и торчала, выдаваясь от тела, как палка, что не только составляло тягостное бремя для тела, но и возбуждало в окружающих большую отвращение. Служители медицинской науки признали необходимым делать согревающие втирания посредством очень сильных и острых медикаментов. Но больная мало придавала значения этим согревающим лекарствам, а смазывала руку маслом от священных лампад и миром от мощей святых, надеясь от них получить исцеление. Прежде чем заболеть, она не раз, почти ежедневно, слышала о чудесах дивного Григория, но вначале не давала веры подобным разговорам и даже, по своему женскому скудоумию и легкомысленности — качеству, так часто, к прискорбию, свойственному женщинам высшего круга, как в царственной столице Константина, так и в других больших городах, — нередко изрыгала хулу на святого. Теперь же, с одной стороны, проявляемые изо дня в день чудеса святого Григория, о которых гремела слава по всей Фессалонике, а с другой — печальная необходимость смирили, наконец, строптивость духа госпожи, высокородной по имени, но ничтожной по своему духовно-

му убожеству. И вот она, вместе с другими, прибегает к помощи святого, но все-таки дух сомнения и неверия ее не покидал. «Нет, — думала она, — Григорий не может исцелить меня или же, если и может, то не захочет за мое к нему неверие и прежнее злословие». Оно, пожалуй, так бы и следовало ей, неверующей и легкомысленной. Но святой ученик милостивого Иисуса Христа, Который светит солнцем и дождит на праведных и неправедных, милует, подражая Христу, и ее, хотя она с помыслами сомнения притекла к святому, но, потирая каждый раз одеревелую руку о плиту раки, неразумная получает исцеление. Сперва начали действовать омертвевшие и недвижавшиеся пальцы: она уже могла их складывать, чтобы изобразить знамение креста; потом, по возвращении домой, спустя три дня, во время сна выздоровела совершенно и вся рука. Вместе с сим госпожа исцелилась и от своего душевного недуга — светского легкомыслия и неверия, что гораздо хуже недугов телесных. Исцеленная так чудодейственно милостью святого Григория жива еще и теперь, и желающие, особенно те, которые, подобно ей, не верят в чудеса, могут слышать, как она за это чудо прославляет Бога и Его славного и милостивого угодника.

У престарелой бедной вдовы летучий ревматизм парализовал левую руку. Несчастье это для бедной старухи было двойным злом: во-первых, ее терзали и изнуряли невыносимые боли, во-вторых, она, и без того жалко влачившая свои горемычные дни, теперь лишилась и последней возможности добывать себе насущный хлеб, так как единственным у нее источником добывания средств к жизни была прялка и другие нехитрые произведения рук. Много больная перепробовала разных сильных и решительных медицинских средств к излечению недуга, даже прижигания горячим железом левого плеча, как источника и виновника болезни (ревматизм поразил руку, спустившись с левого плеча), но все было напрасно: боли не унимались, недуг упорствовал и не поддавался никаким медицинским средствам, а более и более развивался и усиливался. Долго томилась старуха, проводя дни и ночи в раздирающих душу криках о помощи, так что, наконец, соседки сжалились над нею, собирались и утешали ее, но будучи не в состоянии ничем помочь ей, посоветовали идти к раке великого чудотворца и у него просить исцеления. Послушалась больная благосердых советчиц, пошла к священному гробу Григория и, помолившись там долго и усердно, уже с

наступлением ночи возвратилась домой, однако, все-таки с теми же невыносимыми болями, и, помолившись, легла спать. Великий врач болящих своеобразно в известной степени начал исцеление, ибо недуг не вдруг и не разом пропал: боли прекратились в плече и в верхней части руки и сосредоточились в локте и в остальной, от локтя до оконечностей пальцев, части руки, и при этом еще больше усилились, вследствие чего больная стала еще неистовее кричать и порицать святого, что он-де сосредоточил болезнь в одном месте и тем самым усилил ее страдания. Так обыкновенно ропщут больные на тех врачей, которые для известных верных целей локализируют болезнь. И опять благосердые и разумные соседки сбежали к ложу больной старухи и посоветовали ей опять идти к тому же самому врачу и молиться об исцелении и остальной части руки. Пошла больная снова к чудотворной раке, пала на колени и стала молиться. И святой врач умилился над нею и избавил ее от недуга, но уже не во время сна, как бывало доселе с другими, а наяву: старуха явственно видела, как хроническая болезнь в течение долгого времени вытягивалась из оконечностей пальцев в виде тонких нитей. Наконец женщина воротилась домой совершенно

здоровою, с рукою, способною ко всякой работе, и с тех пор непрестанно благодарными устами прославляет Бога и Его святого угодника.

Две инокини — одна старица, а другая молодая — долгое время были лишены самых необходимых телесных чувств: старица потеряла зрение, а молодая лишилась слуха. Обе инокини пришли ко гробу святого и молились — каждая об избавлении от своего недуга, и человеколюбивый и скорый на помощь врач тотчас исцеляет обеих. Молодой даровал чистый, прекрасный слух, а старице возвратил зрение, и обе инокини не перестают восхвалять божественного врача и своего благодетеля за столь скорое и явное возрождение и возвращение им прежних, уже как бы омертвевших чувств — слуха и зрения.

И фракийцев не оставлял великий угодник Божий своими благодеяниями, но и их сопричислял человеколюбивый к своим единоплеменникам, подражая чудотворственно градодержавному защитнику и спасителю великой поистине Фессалоники, славному в мучениках и чудотворцах святому Димитрию. Некто, переселенец из Орестиады, города, перестроенного впоследствии Адрианом и по имени сего императора названного Адрианополем, муж, убеленный сединами и украшен-

ный мудростью, чистотою нрава и знатностью, впоследствии один из именитейших граждан Фессалоники по благочестию и той ревности, которую проявлял ко всему прекрасному, был другом святого Григория еще до вступления его на паству Фессалоникийской церкви. По одной лишь молве о необыкновенных качествах этого божественного мужа и из ревности за попираемую врагами Григория истину человек этот так привязался к великому поборнику православия и любил его столько, что дышал огнем открытого обличения против отступивших от своего архиерея, чем и раздражал часто скопище этих отступников, так что коновод их стал замышлять против него недоброе, угрожая смертью, что и привел бы, может быть, в исполнение, если бы Бог не благоволил свыше прекратить возмущение и остановить насилие.

По вступлении архиерея на паству, после того как церковь восприняла своего жениха, именитый гражданин был представлен близкими Григорию и вступает с ним в дружбу, бывши и до того заочно искренним другом его и верным ему. Вкусивши животворных струй его учения, он окончательно был пленен любовью к святому, еще более привязался к своему предмету

любви и остался навсегда неразлучен с ним душою. Так велика была преданность его великому архиерею. Со своей стороны архиерей, извещенный о его открытой борьбе против отступников от истины, даже с опасностью для собственной жизни, похвалил его ревность к православной вере и, между прочим, произнес следующую молитву: «Твою изрядную ревность и открытую борьбу за истину один только Бог вознаградит по достоинству; возмездие же с нашей стороны, каково бы оно ни было, будет недостаточно и несоответственно, как воздаяние человеческой природы и силы». Вот что сказал святитель, и это было не простое слово, не заурядная дружеская речь, но пророчество по наитию свыше, как будет видно из последующего рассказа. Прошло с тех пор много времени; святитель преставился, а друг его поражен недугом следующего свойства: на левой ладони образовались вдруг и разом четыре бородавки чудовищных размеров, необыкновенно твердые, с очень колючими оконечностями, так что никак не позволяли ни сжать ладонь в кулак, ни взять что-либо в руку, столько же по причине необыкновенного объема наростов, сколько и вследствие их колючего свойства, да и, кроме этого,

такое безобразное состояние руки представляло отвратительное зрелище.

Прошло восемь лет с тех пор, как больной впал в этот необычайный недуг, но на исцеление надежды совершенно не было. Но так как ежедневно он и сам видел необыкновенные чудеса, источаемые от гроба святого Григория, и неоднократно слышал о них от других, то и решился, наконец, идти вместе с другими на поклонение раке великого чудотворца. После усердной молитвы у святого гроба он стал у раки и положил свою руку на крышку, взирая на икону святого. При этом ему показалось, что он видит живого великого Григория. Поэтому он с дружеским как бы дерзновением, ободряемый благосклонностью архиерея, стал говорить тихим голосом: «Друже Иисуса Христа неложный! Ты стяжал себе многое и для всех очевидное дерзновение к Богу; поэтому ты имеешь силу очень легко исполнять прошения тех, которые тебя призывают, ограждая их от бед и зол своим непосредственным предстательством и ходатайством. Вот настало время употребить в дело с пользою твое к Богу дерзновение и силу и для меня, ради моего недуга в руке, и испросить мне милость от Бога и Спасителя моего, памятуя благовременно свои

слова и то обещание, которое ты некогда дал нам недостойным, когда жил плотию на земле, сказав, что "Бог воздаст тебе достойно за твою ревность о истине и открытую борьбу против ее попрания". Таким вот образом, дерзновенно, этот истинный христианин выражал свою молитву, движимый к тому своею преданностью святому и несомненною верою в него. При этом некто из тех, кто постоянно находились при святом гробе ради получения исцеления, человек, прибывший издалека, монах по одежде и инородец по языку и манерам, но благой по мыслям и добродетельный, видя и слыша столь необычайную молитву этого человека, сначала спросил его, чем он страдает. Но когда тот протянул перед ним руку и показал ему свой недуг, то монах-инородец произнес: «Если ты, брате, страдаешь таким злокачественным недугом, то почему не плачешь, не сокрушаешься, молясь святому, а прибегаешь к нему, как бы не имея вовсе никакой нужды?» Тот же в ответ на это сказал чужестранцу: «Да будет тебе известно, отче, что он (указывая на святого) знает, с какими помышлениями и с каким сердцем я прошу у него помощи и исцеления».

«Сказавши это, я, — говорит больной, — возвращаюсь домой и ночью, по обыкновению, за-

сыпаю, имея постоянно в уме своем святого и мысленно не переставая обращаться к нему с молитвами. После полуночи, когда наступило время церковного богослужения, я встал с кровати, позвал прислугу дать мне умыться, а умывал я лицо правою рукою, так как левая была поражена и, следовательно, оказывалась непригодною. И вот, умываясь, я невзначай коснулся левой руки и — о чудо! — мерзкие наросты все до единого исчезли, даже следа не осталось от них: ладонь совершенно свободно и беспрепятственно сжималась. Дивясь такому явлению, я приказал прислуге поднести поближе ко мне свечу и, позвавши всех, бывших в доме, показываю им это чудо, и все мы в изумлении прославили Бога и Его угодника». Что же дальше? Идет этот человек во второй раз ко гробу святого Григория, чтобы принести ему благодарение за сие великое благодеяние, и снова вышереченный монах, увидевши его, стал попрекать его за его странную молитву. Христианин же открыл перед ним ладонь и в молчании объявил монаху о чуде. Монах, увидев руку исцеленною, изумился до того, что открыто и громко начал прославлять Бога и восхвалять Его угодника. Затем, обращаясь к иконе святого, сказал: «Видно, я, так как с помыслами сомнения

пребывал у гроба твоего, за это не удостоился получить от тебя исполнения моего прошения — исцеления и твоей благодати, почему и решил было возвратиться в свое отечество. Но теперь — нет! Не отступлю от тебя, не уйду от твоих благодеяний. Да, клянусь подвигами твоей добродетели и сими великими твоими чудесами, я не уйду, но останусь здесь у святой твоей раки до тех пор, пока не получу и я исцеления чрез тебя, твоим заступничеством у Бога». И монах не обманулся в своей непоколебимой надежде, но скоро, по желанию своему, получил исцеление и немедля возвратился в свое отечество, что несомненно видно из следующего. «С тех пор, — говорит исцеленный, — я ежедневно ходил ко гробу великого врача, поклонялся ему и возносил ему молитвы благодарения, однако монаха я уже более не видел там. Ясно, что, получив исцеление, он отправился в свое отечество; иначе как бы он ушел, давши накануне столь решительную клятву не уходить раньше, чем получит желаемое?»

Но разве для своей только родной Фессалоники и ее коренных жителей или и окрест живущих, да, пожалуй, и для граждан-пришлецов со стороны дивный во святых Григорий так чу-

десно является врачом, спасителем и споспешником в нарочитое время нужды, а к прочим — чужим, как бы к неведомым, вдали сущим, он относится в известной степени легко и как бы с небрежением? О нет, далеко не так! Но зная, что повсюду едина Церковь Христова, достойным предстоятелем которой и сам был при жизни и за которую, по подражанию Христу, с готовностью положил свою душу, он и для отовсюду призывающих его также является и спасителем, и избавителем, и врачом неисцелимых недугов. Неложные свидетели сего — фессалийцы и иллирийцы¹, и все те, которые, испытав на себе здесь силу чудес святого угодника и изведав на деле его многое дерзновение пред Богом, славословят Его там, среди этих инородцев, проповедуя всюду о его великих чудесах. Ибо и иконы его изображают у себя, и частые совершают празднества в память его с великою верою и изрядною от души любовью, и храмы воздвигают во имя его, как бы во имя одного из апостолов и отцов Церкви, величают его проповедником благочестия, отцом-предстателем Церкви, учи-

¹ Под иллирийцами патриарх Филофей разумеет, конечно, болгар и сербов. — *Прим. перев.*

телем и хранителем ее истинных догматов и великим чудотворцем. Одним словом, поступают совершенно противоположно тому, что делает его собственное отечество¹. Они подражают и самаритянам, этой горсти инородцев, и верующей хананейнке, и всем тем, которые своею твердою верою во Христа обличили и сам великий Иерусалим, помрачение, тщеславие и завистливость его книжников и фарисеев; и боюсь, очень боюсь, чтобы не были приурочены и к Константинополю оные страшные слова, изреченные Владыкою мира в последние дни Его земной жизни: *«Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланныя к тебе»*² и что *«мнози от восток и запад придут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом... а сыны царства извержены будут вон»*³. Поэтому-то и сей последователь Христа так неукоснительно является на помощь истинно верующим и скоро исполняет их прошения, о чем уже было сказано нами и в доказательство чего приведем еще два-три случая, недавно последовавшие.

¹ т. е. Константинополь. — Прим. перев.

² Мф. 23, 37.

³ Мф. 8, 11–12.

Некая женщина очень знатного рода, из Кастории¹, по имени Зоя, впала в весьма острый недуг, сказавшийся сильными болями во внутренностях. Болезнь так жестоко ее мучила и так преворачивала все ее внутренности, что кровь ручьями лилась из нее каждый день Божий. Пять лет несчастная так терзалась, и медицина не могла подыскать даже лекарства, которое бы по крайней мере ослабило страдания, так что больная уже отчаялась во всякой помощи со стороны медицинской науки. К счастью, сильная натура болящей имела перевес, что и было единственною причиною того, что бедная женщина не пришла в окончательное истощение. Тем не менее она, наконец, все-таки слегла в постель и пролежала без движения целых два года, сверх пяти лет прежних жестоких страданий. Но так как слава о необыкновенных чудесах великого Григория с каждым днем росла и распространялась повсюду, то есть о их благодатных действиях говорили уже не только в великой Фессалонике, но

¹ Ныне Кесрие, город в Румелии, на озере того же имени, значительное торговое место. Кастория, в древности Целетр, была резиденциею Болгарского и Сербского княжеств (см. архим. Антонина «Из Румелии», изд. Императ. Русск. Археологич. Общества, 1886, с. 115, выноска 2. См. там же, с. 135–142) — Прим. перев.

и в отдаленных окраинах, то и больная Зоя, услышав об этом, прибегает с верою к божественной силе, так чудесно проявляемой чрез великого архиерея. Она приглашает к себе на дом пресвитеров сперва совершить над нею Таинство елеосвящения, а затем отслужить просительный с ней молебен святителю Григорию. И вот, во время самой молитвы пресвитеров, в виду всех, недвижимая в течение стольких лет вдруг разом поднялась с кровати и стала на ноги совершенно здоровая, бодрая. От прежней худобы в теле не осталось и следа, так что присутствующие были безмерно поражены этим скорым и необычайным чудом, подобным тому, которое древле Иисус Христос совершил над расслабленным и в Капернауме, и при Овчей купели, с тою лишь разницею, что там Он действовал Сам Собою, а здесь чрез святого Григория, Своего ученика и друга, воздвиг болящую от одра и избавил от хронического недуга.

Вследствие этого боголюбивейшие и именитейшие из граждан Кастории, в особенности весь собор священнослужителей, собравшись воедино, положили немедленно поставить икону святому Григорию и совершать всенародно торжественное празднество в день преставления свя-

того (14 ноября), потом воздвигают и храм во имя его как славного угодника Христова.

Один монах, родом из того же самого города, по имени Ефрем, человек кроткого нрава и уже убеленный сединами, прибывший недавно в Фессалонику, рассказал о себе перед громадным собранием народа следующее: «Когда я два года тому назад был по своим надобностям в Фессалии, то на обратном пути оттуда случилось со мною вот что. Дорогою я занозил себе правую ногу небольшою колючкою; несколько дней я чувствовал боль в ноге, потом, не умею сказать, каким образом вся боль из правой ноги перешла в левую и здесь стала невыносимою: не давала мне, помимо других неприятных ощущений, ни спать, ни есть, а спустя несколько дней, нога начала зудеть, страшно распухла и приняла форму объемистого бараньего меха; потом по всей опухоли образовались отверстия, раны — более сорока, шрамы от которых и теперь еще можно видеть как доказательство моих слов. Из этих ран, как бы из неиссякаемого источника, текла обильная вонючая материя. Прошло полтора года, но воспалительное состояние не унималось: ни лекарства аптечные, ни травы не помогали, оказывались совершенно бесполезны; поэтому я пришел

в отчаяние, и такая болезненная жизнь мне надоела, я часто призывал смерть. Но вот слышу от своих земляков, возвратившихся из Фессалоники, о бесчисленных и славных чудесах чудотворца Григория. Я верю без малейшего сомнения во все, что слышал; признал всенародно святого Григория столпом Церкви, учителем благочестия и вместилищем добродетели и всякой святости, кроме того, содетелем знамений и божественных чудес, богато одаренным апостольскою жизнью и благодатью. Обращаюсь я затем к нему с горячею молитвою о себе и о своем недуге, со слезами умиления прошу об исцелении своей ноги, давая обет, что если восстановлю свое прежнее здоровье, так что буду в состоянии ходить беспрепятственно, непременно пойду в Фессалонику, чтобы поклониться его священному гробу и открыто проповедовать о тех великих чудесах, которые его предстательством совершает на нас Иисус Христос. Помолившись этою молитвою с сокрушенным и умиленным сердцем, так как наступило время сна, я заснул. И вот какой-то монах, в архиерейском облачении, в митре с крестом и в омофоре, войдя в мою комнату, назвал меня по имени, сел ко мне на кровать и стал спрашивать — что со мною? Я указал ему на опухоль

ноги, на раны, рассказал ему о жестоких болях, которые от этого испытываю, и вообще раскрыл перед ним свою горькую участь. Он, взявши обеими руками за ногу, стал как бы сжимать опухоль и удалять вон нечистую материю. "Теперь, — сказал он, — уже не бойся; в тебе больше нет уже ничего злокачественного". Сказавши это, монах удалился.

Я же и после этого видения продолжал спать, и так сладко и спокойно, как не спал до того никогда. Когда же наступило утро и настал час утренней молитвы, призывавший монахов к псалмопению, пошел и я в церковь, опираясь на палку, что для всех монашествующих было чудом, какого никто из них не ожидал. На их любопытные расспросы, я объяснил им причину этого нового чудесного исцеления и привел их еще в большее изумление.

Прошло восемь дней со времени этого события, и так как я совершенно восстановил свое здоровье, прихожу в тот храм, в котором находится святая икона дивного Григория, и, помолвившись там молитвою благодарения за исцеление, возвращаюсь опять в монастырь. Теперь надлежало исполнить данный обет и довершить, так сказать, договор, заключенный с моим боже-

ственным врачом. Но, сказал я в самом себе, теперь идет к зиме, время тяжелое и трудное для путешествия, в особенности для стариков, каков я; оставим до более благоприятного времени путешествие в Фессалонику, а теперь время не позволяет. Можно и иным способом выполнить данный мною святому обет и не преступить договора: я призову пресвитеров Церкви и монахов нашего монастыря и совершим общее празднество святому со всяким торжеством и благолепием и таким образом исполним наш долг к Богу и в то же время воздадим обязательное благодарение и честь Его угоднику».

Вот что помышляла Ефрем в сердце своем и сообщил это своим братьям по общежитию. Поэтому он занялся мыслью о празднестве; приказали слугам, чтобы они приготовили все для торжества, обильно и роскошно. Но не казалось это благовидным и благопристойным самому виновнику торжества, великому Григорию, чтобы чудо это осталось только между братиею монастыря, но хотел он, чтобы весть о нем распространилась и в отдаленные места, к прославлению Бога. И вот, не наступил еще вечер того дня, как ужас великий объял монаха: он был поражен вновь страшным воспалением, при сем снова появилась на

ноге прежняя опухоль, сопровождаемая невыносимыми болями, и больной, сознавши причину этого внезапного поражения, исповедал, что прегрешил святому, обманув его в своем обете по легкомыслию, и начал снова прилежными молитвами вымаливать себе прощение и пообещал безотлагательно выполнить данный обет. После этого в тот же самый день снова чудодейственно последовало совершенное исцеление ноги. Не медля более, монах отправился в Фессалонику, поклонился священному гробу, облобызал крышку священной раки и засим, ставши посреди церкви и как бы вдохновленный наитием божественной благодати, поведал, как сказано выше, во всеуслышание о великих чудесах великого чудотворца.

Но речь наша была бы неполна, если бы мы умолчали о чудесах над Цимисхием Верийским, который, будучи вначале врагом Церкви, стал другом ее и учеником вследствие этих самых чудес и в конце концов, поживши добре, как истинный сын Церкви, отошел ко Господу.

Итак, расскажем вкратце и о них и поставим, так сказать, на вид верующим, купно и неверующим (особенно последним) нашим современникам. Человек этот был из благородной фамилии и отличался природным умом; в одном

только он сделал непростительную и недостойную ошибку относительно самого себя: в своем отечестве Верии он избрал себе в наставники злопагубного Акиндина. Незначительные познания в грамматике почерпнул он от своего учителя, но зато он выпил у него до дна лукавую и смрадную чашу ересей и впоследствии сам стал вторым Акиндином по нечестию. Много и часто слышал он поучительного и спасительного в Фессалонике от дивного Григория еще при жизни сего святителя, да и здесь, в граде Константина, и от нас и от других отцов-учителей неоднократно был научен познанию божественной благодати, действующей в людях чрез святых угодников, и, однако ж, несмотря на все это, он долго оставался бесчувственным к этим священным словам, сознательно противопоставляя истине непримиримую вражду и ложь настолько открыто, что даже писал речи и сочинял целые книги против благочестия, не ведая и не понимая — скажем словами апостола — и сам, подобно своему учителю, ни того, что говорит, ни того, что старается доказать и защитит¹. Необходимо было поэтому, чтобы божественная десница наконец преобразила и сего заблуждающегося посредством великих чу-

¹ Ср: 1 Тим. 1, 7.

дес Григория и купно с исцелениями телесными
уврачевала и душу, что и произошло так. Было у
этого мужа дитя мужского пола, но внезапно
приключившаяся болезнь быстро вела ребенка к
смерти. Дитя было уже при последнем издыха-
нии, и все решили было окончательно, что нет
больше никакой надежды на возвращение к жиз-
ни. Отец же дитяти, сей самый Цимисхий, уби-
тый горестью, отошел от постели умирающего,
будучи не в силах смотреть на предсмертную аго-
нию милого существа. Он ушел в одну из сосед-
них комнат своего жилища, сел и, оперши по-
никшую главу на правую руку, как это обыкно-
венно делают сетующие, стал шептать про себя:
«Если бы Григорий был, как говорят, в самом деле
истинный чудотворец и мог подавать подобную
благодать, то он показал бы это и на нас, спаси
нам сына от смерти и болезни». Находясь в та-
ком возбужденно-горестном состоянии, скорее
искушая, чем молясь, он в совершенном изнемо-
жении впал в забытие, как бы заснул, и — о новое
чудо! — краткий сон тотчас показал ему боже-
ственного Григория в святительском облачении.
Святой угодник Божий человеколюбиво сказал
тому, который и не молился ему, и доселе не ве-
рил в его чудодейственное могущество: «Мы, как

видишь, пришли, ибо ты сам нас призвал». Цимисхий, тотчас же стряхнувши от себя сонное забытие, спешит к умирающему дитяти и находит оное не только вне опасности смерти, но оправившимся совершенно от болезни. Этот столь чрезвычайный случай возвращает мужа в лоно православной Церкви: он исповедует благочестивые догматы, вместо врага Церкви делается другом ее и святого Григория, великого ее представителя. Кроме того, он сейчас же воздвигает гонение на ее сопротивников и поднимает славную войну против лукавого заблуждения Варлаама и Акиндина; предает огню все, что раньше написал против православия и его поборников и, исповедуя беспреткновенно здравую веру до конца жизни, с миром отходит ко Господу.

Вскоре по кончине этого мужа то же самое его дитя заболевает тяжело и так же находится в опасности смерти, как и прежде, и поскольку не было уже надежды на помощь ниоткуда, то мать снова в молитвах прибегает к своему обычному врачу, прося со слезами и с сокрушением сердца у него помощи; и тот немедленно, без малейшего коснения явился удрученной матери во сне и сказал: «Дерзай, жено: дитя твое не умрет». И слово его потом стало делом: очевидная неминуемая

смерть и тяжкая болезнь прогнаны, и больной ребенок стал совершенно здоров.

Прибавим еще одно, третье, чудо великого Григория, совершенное им впоследствии в семействе этого же Цимисхия, чтобы лучше уразуметь, как сей угодник, подражатель Христа, щедро и богато мздовоздаст своим друзьям, несмотря на то что прежде они были его врагами. Заболевает сестра жены Цимисхия, и заболевает тяжело, так что болезнь уже угрожала смертью. Перепробовав всякие медицинские средства и отчаявшись в помощи от людей, сестра больной сознала наконец, что необходимо прибегнуть единственно к помощи божественной. И вот, в глухую полночь выходит она, совсем одна, не сознавая, в чем была одета, но как бы упоенная сильною любовью к милой недужной сестре, переходит в самом центре весь большой город, так что все, кому пришлось встретиться с ней в такой поздний час, сочли ее безумною. Она между тем спешила в тот священный монастырь, который издавна именуют Хора, то есть вместилице. Там помолившись Христу со многими слезами о сестре, она возвращается назад. Но так как смерть, несомненно, мало-помалу приближалась к больной, то сестра опять стала призывать Григория, а с ним и чрез

него всемогущую Христову силу. Тот не замедлил прийти, последуя Иисусу Христу, и, ставши во сне перед сестрою болящей, сказал: «Ты приходила нас звать, и вот, видишь, мы пришли; знай же, что сестра твоя теперь пока не умрет». И когда женщина спросила: «Кто есть тот, которому ты последуешь?» — святой Григорий ей отвечал: «Он есть общий Владыка всех Христос, Которому ты так усердно молилась в монастыре Хора». Услышав это, женщина тотчас пробудилась, дивясь видению. Когда же засим она увидела на деле исполнение этих таинственных и божественных слов, то купно с выздоровевшею уже сестрою непрестанно прославляла Бога и Его великого угодника.

Припомню еще одно чудо великого Григория и этим чудом, как бы золотым венцом, возложенным на описанные выше чудеса, завершу свое неискусное и далеко не полное слово, предоставляя сказать больше нашим мудрецам, так дивно объясняющим их начало свыше и умеющим описать их надлежаще, и прежде всего и преимущественно пред другими — нашему брату, отлично описывающему их в Фессалонике, богато притом одаренному силою выражения и мудростью к постижению прекрасного; от него-то мы и заимствовали приведенное выше и, на-

сколько могли и умели, присоединили к житию святого, чтобы умолчанием об этих чудесах не опечалить многих.

Чудо это следующее.

Один из монашествующих в священной лавре преподобного Афанасия, инок совершенный, избравший в свое достояние отшельническую жизнь, подвизался уединенно, в затворе, показываясь изредка одному или двум из целой братии, а для остальных всех пребывал неведомым. Денно и ночью молил он Бога открыть ему о святом Григории, в каком состоянии тот находится на небесах и к каким угодникам сопричислен. Так молясь в течение долгого времени, он наконец в одну ночь сподобился следующего видения. Показалось ему, будто он в Константинополе и стоит в дивном храме Святой Софии (хотя он никогда не бывал в Константинополе и, разумеется, никогда не видал этого храма). Видел же он там собор отцов, восседавший посреди церкви; тут были: Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Нисский и мудрый Кирилл, а с ними и прочий весь сонм святых богословов. Когда они вели между собою беседу, то монах напрягал все свое внимание, ум и слух, чтобы понять, о чем они говорят,

но решительно ничего не расслышал. Когда дело, по-видимому, дошло до конца и отцы, по обычаю соборов, должны были сделать заключение и определение, тогда отшельник ясно расслышал, как все заговорили, что невозможно, чтобы их решение возымело силу, если не присоединится к собору со своим решением Григорий, председатель Фессалоники. И тут же посылается один из прислужников пригласить архиерея на священный собор. Посланный ушел, но вскоре возвратился, говоря: «Невозможно подойти к Григорию, так как он стоит у престола перед царем и тайно с ним беседует». Отцы приказывают ему снова пойти, дожидаться конца царской беседы и потом сказать Григорию о приглашении в собор. Прислужник пошел снова и, дождавшись по приказанию удобного времени, объявил обо всем Григорию, что невозможно-де собору сделать постановление без твоего присутствия. Узнавши об этом, Григорий немедленно прибывает на собор, и святые отцы, увидев его приближение, все встали и после дружелюбного, так сказать, приветствия, усадили его посреди верховной всечестной троицы богословов и таким образом совместно с мнением Григория сделали окончательное подтверждение своему прежнему определению во

славу его и во славу соборной Церкви Христовой. Ибо, говорили святые отцы Григорию с некоторою священною благодарностью и радостью несказанною, все то, что ими по разным вопросам и в разные времена было богословски обсуждено, все это он в последнее время собрал воедино божественною силою и благодатью, прекрасно обработал, правильно объяснил и этим закрепил за их учением силу божественного Духа, превосходно опроверг им и посрамил новые ереси и словами своими сделал, так сказать, заключение и окончательный вывод из их священных богословствований. Все это, как казалось монаху, святые отцы говорили Григорию и все вместе, и каждый из богословов в отдельности и засим, поднявшись вместе с ним со своих седалищ, закрыли оный священный собор.

Таковы вот великие, сверхъестественные чудеса великого и дивного Григория и после его отшествия к Богу, после его воистину блаженной кончины. Велики, правда, они и вполне достойны его великой ангельской жизни, его удивительных подвигов и трудов за благочестие, но мы привели мало этих чудес сравнительно с тем множеством их, которое бывало, бывает и имеет быть в будущем. Впрочем, думаю я, и этого малого до-

статочно для того, чтобы частью раскрыть целое. Чудеса эти, совершаемые божественною благодатью, совершаются не столько ради самих чудес или ради восхваления чудотворца, сколько ради подтверждения, упрочения и умножения слова благочестия, которое всегда было гонимо, а в настоящее время в особенности, злейшими этими и многоглавыми ересями, но утверждено им (Григорием) и проповедано многожды и близким, и отдаленным, на море и на суше силою пребывающего в нем Святого Духа. Поэтому-то и его вещание апостольски *изыде во всю землю и в концы вселенныя глаголы его*¹. Впрочем, этот злокачественный нарост, эти последователи и прислужники лукавого заблуждения, так неразумно упорствующие и так стойко до днесь держащиеся в этом ночном сражении, ходят во тьме, ощупывая стену, подобно слепцу, по слову блаженного Исаии, не могут прозреть, чтобы узреть великий свет этих самых чудес и видеть Солнце правды, так что к ним, я думаю, вполне может быть отнесено оное Владычнее изречение: «Если даже знамения и чудеса увидите, не имате веры»², на-

¹ Рим. 10, 18.

² Ср.: *аще знамений и чудес не видите, не имате веровати* (Ин. 4, 48).

столько эти новые враги благочестия стараются превзойти неверие иудеев. Ибо ослепли их очи и очерствело их сердце, и они *видя не видят, и слыша не слышат*¹.

Но оставим пока этих по своему собственному произволению слепотствующих, о них достаточно уже сказано. Может быть, когда-нибудь и сами они поверят великим делам, если доселе не верили словам. Когда они увидят сего великого Григория с ангелами и святыми мужами на облаках, по слову блаженного Павла, восхищаемым в сретение Господа, яко солнце сияющим, по слову Самого великого Солнца, ибо сказано: *«Тогда праведницы просветятся яко солнце в Царствии Отца их»*², тогда, несомненно, они уверуют в то, чему не хотят верить теперь. Мне слышится Божественное Писание, явственно говорящее о распявших Христа: *«Воззрят на Нь, Его же прободоша»*³.

Ты же, треблаженная, воистину честная и многожеланная глава, слава монашествующих, общее богословов, отцов и учителей украшение, апостолов сподвижник, исповедников и мучени-

¹ См.: Мф. 13, 13.

² Мф. 13, 43.

³ Ин. 19, 37.

ков неустрашимый ревнитель, кровью не запятанный, увенчанный и словами и делами, поборник и верховный защитник благочестия, божественных догматов высокий истолкователь и учитель, многоразличных ересей, безбожия и многобожия горячий истребитель, общий Церкви Христовой защитник и страж! Именую тебя также и устами, и языком, и душою Церкви, и умом, но умом не тем, что разумеет под этим словом греческий философ Анаксагор, а умом священнейшим, высочайшим, несомненно божественным, и главою после общей Главы всего и всех Христа, сокровищницею всяких словес, носилцем дивных благодатных даров, верховным наставником добродетели, мерилом богословия, правилом догматов, общим украшением человеческого естества и всем, что есть божественного, высокого и благоговейного. Ибо ты и по преставлении ко Христу назидаете также и ныне свою паству и общество Церкви свыше, еще и очевиднее, многоразличные недуги их исцеляя, смиряя стремительность последних единым твоим словом, и ереси прогоняя, и от всяких страстей избавляя. Ибо ты никогда не забудешь сего священного знания, ни величайших за нас подвигов и трудов не оставишь, которыми ты, и живя с нами,

выше всего мирского воспитанный, и скончавшись, сверхъестественно препрославился.

О, если бы ты принял милостиво и это наше слово, стяжанное многими трудами по великой к тебе любви! И ты его примешь, я знаю, похваляя в то же время и дружбу, и посильный труд наш, и то, что мы подвинулись не несвоевременно говорить и писать. Прими же сие слово и усмири бурю многоразличных страстей и искушений, свирепствующую столь долгое время и ежедневно возбуждающую страшное треволение, и избавь нас от нынешних волнений многопечальных и болезненных, и даруй надежду на лучшее житие там, на ожидаемое блаженство и успокоение во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава и держава со безначальным Отцем и животворящим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молитва преподобной Марии Египетской перед иконой Пресвятой Богородицы о даровании ей возможности поклониться честному кресту Христову, начинающаяся словами «Дево Владычице...», о которой говорит святой Филофей¹, содержится в житии преподобной, написанном святым патриархом Иерусалимским Софронием². Она включена и в житие преподобной Марии Египетской, входящее в «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского под 1-м числом месяца апреля³.

Рукописные источники, сохранившие молитву святителя Григория, упоминаемую в его житии⁴, не известны. Однако в «Цветнике различных умиленных молитв», изданном константинопольским патриархом Неофитом в 1799 г.⁵, помещена молитва,

¹ См. с. 45 настоящего издания.

² См.: PG 87,3697C–3725C.

³ См.: Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Апрель. М., 1992. С. 15.

⁴ См. с. 45 настоящего издания.

⁵ Ἀπάνθισμα διαφόρων κατανυκτικῶν εὐχῶν, ἐκδοθὲν δαπάνῃ τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου Νεοφύτου εἰς κοινὴν τῶν ὀρθοδόξων ὠφέλειαν ἐν τῷ τοῦ Πατριαρχίου τῆς Κωνσταντινουπόλεως τυπογραφείῳ ἔτει 1799. Новое издание этой книги было выпущено издательством «Ἐκδόσεις Ἁγιοριτικῆς Βιβλιοθήκης» в 1980 г.

имеющая надписание «Молитва ко Пресвятой Богородице, которою, как говорят некоторые, молился великий Фессалоникийский Григорий Палама, как в житии его видно». Позднее она была воспроизведена в «Великом молитвослове» А. Симонова¹. Составителем «Цветника» является преподобный Никодим Святгорец. Можно предположить, что молитва, приписываемая святому Григорию, была найдена им в какой-то афонской рукописи. Если сравнить ее с вышеупомянутой молитвой преподобной Марии, то можно увидеть, что ее первый абзац почти буквально повторяет эту молитву, за исключением последних строк. Это обстоятельство согласуется со свидетельством жития святого Григория о том, что его молитва «получила начало от преподобной Марии Египетской» (буквально в подлиннике — «ведет начало и светлое вступление от дивной оной египтянки»). Несмотря на то что мы не можем быть полностью уверены в принадлежности молитвы, помещенной в «Цветнике различных умиленных молитв», святителю Григорию, приводим ниже ее перевод.

¹ Μέγα Προσευχητάριον, περιέχον ιεράς προσευχάς ἐν πάσῃ περιστάσει καὶ ῥήματα ἱερά περὶ προσευχῆς, μετανοίας, ἔξομολογήσεως, μεταλήψεως καὶ ἀναγνώσεως τῶν Θείων Γραφῶν, ὑπὸ Ἀνδρέου Σίμωνωφ. Ἀθήναι, 1906. Новое издание: Ἐκδόσεις Βασ. Ῥηγοπούλου, Θεσσαλονίκη, 2001.

**Молитва ко Пресвятей Богородице,
ею же, якоже глаголют неци,
моляшеся великий
Фессалоникийский Григорий
Палама, яко в житии сего зрится**

Дево Владычице Богородице, Яже Бога Слова плотию рождшая, вем убо, яко несть благолепно ниже достойно мне, тако всеблудному, образ чистый Тебе, чистыя, Тебе, Приснодевы, Тебе, тело и душу имущей чиста и нескверна, очима оскверненныма зрети и устнама нечистыма и скверныма обьимати или молити. Праведно бо есть мене, блуднаго, ненавидети и гнушатися мною Твоей чистоте. Обаче, понеже бысть Бог, Егоже родила еси, человек, яко да призовет грешныя к покаянию, дерзая, и аз прихожду к Тебе, со слезами моляся.

Прими мое настоящее многих и тяжких прегрешений исповедание и принеси едиnorodному Твоему Сыну и Богу, моление творящи, яко да будет милостив окаянной моей и смиренней души, ради бо множества безза-

коний моих возбранен есмь к Нему взирати и просити прощения. Сего ради Тебе предлагаю молитвенницу и ходатаицу, яко многих вкусив и великих даров от создавшаго мя Бога и беспамятен о всех явився, окаянный и неблагодарный, приложихся скотом несмысленным и уподобихся им, нищ сый добродетельми, богатея страстьми, студа сый исполнь, дерзновения божественнаго лишен, осужден от Бога, плачим от ангел, поругаем от демонов и ненавидим от человек, обличаем от совести, от лукавых моих постыжаем дел и прежде смерти мертв сый, и прежде суда самоосужден сый, и прежде не некончаемаго мучения самомучим бываяй от отчаяния. Темже к Твоему и единому прибегаю заступлению, Владычице Богородице, тьмою талантов должен, блудно с блудницами отеческое расточив имение, соблудив паче блудницы, беззаконновав паче Манассии, паче богатаго немилосерден быв, гортанобесный раб, лукавых помысл приятелище, постыдных и скверных словес сокровищехранитель, всякаго благаго делания чужд.

Помилуй мое смирение, ущебри мою немощь; великое имаши дерзновение ко из Тебе Рожденному, никтоже может, яко Ты, Мати

Божия. Вся бо можеши, яко вся превосходящи создания, и ничтоже Тебе невозможно есть, аще восхоцещи точию. Не презри убо моих слез, не возгнушайся моим въздыханием, не отвержи мою еже от сердца болезнь, не посрами мое еже на Тя упование, но Матерними Твоими молитвами Благаго Сына Твоего и Бога ненуждное понудивши благоутробие, сподоби мя, окаяннаго и недостойнаго раба Твоего, первую и исконную мою восприяти доброту, и страстей отложити безобразие, свободитися от греха, поработитися же правде, совлещися скверны плотския сласти и обещися в святыню душевныя чистоты, умертвитися миру и жити добродетели.

Путешествующу ми спутешествуй, в мори плывущу сплавай, бдяща мя укрепи, скорбяща утеша, малодушествующа умири, болящу исцеление ми даруй, обижаема избави мя, оклеветаема неповинна яви, к смерти бедствующа вскоре предваривши спаси, невидимым врагом на всяк час страшна покажи мя, да уведят вси неправедно мучащии, чий есмь раб.

Ей, Преблагая Владычице Богородице, услыши окаянную мою молитву и не посрами мене от чаяния моего, еже по Бозе упова-

ние всех концов земли. Врание плоти моея угаси, еже в души моей жесточайшую бурю утиши, горькую ярость укроти, надмение и гордость суетнаго мнения от ума моего истреби, ночная мечтания лукавых духовъ и дневная нечистыхъ мыслей приражения от сердца моего умали, вразуми мой язык глаголати полезная, научи мои очи зрети право добродетели правость, нозе мои тещи непоползновенно сотвори блаженнымъ путемъ Божиихъ заповедей, руке мои освятитися уготови, яко да достойно воздежу ѣ к Вышнему. Очисти моя уста, яко да с дерзновениемъ призываеа Отца, страшнаго Бога и всесвятаго. Отверзи мои уши, яко да слышу чувственно и мысленно яже паче меда и сота слаждшая Святыхъ Писанийъ словеса и живу по сим, от Тебе укрепляемъ.

Даждь ми время покаяния, помысл обращения, напрасныя смерти мя свободи, осужденнаго совестию мя измени. И наконецъ предстани ми при разлучении души от окаяннаго моего телесе, нестерпимую оную облегчающи нѹжду, несказанную утишающи болезнь, неутешную утешающи тесноту, темнаго мя демонскаго избавляющи зрака, гор-

чайшаго ответа мытарей воздушных и начал темных изъимаючи, и рукописания многих моих грехов растерзаючи, Богу мя усвой, и одесную Его блаженнаго стояния на Страшнем Судищи сподоби, и вечных и нетленных благ причастника мя сотвори.

Сие Тебе приношу исповедание, Владычице моя Богородице, свете помраченных моих очес, утешение моея души, по Бозе упование мое и предстательство, еже со благоволением приими, и очисти мя от всякия скверны плоти и духа, и сподоби мя в настоящем веце неосужденно причаститися всесвятаго и пречистаго тела и крове Сына и Бога Твоего, в будущем же небесныя вечери сладости райския, идеже всех есть веселящихся жилище. Сих же улучив благих, недостойный, прославлю во веки веков пречестное и великолепое имя Сына и Бога Твоего, приемлющаго всех от всякающих души, ради Тебе, бывшей всех грешных ходатаицы и поручительницы. Ради бо Тебе, всепетая и преблагая Владычице, спасается всякое человеческое естество, хвалящи и благословящи Отца и Сына и Святаго Духа, Всесвятую Троицу и Единосущную, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Житие святого Григория Паламы	8
Приложение	217
Молитва ко Пресвятей Богородице, ею же, якоже глаголют неции, моляшеся великий Фессалоникийский Григорий Палама, яко в житии сего зрится	219

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Лицензия № 06118 от 23.10.01 г. Формат 70х100/32
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 275
Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-
полиграфического центра, г. Сергиев Посад

Рака с мощами
свт. Григория
Паламы
в кафедральном
соборе
г. Салоники

Крестный ход в г. Салоники
в день празднования памяти святителя Григория Паламы

